

**ЯЗЫК
И НАЦИОНАЛЬНОЕ
СОЗНАНИЕ**

32

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина

Язык и национальное сознание

Продолжающееся научное издание

Вып. 32

Издается с 1998 г.

**Москва
2026**

УДК 81'33
ББК 81

Редакционная коллегия:

д.ф.н., доц. А.В. Рудакова, д.ф.н., проф. М.А. Стернина –
научные редакторы;
д.ф.н., проф. А.П. Бабушкин; к.ф.н., доц. Н.А. Козельская;
к.ф.н., доц. М.С. Саломатина

Рецензенты: проф. Е.А. Маклакова, проф. В.М. Топорова

Продолжающееся научное издание

Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина

Язык и национальное сознание: сборник научных трудов / Науч. ред.
А.В. Рудакова, М.А. Стернина. – Москва: издательство «РИТМ», 2026. –
Вып. 32. – 183 с.

Тридцать второй выпуск продолжающегося межвузовского научного издания «Язык и национальное сознание», издаваемый Научной школой в области общего и русского языкознания профессором Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина, отражает результаты исследований в области теории и практики описания языкового и коммуникативного сознания носителей языка. В сборнике представлены статьи как воронежских ученых, так и исследователей из других вузов России, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, работающих в рамках проблематики и концепции Школы.

Для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований, психолингвистики и межкультурной коммуникации.

ISBN 978-5-00208-7

© Коллектив авторов, 2026

Языковое сознание

А.П. Бабушкин (Воронеж)

Факты «над-национального» сознания в русской и английской фразеологии

Аннотация: Статья посвящена отражению универсальных понятий в содержании русских и английских фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеология, русская, английская, смысловые параллели, над-национальное сознание.

Abstract: The paper deals with reflection of universal notions in the content of Russian and English idioms.

Key words: phraseology, Russian, English, semantic parallels, super-national consciousness.

Фразеология как раздел науки о языке призвана отражать национальное сознание народа, так как она является «зеркалом» его мировоззрения, «вбирает» в себя культурные особенности этноса, обычаи и традиции. Устойчивые образные выражения уникальны по своему содержанию, при этом, по словам В.М. Мокиенко, «идиоматика любого языка обладает двойственной индивидуальностью. Она индивидуальна, ибо каждый оборот является самостоятельным осколком некогда активной речевой модели, со временем утратившей актуальность. Она индивидуальна и как отражение каких-либо национальных реалий, составлявших в свое время самобытность культуры того или иного народа. А индивидуальное – как это ни парадоксально – является особо прочным цементирующим раствором при взаимодействии народов и культур, ибо именно оно и является национальной “валютой” при взаимообмене народов» (Мокиенко 1986, с. 4).

Однако возникает вопрос: при всей своей оригинальности, имеют ли фразеологизмы одного языка смысловые параллели в другом, и, если да, то чем объясняется их возможная близость? (Речь не идет о заимствованиях, например, из латыни).

Наша статья посвящена поиску аналогий в плане содержания устойчивых выражений из «сокровищниц» двух неродственных языков – русского и английского с целью показать, как перекрещиваются между собой речения, порожденные образным мышлением их носителей.

Техническим средством достижения поставленной задачи послужит сравнение фразеологических оборотов, взятых из рассказов В.М. Шукшина в их переводе на английский язык (работы Лоры Мичел и Джона Гивенса). Еще раз подчеркнем, что перевод представляет собой методический прием, а не цель исследования.

Нас интересуют случаи, когда русскому фразеологизму соответствует английская идиома, при этом исключаются варианты описательного перевода и трансляционных калек, как, например: *Ну-ка ты, доктор кислых щей! Дай-ка там посмотреть* (В. Шукшин. Микроскоп). Названный «доктором кислых щей» сельский житель Андрей Ерин увлекся поиском микробов в окружающем его мире с помощью приобретенного им оптического прибора.

Реплика супруги Ерина в английском переводе принимает следующий вид: *Okay, you, Mr. Ph. D. of sour cabbage soup! Give the children to look.* Явно, что переводной аналог не обладает статусом фразеологической единицы, а построен по образу и подобию соответствующего русского выражения путем точной передачи его составных частей.

Другое дело – фрагмент из рассказа В.М. Шукшина «Степан Разин». Жена упрекает мужа за то, что тот постоянно меняет место работы: *Господи!.. Ну что же мне с тобой делать, верста коломенская. Журавель ты такой.*

Английский перевод дает следующий вариант: *Good heavens!.. Well, now what am I gonna do with you, you bean-pole? You ganglin crane?* Отметим, что приведенные выражения структурно однотипны, реализуя в своей семантике некую схему.

«Верста коломенская» говорят о человеке непомерно высокого роста. Русский фразеологизм предполагает сравнение человека с верстовым столбом, которые устанавливали при царе Алексее Михайловиче по дороге из Москвы до села Коломенского, его летней резиденции.

В свою очередь, в идиоме «tall as a bean-pole» упоминается высокий шест, выступающий в качестве опоры для восходящих по нему ростков бобовых.

В другом рассказе местный «умник» собирается «щелкнуть по носу» ученых, приехавших в гости к сельским родственникам.

– *Посмотрим, посмотрим», – неопределенно пообещал Глеб. Кандидатов сейчас как нерезаных собак* (В. Шукшин. Срезал).

В английском переводе читаем: *We shall see what we shall see, – Gleb promised vaguely. There are more Ph. D.'s these days than you can shake a stick at.*

«Как собак нерезаных» – говорили в старину жители о заезжих, непрошенных гостях, которых за глаза называли «собаками».

Английское «more than you can shake a stick at» берет свое начало от случаев противостояния сворам собак, настолько большим, что их нельзя было разогнать, даже размахивая палкой или тростью.

И русский, и английский обороты вербализуют, если так можно выразиться, локализованную совокупность представлений.

Сопоставим еще один пример из рассказа Шукшина «Алеша Бесконвойный» с его переложением на английский язык. В оригинале

произведения говорится о человеке, имевшем бессменный ритуал – ходить по субботам в баню.

Убеждай его, не убеждай – как об стенку горох.

То же самое по-английски: *Try as you might to convince him, it was like beating your head against a brick wall.*

В своем истоке фразеосочетание «как об стенку горох» рисует своего рода сценарную, «живую картинку» в динамике: сушеный горох в стручках горстями бросали в стену с целью его лушения – стручки раскрывались, а горошины отскакивали от стены. Позднее этот опыт перенесли на ситуацию, когда попытки убеждений оказывались безуспешными. Объект увещаний уподоблялся стенке, от которой с треском рикошетили зерна гороха.

Перевод английского примера говорит сам за себя: тщетные усилия уверить кого-то в чем-то – это все равно, что биться головой о каменную стену.

Указывая на несовпадения в образных составляющих русских и английских фразеологических единиц, перейдем к вопросу о правомерности аналогии между ними.

С нашей точки зрения, совместимость идиом заключается в том, что они являются вариантами одного и того же инварианта в виде общего начала в оценках окружающего мира людьми, говорящими на разных языках.

Русский фразеологизм «верста коломенская» и английская идиома «tall as a bean-pole» подводятся под один мыслительный конструкт, предполагающий подъем умозрительной планки над среднестатистическим уровнем человеческого роста.

Русское устойчивое выражение «как собак нерезаных» и английское «more than you can shake a stick at» сводятся под рубрику единого понятия «чрезвычайно много».

Русское фразеосочетание «(отскакивать) как об стенку горох» и его английский аналог «like beating your head against a brick wall» говорят о «пустых хлопотах» в переубеждении тех, кто упрямо стоит на своем.

Данные выражения свидетельствуют о существовании смыслов, «надстроечных» над смыслами, порожденными исключительно национальным сознанием. В них, безусловно, проявляется «фамильное» их сходство, при этом обязательно наблюдается структурная идентичность.

Остается добавить, что в Англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина содержится достаточно много устойчивых оборотов, помеченных знаком приблизительного равенства с русскими фразеологизмами (Кунин 1994).

По мнению А. Вежбицкой, невозможно понять чужую культуру, не прибегая к универсальным человеческим понятиям (Вежбицкая 1993). Такие понятия находятся в силу единства мышления людей, на каком бы

языке они ни говорили, одинакового восприятия мира, а также вследствие единства мировой цивилизации (Наумова 2012, с. 206). В частности, именно они и формируют факты «над-национального» сознания в русской и английской фразеологии.

Литература

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. проф. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель, Аст-Люкс, 2005.

Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. Вып. 3. Москва, 1993. С. 185-206.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Москва: Рус. язык, 1994.

Мокиенко В.М. Образы русской речи. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986.

Наумова И.О. Фразеологические общности английского и русского языков (в контексте языковой конвергенции). Харьков: ХНАГХ, 2012.

Источники примеров

Шукшин В.М. Рассказы. Москва: Рус. язык, 1981.

Shukshin V. Stories from a Siberian Village / Trans. by L. Michael and J. Givens. Northern Illinois University Press, 1996.

М.Х. Гафарова (Воронеж)

Развитие коннотативной полисемии сопоставимых лексем *сила* и *power* в русском и английском языках

Аннотация: В статье рассматривается развитие коннотативной полисемии русских и английских сопоставимых субстантивных лексем *сила* и *power*. Исследование выполнено в рамках сопоставительно-параметрического метода с использованием ряда формализованных параметров и шкал.

Ключевые слова: коннотативная полисемия, сопоставительно-параметрический метод, семема, семантема, индекс, шкала.

Abstract: The paper deals with the development of the connotative polysemy of Russian and English comparable substantive lexemes *сила* and *power*. The study has been conducted using the comparative-parametric method and a number of formalized parameters and scales.

Key words: connotative polysemy, comparative-parametric method, sememe, semantheme, index, scale.

В статье исследуется развитие коннотативной полисемии сопоставимых субстантивных лексем русского и английского языков *сила* и *power*. Обе эти лексемы характеризуются высокой частотностью, при этом лексема *сила* входит в первую сотню наиболее частотных лексем по данным Нового частотного словаря русской лексики О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова (<http://dict.ruslang.ru/freq.php>), а лексема *power* – в третью

сотню наиболее частотных лексем, согласно списку наиболее частотных глаголов Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Для описания развития коннотативной полисемии был использован метод обобщения словарных дефиниций (Стернин, Рудакова 2011, с. 19-27) по следующим лексикографическим источникам: в русском языке – Малый академический словарь русского языка в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой, Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова, Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в английском языке – Новый большой англо-русского словарь в 3 т. под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой, Longman Dictionary of Contemporary English, Cambridge English Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary online.

Исследование проведено с помощью двух основных процедур сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2025): индексализации параметров исследования и шкалирования полученных результатов.

Для выявления выраженности развития коннотативной полисемии семантики исследуемых лексем нами были использованы следующие введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода индексы:

- *индекс коннотативной представленности семантемы* – отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010);

- *индекс развитости коннотативной лексической полисемантичности семантемы* – отношение количества коннотативных семем, развивающих лексическую полисемантичность (ЛП), к общему количеству коннотативных семем в семантеме (Гафарова 2025);

- *индекс развитости коннотативной лексико-грамматической полисемантичности семантемы* – отношение количества коннотативных семем, развивающих лексико-грамматическую полисемантичность (ЛГП), к общему количеству коннотативных семем в семантеме (Гафарова 2025);

- *индекс развитости коннотативной лексико-грамматической вариантности семантемы* – отношение количества коннотативных семем, развивающих лексико-грамматическую вариантность (ЛГВ), к общему количеству коннотативных семем в семантеме (Гафарова 2025).

Перейдем к рассмотрению семантем данных лексем.

На базе семемы Д1п¹ «могущество, власть, авторитет» (*Новая группа стала приобретать в уезде силу и значение*) лексема **сила** развивает следующие семемы К1п:

- «совокупность физических и духовных свойств человека как основа деловой и творческой активности; жизненная энергия, жизнеспособность» (*Он попробовал свои силы в метании копья*);

¹ Обозначается полисемия на уровне соответствующих частей речи.

- «физическое насилие или моральное, экономическое и т.п. давление» (Фому Фомича приказали явиться, угрожая силою в случае отказа);

- «способность человека выдерживать большие психологические нагрузки или проявлять в полной (высшей) степени свои умственные наклонности и душевные свойства (волю, ум, характер и т.п.)» (Мересьев всей силою своей воли устремился к одной цели – научиться ходить);

- «способность, возможность совершать, делать что-л., требующее внутреннего напряжения» (Клянусь вам, что я не могу дольше так жить! Сил моих нет);

- «способность производить какую-л. работу; энергия, мощность» (Подъемная сила машины);

- «правовая или финансовая действительность (ценных бумаг, денег); правомочность (закона, решения, правила)» (План заготовок имеет силу закона);

- «способность производить сильное впечатление, оказывать сильное влияние; убеждать» (Велика сила человеческого слова);

- «самое существенное и главное; суть, сущность, смысл» (Я, господа, полагаю, что бы там ни случилось, а вся сила в желудке);

- «степень проявления чего-л.; интенсивность, напряженность» (Буря еще продолжался, хотя с меньшею силою);

- «величина, значительность, глубина (умственных или душевных свойств, впечатлений, переживаний)» (Я знал, что они понимают всю силу тоски моей о тех, кого я покинул);

- «источник энергии или побуждение к какой-л. деятельности» (Боец на войне – решающая сила);

- «слой общества или группа, действующие в политических, социальных или профессиональных интересах» (Прогрессивные, демократические силы);

- «люди, составляющие какой-л. производственный коллектив, люди сходной профессии» (В летнем театре выступали местные силы: скрипачи, арфистка и пианист Константин);

- «огромное количество, множество» (Народу там сила).

В семантему данной лексемы также входит наречная коннотативная семема «с помощью, при участии кого-л.» (После собрания будет устроен концерт силами учащихся).

Индекс коннотативной представленности семантемы у лексемы *сила* – 83,3% (из 18 семем этой лексемы 15 являются семемами К1). Данная лексема демонстрирует как лексическую, так и лексико-грамматическую полисемантичность (Стернина 1999). Индекс развитости коннотативной лексической полисемантичности данной семантемы – 93,3% (из 15 семем К1 14 демонстрируют ЛП), а индекс развитости коннотативной лексико-грамматической полисемантичности семантемы – 6,7% (из 15 семем К1 ЛГП демонстрирует лишь одна семема).

Перейдем к рассмотрению лексемы *power*.

На базе семемы Д1n «контроль, власть, сила» (*People should have more power over the decisions that affect their lives*) лексема *power* развивает следующие семемы К1n:

- «политическая власть» (*Hitler seized power in Germany in 1933*);
- «полномочия, власть, силы» (*City rulers abused their power by using public funds for private purposes*);
- «способность, власть, силы» (*I will do everything in my power to help you*);
- «умственная или физическая способность» (*Spiderman uses his powers to fight crime*);
- «мощь, сила» (*They were impressed by the power of her arguments*);
- «сила влияния, власть» (*Values are distorted by the power of advertising*);
- «силы, духи» (*She believed in the existence of a benevolent power*).

Коннотативная лексико-грамматическая полисемантическая данной лексемы представлена на уровне прилагательного – это семема К1a «деловой (об обеде)» (*Whether it's a power lunch or a romantic dinner, a meal at "Cicada" always feels like a special occasion*) и глагола – две семемы К1v «сильно ударить по мячу» (*He powered his drive over 300 yards down the first hole*) и «поддерживать, вдохновлять» (*Faith in goodness powers his life*).

Коннотативная лексико-грамматическая вариантность представлена в семантеме семемами:

- К1n/v² «мощь, питание, энергия / питать энергией, служить приводным двигателем, снабжать силовым двигателем» (*Our car doesn't have enough power to tow a trailer / The aircraft is powered by a jet engine*);
- К1n/a «электричество / электрический» (*Make sure the power is switched off first / a power tool*);
- К1n/v/a «физическая сила; все силы, возможности человеческого тела и духа / двигаться, действовать с силой / сильный, мощный» (*He hit the ball with as much power as he could / His strong body powered through the water / a power pitcher*).

Индекс коннотативной представленности семантемы данной лексемы составил 76% (из 17 семем этой лексемы 13 являются семемами К1). Данная лексема демонстрирует лексическую и лексико-грамматическую полисемантическую, а также лексико-грамматическую вариантность. Индекс развитости коннотативной лексической полисемантической данной семантемы – 54% (из 13 семем К1 ЛП демонстрируют 7 семем), а индексы развитости коннотативной лексико-грамматической

² Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи.

полисемантичности и лексико-грамматической вариантности равны 23%, так как из 13 семем К1 ЛПП и ЛГВ демонстрируют по три семемы.

Чтобы оценить степень выраженности развития коннотативной полисемии сопоставимых лексем *сила* – *power* по использованным параметрам нами была применена разработанная Л.А. Кривенко (Кривенко 2013) шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров. Результаты анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Параметр	Русский язык	Степень выраженности параметра	Английский язык	Степень выраженности и параметра
Индекс коннотативной представленности семем	83,3	высокая	76	высокая
Индекс развитости коннотативной лексической полисемантичности семем	93,3	гипервысокая	54	значительная
Индекс развитости коннотативной лексико-грамматической полисемантичности семем	6,7	низкая	23	заметная
Индекс развитости коннотативной лексико-грамматической вариантности семем	0	нулевая	23	заметная

Как видно из Таблицы 1, в обеих лексемах коннотативная полисемия превалирует над денотативной, при этом индекс коннотативной представленности оказался наибольшим у русской лексемы *сила*. Он составляет 83,3%, что характеризует *высокую* степень выраженности данного параметра.

В семантемах обеих лексем преобладает коннотативная лексическая полисемантичность. При этом наибольшее значение индекса развитости коннотативной ЛП (93,3%) также отмечено у лексемы *сила*, что характеризует *гипервысокую* степень выраженности параметра.

Коннотативная лексико-грамматическая полисемантичность наиболее ярко представлена в лексеме *power* и составляет 23%. Что касается лексико-грамматической вариантности, то наиболее ярко она выражена в той же лексеме *power*, где индекс развитости ЛГВ также составляет 23%. Значения обоих индексов свидетельствуют о *заметной* степени выраженности данных параметров.

Чтобы сделать окончательный вывод о развитии коннотативной полисемии в семантемах рассматриваемых лексем мы использовали введенный Н.А. Портнихиной *интегральный индекс национально-*

специфических различий семантического развития сопоставимых лексем (Портнихина 2011), который представляет из себя среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех использованных формализованных параметров, а также введенную в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалу *степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем* (Стернина 2025, с. 142).

Интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем *сила – power* оказался равным 21,5, вследствие чего на основании использованной шкалы нами был сделан вывод о том, что развитие коннотативной полисемии рассмотренных лексем характеризуется *яркими* национально-специфическими различиями.

Литература

Гафарова М.Х. Коннотативная полисемия наиболее частотных субстантивных лексем русского языка // Язык и национальное сознание: сборник научных работ / Под ред. М.А. Стерниной и А.В. Рудаковой. Вып. 31. Воронеж: Научная книга, 2025. С.16-20.

Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010: сборник научных работ / Под ред. М.А. Стерниной. Воронеж, 2010. С. 54-58.

Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013.

Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. Воронеж: Истоки, 1999.

Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития. Москва: РИТМ, 2025.

Cambridge English Dictionary online – <https://dictionary.cambridge.org>
Longman Dictionary of Contemporary English online. URL: <https://www.ldoceonline.com>.

Oxford Advanced Learner's Dictionary online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.

Британский национальный корпус. URL: www.natcorp.ox.ac.uk.

Малый академический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. URL: <https://eng-rus.slovaronline.com>.

Новый частотный словарь русской лексики О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov#>

Е.А. Дьяконова (Москва)

Субъектность участников коммуникации в английской лингвокультуре: когнитивный анализ конструкций «to speak to somebody» и «to listen to somebody»

Аннотация: Статья посвящена когнитивному анализу английских конструкций «to speak to somebody» и «to listen to somebody», в которых предлог «to» выполняет функцию маркера направленности и отражает симметричную субъектность участников коммуникации. Показано, что такие конструкции формируют культурно укоренившуюся модель диалогичности, в которой и говорящий, и слушающий обладают агентностью и участвуют в процессе взаимодействия как активные субъекты.

Ключевые слова: субъектность, когнитивная лингвистика, предлог, коммуникация.

Abstract: The paper is devoted to the cognitive analysis of the English constructions «to speak to somebody» and «to listen to somebody», in which the preposition «to» functions as a marker of directedness and reflects the symmetrical subjectivity of the participants in communication. It is shown that such constructions shape a culturally embedded model of dialogicity, in which both the speaker and the listener possess agency and participate in the interaction as active subjects.

Key words: agency, cognitive linguistics, communication, preposition.

Субъектность рассматривается в современной лингвистике как способность участника ситуации осознавать себя действующим агентом, контролировать свои действия и вступать во взаимоотношения с другими субъектами.

Английский язык обладает устойчивой тенденцией к явному обозначению субъектов и направленности действий. Конструкции «to speak to somebody» и «to listen to somebody» входят именно в такой тип репрезентации.

С точки зрения когнитивной лингвистики (Попова, Стернин 2009) предлоги выполняют роль маркеров отношений между участниками ситуации. Предлог «to» – один из наиболее прототипических предлогов направления, описывающий траекторию движения между двумя точками и «точку назначения» этого движения (Рейман 1982). В переносе на сферу коммуникации он выражает направленность речевого усилия или восприятия, формируя единый тип отношений между говорящим и слушающим.

Глагол «to speak» в английском языке может употребляться как безобъектно, так и с указанием адресата. В конструкции «to speak to

somebody» предлог «to» задает направление речевого акта, определяя при этом «точку назначения» высказывания, т. е. адресата. Такая форма употребления подчеркивает целенаправленный характер обращения: говорящий не просто производит речь, но направляет ее на конкретный субъект.

Глагол «to listen» в английском языке имеет семантику активного восприятия. Конструкция «to listen to somebody» подчеркивает активный характер действия, показывая направление активности и «точку назначения» действия слушания, т. е. источник речи. Здесь предлог «to» создает когнитивную схему, в которой слушающий выступает активным участником взаимодействия, а не пассивным восприимчиком. Особое значение имеет тот факт, что один и тот же предлог используется как в связи «говорящий → слушающий», так и в связи «слушающий → говорящий». Таким образом, грамматически задается модель двустороннего взаимодействия, где обе стороны обладают агентностью. Такая симметрия формирует структуру диалогичности: говорящий направляет речь, слушающий направляет внимание. Оба действия имеют векторную природу, оформляемую предлогом «to».

Согласно теории концептуальных метафор (Lakoff, Johnson 1980), многие абстрактные процессы осмысляются через структуру физического опыта. Коммуникация в английском языке часто интерпретируется через метафору движения: сообщение понимается как объект, который перемещается от источника (говорящего) к адресату (слушающему). Предлог «to» активно участвует в формировании этой схемы, так как он является базовым маркером пространственного направления в английском языке.

В конструкциях «to speak to somebody» и «to listen to somebody» данная метафора получает двойную активацию. С одной стороны, слово «speak» задает траекторию отправления сообщения, а с другой – «listen» описывает траекторию направленного восприятия. Таким образом, обе коммуникативные роли включаются в общую схему движения.

Конструкция «to listen to somebody» формирует представление о восприятии как о действии, требующем волевого усилия, концентрации и ориентации. Она грамматически закрепляет роль слушающего не как пассивного получателя информации, а как активного участника взаимодействия.

Использование одного и того же предлога в конструкциях, описывающих действия говорящего и слушающего, создает общую когнитивную структуру двустороннего процесса. Это важный момент, так как языковая симметрия отражает концептуальную симметрию субъектных ролей. Обе роли оформляются через один и тот же векторный маркер, что формирует цельную метафорическую модель: коммуникация – это обмен, основанный на взаимном направлении усилий.

В англоязычной коммуникативной традиции слушающий рассматривается как активный участник взаимодействия. Это связано с важностью концепта «active listening», включающего такие элементы, как демонстрация внимания, обратная связь, уточняющие вопросы и подтверждение понимания. Конструкция «to listen to somebody» отражает и закрепляет культурное ожидание того, что слушание требует волевого и направленного усилия, а не является автоматическим процессом.

В совокупности конструкции «to speak to somebody» и «to listen to somebody» формируют культурную модель, в которой коммуникация рассматривается как совместная деятельность, требующая координации усилий обеих сторон. Говорящий направляет свое сообщение адресату, а слушающий направляет свое внимание на говорящего. Обе эти направленности оформляются грамматически одинаковым способом – через предлог «to».

Такая симметрия делает коммуникацию не противопоставлением активного и пассивного участников, а взаимодействием двух субъектов, включенных в общую деятельность. В рамках данной модели взаимодействие воспринимается как обмен, основанный на взаимной открытости, кооперации и уважении.

Таким образом, когнитивный анализ конструкций «to speak to somebody» и «to listen to somebody» показывает, что употребление предлога «to» в английском языке является не только грамматической, но и глубоко концептуальной особенностью, отражающей культурные и когнитивные установки англоязычной лингвокультуры. Векторная природа предлога «to» формирует схему направленности, в которой оба участника коммуникации – и говорящий, и слушающий – предстают как автономные и активные субъекты.

Симметричное использование одного и того же предлога в обеих конструкциях создает когнитивную модель, в которой коммуникация понимается как взаимодействие двух автономных агентов, направляющих друг на друга речь и внимание. Это формирует представление о диалоге как о кооперативном процессе, основанном на взаимном уважении, участии и ответственности. Это позволяет сделать вывод о том, что конструкции «to speak to somebody» и «to listen to somebody» могут рассматриваться как грамматически закрепленные проявления концепта субъектности в английской коммуникативной практике. Их анализ помогает глубже понять механизмы концептуализации взаимодействия, лежащие в основе англоязычной коммуникативной картины мира.

Литература

- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 1980.
Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика: учебное издание*. Москва: АСТ: Восток–Запад, 2009.
Рейман Е.А. *Английский предлоги. Значения и функции*. Ленинград: Наука, 1982.

Ю.Н. Епринцева (Воронеж)

Семантический потенциал французских фразеологизмов

Аннотация: Статья посвящена анализу французских фразеологизмов с компонентом «характеристика человека». С помощью компонентного и сопоставительного анализа выявляется специфика процесса изменения семантики компонентов фразеологической единицы, а также исследуется степень их мотивированности. Анализируется процесс фразеологизации, который представлен фразеологической и фразеосемантической деривацией.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическое единство, фразеологическое сращение, процесс фразеологизации, фразеологическая деривация, фразеосемантическая деривация.

Abstract: The paper analyzes French phraseological units with the component «personal characteristics». Through component and comparative analysis of phraseological units, the specific process of semantic change within the components of a phraseological unit is revealed, and the degrees of their motivation are explored. The process of phraseologization, which is represented by phraseological and phraseosemantic derivation, is analyzed.

Key words: phraseological unit, phraseological unity, phraseological fusion, phraseologization process, phraseological derivation, phraseosemantic derivation.

Изучение фразеологических единиц (далее – ФЕ) представляет собой одно из наиболее перспективных направлений в современной лингвистике (Хайруллина 2001; Черная, Боярова 2004; Черникова 2018). Это объясняется тем, что процесс фразеологизации является многогранным механизмом, обеспечивающим широкий спектр лингвистических возможностей в развитии семантики языковых единиц.

Фразеологизация – это сложный лингвистический процесс с разнообразными формами выражения. Изучение фразеологизации сводится к поиску языковых средств, которые обуславливают возникновение особых – фразеологических средств.

Цель настоящего исследования – выявить семантический потенциал французских фразеологизмов с компонентом «характеристика человека». Фразеологизмы с компонентом «характеристика человека» наиболее четко отражают особенности французского национального мировидения и менталитета. В связи с поставленной целью предполагается решение следующих задач: 1) произвести семантический анализ фразеологизмов; 2) классифицировать фразеологические единицы; 3) разграничить фразеологическую и фразеосемантическую деривацию.

Материалом исследования послужили фразеологические единства и фразеологические сращения с компонентом «характеристика человека» (250 единиц), полученные путем сплошной выборки из различных лексикографических источников.

На процесс образования фразеологизмов влияют как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Рассматривая фразеологизм как комплексный знак (Кубрякова 2004), мы должны определить кореферентные («сочетающиеся») значения фразеоединицы, чтобы правильно интерпретировать ее значение.

В процессе фразеологизации происходит десемантизация фразеологизма или его составных частей, то есть происходит изменение семантической кореферентности комплексного знака. Например, во фразеологической единице *bavard comme une pie* («болтливый») компаративная часть *comme une pie* («как сорока») создает идиоматичность данного фразеологизма за счет актуализации семантических компонентов, кореферентных базовой лексеме *bavard* («болтливый»).

В настоящем исследовании под фразеологизацией понимается образование фразеологических единиц и устойчивых сочетаний нефразеологического характера в результате постепенного процесса приобретения теми или иными сочетаниями слов всех элементов фразеологической устойчивости или всех элементов устойчивости нефразеологического характера (Кунин 1986).

Деривация в сфере фразеологии – процесс создания фразеологических единиц на базе уже имеющих в языке лексических единиц, принимаемых за исходные, с формальным и семантическим изменением их природы (Полянчук 2008; Черникова 2018). О.Б. Полянчук и А.Э. Черникова выделяют два вида фразеологизации: фразеологическая деривация и фразеосемантическая деривация (Полянчук, Черникова 2016). Если значение лексемы присутствовало в языке до начала процесса фразеологизации, то речь идет о фразеологической деривации. Если же процес фразеологизации предполагает возникновение новых значений, не представленных ранее в анализируемой семантеме, то мы имеем дело с фразеосемантической деривацией. Например, во фразеологизме *bête comme un chat* («глупый») лексема *bête* сохраняет свою семантику, обозначая аналогичную характеристику человека (фразеологическая деривация). Напротив, фразеологизм *avoir un cafard dans la tête* (букв. «иметь таракана в голове» – «быть ненормальным, быть не в своем уме») демонстрирует приобретение нового смысла в процессе фразеологизации (фразеосемантическая деривация).

На первом этапе исследования были определены семантические типы анализируемых фразеологических единиц по классификации В.В. Виноградова, который выделял среди устойчивых сочетаний фразеологические единства, фразеологические сращения и фразеологические сочетания (Виноградов 1977, с. 118-139).

В данной статье представлен анализ только двух типов ФЕ – фразеологических единств и фразеологических сращений, обладающих

частичной и высокой степенью идиоматичности. Приведем некоторые примеры:

1) фразеологические единства: *bête comme un chat* – «глупый», *triste comme une porte de prison (s'ennuyer comme un rat mort)* – «грустный», *presser comme un citron* – «иметь потребительское отношение к людям», *froid comme un concombre* – «бессовестный, наглый, бестыжий», *sérieux comme un pape* – «очень серьезный» и др.;

2) фразеологические сращения: *prendre l'alarme* – «встревожиться», *suer les grosses gouttes* – «лезть из кожи вон, стараться изо всех сил», «приходить в состояние крайнего беспокойства», *être soupe au lait* – «быть очень вспыльчивым», *prendre la mouche* – «внезапно рассердиться» и др.

На следующем этапе был осуществлен компонентный анализ ФЕ. Продемонстрируем это на отдельных примерах.

Фразеологическое единство *jaloux comme un tigre* – «ревнивый» (букв. «ревнивый как тигр») имеет в своем составе лексему *jaloux*, выражающую характеристику человека. Лексема *jaloux* используется в исходном значении: *particulièrement attaché à qqch (qui tient à coeur)* – «особенно привязанный к кому-либо, чему-либо; тому, кто искушает сердце». Проведем компонентный анализ данной лексемы в исходном значении (1) и в составе фразеологизма (2):

1. A_1 (характеристика человека) + S_1 (ощущения) + S_2 (эмоциональное состояние)

2. A_2 (характеристика человека) + S_3 (реакция)

Компонентный анализ позволяет сделать вывод: лексема *jaloux* «ревнивый» не меняет своего значения в процессе фразеологизации (A_1 (характеристика человека) → A_2 (характеристика человека)).

Приведем еще один пример. Лексема *méchant* во фразеологическом единстве *méchant comme une teigne* – «злой» (букв. «злой как лишай»), как и предыдущем примере, используется в прямом значении: *qui ne vaut rien (en son genre ou pour qqn)* – «который ничего не стоит (ни в своем роде, ни для кого-либо)». Наличие одной и той же архисемы «характеристика человека» (A_1 → A_2) свидетельствует о статичности значения лексемы *méchant*. Мы не приводим схему компонентного анализа, поскольку она аналогична предыдущей.

Перейдем к описанию примеров фразеологических сращений. Фразеологическое сращение *ne pas se toucher du pied (du coude) (fam.* «быть требовательным») имеет в своем составе глагол *se toucher* – «высмаркиваться» (в данном случае мы берем за основу этимологическое значение, т. к. именно оно лежит в основе метафоры, являющейся механизмом фразеологизации). В процессе фразеологизации происходит переосмысление компонентов ФЕ, которое связано с актуализацией потенциальных сем, возникающих как результат семантического

дефокусирования (Ирисханова 2004). Приведем схему компонентного анализа лексемы *se toucher* в свободном (1) и фразеологически связанном значении (2):

1. A_1 (освободить нос) + S_1 (сжимать ноздри) + S_2 (сильно выдыхать) + S_{3p} (чрезмерность)

2. A_2 (характеристика человека) + S_{4p} (требовательность)

В результате проведенного компонентного анализа мы можем говорить о переосмыслении семантического компонента (требовательность как результат чрезмерных усилий для освобождения носа). Данный фразеологизм демонстрирует повышенную степень семантической интегративности, что и объясняет его ориентацию по пути фразеологического сращения. Таким образом, смысл всего выражения может быть понят благодаря переосмыслению всех его компонентов.

Фразеологическое сращение *mettre le feu au derrière* (букв. «поставить огонь сзади кого-либо» = торопить кого-либо) – «нетерпеливый человек». В данном случае мы можем говорить, что при фразеологизации происходит полная «переплавка» компонентов фразеологического сращения, смысл всего выражения может быть понят лишь при переосмыслении всех компонентов фразеологизма.

Таким образом, процесс фразеологизации в анализируемом материале представлен двумя вариантами деривации – фразеологической и фразеосемантической. Фразеологическая деривация подразумевает наличие значений лексемы до ее вступления в процесс фразеологизации, что верифицируется лексикографическими источниками, и представлена исключительно фразеологическими единствами. В свою очередь, актуализация значений лексемы в процессе фразеологизации («присоединение» новых значений) характерна для фразеосемантической деривации, представленной фразеологическими сращениями.

Ввиду выше сказанного, приходим к выводам:

1. Фразеологизмы являются сочетанием слов, т. е. раздельноформленными образованиями с полностью или частично переосмысленными компонентами, обладающими фразеологическими значениями. Процесс фразеологизации представлен двумя вариантами: фразеологическая деривация (наличие семантического сдвига до образования фразеологизма) и фразеосемантическая деривация (наличие семантического сдвига в самом процессе образования фразеологизма).

2. Процесс фразеологизации является своеобразным вектором, определяющим образование фразеологизмов в сторону фразеологических единиц и фразеологических сращений.

3. Процесс фразеологизации является «катализатором», способствующим актуализации имплицитных компонентов смысла «характеристика человека». Семантика компонента «характеристика человека» используется в исходном значении во фразеологических

единствах и имплицитна в фразеологических сращениях, где мы можем наблюдать лишь «отпечаток» данного значения.

Литература

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. Москва: Наука, 1977.

Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена: монография. Москва: Издательство ВТИИ, 2004.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. Москва: Высшая школа, 1986.

Полянчук О.Б. Динамические аспекты анализа производного слова. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008.

Полянчук О.Б., Черникова А.Э. Особенности семантической композициональности фразеологических единств с компонентом «явление природы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 77-79.

Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: БГПУ, 2001.

Черная А.И., Боярова О.А. Некоторые способы семантического анализа фразеологических единиц (на материале английских фразеологизмов с общим значением «mind») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. Вып. 11. С. 154-156.

Черникова А.Э. Особенности процесса фразеологизации на базе семантического компонента «природа» во французском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018.

Н.Н. Кривошеева (Казань)

Переключение кодов у билингвов и полилингвов в поле образовательного пространства

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена переключения языковых кодов в поле образовательного пространства в условиях билингвизма и полилингвизма. Рассматривается эволюция научных подходов к данному явлению: от его восприятия как следствия интерференции и помехи до признания в качестве органичного компонента билингвального и полилингвального дискурса.

Ключевые слова: билингвизм, полилингвизм, переключение кодов, интерференция, когнитивные процессы.

Abstract: The paper is devoted to the analysis of the phenomenon of code-switching within the educational sphere under conditions of bilingualism and multilingualism. It examines the evolution of scholarly approaches to this phenomenon: from its perception as a consequence of interference and an obstacle to its recognition as an organic component of bilingual and multilingual discourse.

Key words: bilingualism, multilingualism, code-switching, interference, cognitive processes.

Билингвизм и полилингвизм представляют собой сложные лингвистические и социокультурные явления, получившие множество определений в научной литературе, в ходе изучения которых исследователи акцентируют внимание на различных аспектах, что приводит к разнообразию трактовок и подходов. У. Вайнрайх был одним из первых ученых, трактовавших термин «билингвизм». Ученый определил его как «практику попеременного пользования двумя языками» (Вайнрайх 2000). Вайнрайх не уточнял уровень владения языком, хотя ученые Р. Аппел и П. Муйскен отмечают, что «попеременное» использование предполагает владение языком на высоком уровне (Appel, Muysken 2005).

Сегодня существуют различные лингвистические и социолингвистические классификации билингвизма, разработанные на основе множественных критериев. Так, Е.М. Верещагин выделяет координативный и субординативный билингвизм (Верещагин 2014).

Координативный билингвизм предполагает независимое функционирование двух языковых систем в сознании говорящего без их смешения в речевой практике. Данный тип билингвизма характеризуется отсутствием доминирующего языка, при этом билингв мыслит на том языке, на котором осуществляет коммуникацию.

Субординативный билингвизм отличается наличием доминантного языка (как правило, родного), при котором вторичная языковая система постигается через призму первичной. При субординативном типе говорящий воспринимает второй язык через родной язык, что приводит к многочисленным случаям разнородной интерференции.

В рамках своего исследования Ли Вэй (Wei 2007) предлагает одну из наиболее комплексных классификаций билингвизма. В ее основе лежит многокритериальный подход, согласно которому статус билингва определяется через совокупность взаимосвязанных параметров. Автор выделяет следующие ключевые критерии для дифференциации типов билингвов: возраст и способ приобретения, уровень владения конкретными языками, области использования языка, самоидентификация и отношение. О.А. Теплова разделяет билингвизм на ранний и поздний в зависимости от возраста, в котором человек осваивает второй язык (Теплова 2025, с. 382).

Параллельно с феноменом билингвизма в современной лингвистической науке получил широкое распространение термин «полилингвизм», который обозначает использование нескольких языков в пределах определенной социальной общности, прежде всего государства. Согласно определению «Лингвистического энциклопедического словаря»,

полилингвизм представляет собой «употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 682).

Современные лингвисты выделяют два основных вида полилингвизма:

- *индивидуальный*, подразумевающий одинаково свободное пользование индивидуумом по меньшей мере тремя различными языками как обиходными;

- *социальный*, имеющий место в странах, где государственными являются несколько языков, или в многонациональных государствах (Жытина 2017, с. 611).

Билингвизм и полилингвизм исследуются сегодня в ряде научных направлений – от нейролингвистики до политики. Ключевая тенденция последних лет – междисциплинарный подход, что позволяет глубже понять механизмы владения несколькими языками, их влияние на когнитивные процессы, социальную организацию и национальную идентичность. Современные нейролингвистические исследования подтверждают, что опыт владения двумя и более языками существенно перестраивает архитектуру и динамику работы мозга. Исследования, проведенные с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии, доказывают существование и общего, и языко-специфичного нейронного субстрата для доминантного и недоминантного языков у билингвов (Quiñones 2024). Эти исследования доказали, что в мозге билингвов есть два типа нейронных механизмов для обработки языков: который работает при использовании обоих языков и который активируется только при использовании одного конкретного языка. Исследования отмечают повышение интеграции мозговых сетей и эффективности коммуникации между полушариями у билингвов. При этом возраст начала изучения второго языка оказывает более значительное влияние на мозговую организацию, чем длительность использования языка или уровень владения (Gracia-Tabuenca et al. 2024).

Билингвизм и полилингвизм порождают комплекс проблем, связанных с когнитивной обработкой конкурирующих языковых систем. Центральным из них является феномен языковой интерференции – непроизвольной активации и переноса элементов из одной языковой системы в другую в процессе речепорождения. Данный процесс, затрагивающий все уровни языка (синтаксический, лексический, фонологический), приводит к системным отклонениям от нормы целевого языка и ставит под вопрос идею формирования изолированной и «чистой» языковой компетенции. Именно эта фундаментальная лингвистическая проблема актуализировала необходимость глубокого теоретического

переосмысления природы и функций другого универсального явления – переключения языковых кодов.

Вопрос об эффективности переключения кодов, функциях и потенциальном влиянии на усвоение языка остается предметом активных исследований. Ю.В. Балакина и А.В. Соснин называют «переключением кодов смешение двух или более языков в речи билингов (или мультилингов), при котором не обязательно происходит смена собеседника или темы разговора» (Балакина, Соснин 2015, с. 6). О. Гарсиа и Л. Вэй определяют переключение кода как «попеременное использование двух языков в практическом общении» (García, Wei 2014, с. 24). П. Бернадини рассматривает как «смешивание кода» только те случаи, когда присутствуют лексические единицы из другого языка, а не синтаксические структуры, такие как, например, порядок слов (Bernardini 2004).

Д. Скиннер подчеркивает значимость переключения языковых кодов, рассматривая его как связующее звено в процессе обучения иностранному языку. Он отмечает, что исключение родного языка на занятии по иностранному языку может негативно воздействовать на процесс изучения: поскольку мысли и идеи обучающихся развиваются на родном языке, отказ от него может затруднить процесс формирования и развития мысли на иностранном языке (Skinner 1985). Этот вывод находит подтверждение в более поздних исследованиях. Так, лингвист и педагог В. Буцкамм, изучая практику преподавания в немецких школах, пришел к схожим выводам, что использование родного языка на уроках иностранного действует как своего рода коммуникативная связь – это делает обсуждение более плавным и естественным. Ученый отметил, что обучающиеся чаще всего прибегали к переключению кодов в учебных целях, например, когда им требовалось уточнить значение слов для активного участия в дискуссии. На основании этих наблюдений В. Буцкамм рекомендует воспринимать переключение между языками не как помеху, а как органичную часть процесса освоения иностранного языка (Butzkamm 1998). Подобный подход согласуется с общедидактическими принципами обучения ИЯ. Как отмечает А.Н. Щукин, «в процессе обучения, безусловно, проводятся определенные параллели с родным языком, устанавливаются сходства и различия. Следовательно, системы изучаемого и родного языков находятся в тесном контакте друг с другом. Это помогает проанализировать языковые явления двух языков с целью определения и дальнейшего преодоления трудностей, которые могут возникнуть в процессе обучения» (Щукин 2006, с. 228).

Представляет интерес позиция И.Л. Бим, которая подчеркивает взаимообогащающее влияние нескольких языков и культур в образовательном процессе. По ее мнению, взаимодействие между языками, а также опыт их параллельного изучения способствует не только

лингвистическому развитию, но и формированию когнитивных и социокультурных компетенций обучающегося. Особое значение И.Л. Бим придает использованию первого иностранного языка (ИЯ1) при изучении второго (ИЯ2), поскольку такой подход позволяет компенсировать различия в условиях обучения и оптимизировать педагогический процесс (Бим 2001).

Аналогичный взгляд на проблему разделяют Г.В. Садыкова и А.Р. Каюмова, которые отмечают, что часто учителя и родители крайне негативно относятся к явлению, при котором ребенок использует сразу два языка, не осознавая, что так называемое переключение кодов, транслингвация и межъязыковое взаимодействие являются этапами на пути к двуязычию и двуграмотности и что системное параллельное освоение языков в будущем дает более высокие академические результаты (Sadykova, Kayumova, Anthony 2022).

Исследователь Д.В. Шифман рассматривает переключение языковых кодов как методический инструмент с высоким потенциалом при обучении иностранному языку, особенно вне естественной языковой среды. В своем эксперименте, проведенном среди студентов творческих специальностей, он изучал особенности этого явления в неязыковом вузе. Результаты показали, что переключение кодов является органичной частью билингвального дискурса, а его частота и характер зависят от ряда факторов: уровня языковой подготовки, индивидуально-психологических особенностей студентов, специфики среды, а также профиля профессионального образования (Шифман 2021).

Проведенный анализ показывает, что современные исследования, в отличие от ранних классификаций, рассматривают билингвизм и полилингвизм через призму множества факторов: когнитивных, социальных и индивидуальных.

Ключевым выводом является парадигмальный сдвиг в оценке переключения языковых кодов в образовании. Если ранее оно считалось помехой (интерференцией), то теперь признается естественным и эффективным инструментом обучения. Работы ученых (Скиннер, Буцкамм, Шифман и др.) убедительно демонстрируют, что стратегическое использование родного языка облегчает понимание, поддерживает коммуникацию и развивает метаязыковое сознание, особенно в условиях неязыковой среды.

Литература

Appel R., Muysken P. *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005.

Bernardini P., Schlyter S. Growing syntactic structure and code-mixing in the weaker language: The Ivy Hypothesis // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2004. Vol. 7. P. 49-69.

Butzkamm W. Code-switching in a bilingual history lesson: The mother tongue as a conversational lubricant // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 1998. Vol. 1, № 1. P. 81-99.

Garcia O., Wei L. *Translanguaging, Language, Bilingualism and Education*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.

Gracia-Tabuenca Z. et al. Enhanced efficiency in the bilingual brain through the inter-hemispheric cortico-cerebellar pathway in early second language acquisition / Z. Gracia-Tabuenca, E.B. Barbeau, S. Kousaie, Jen-Kai Chen, X. Chai, D. Klein // *Communications Biology*. 2024. Vol. 7, № 1298. <https://doi.org/10.1038/s42003-024-06965-1>.

Quiñones I. Unveiling the neuroplastic capacity of the bilingual brain: insights from healthy and pathological individuals // *Brain Structure and Function*. 2024. Vol. 229. P. 2187-2205.

Sadykova G.V., Kayumova A.R., Anthony N. Developing biliteracy in the digital age: the case of young emergent bilinguals // *Procedia Environmental Science, Engineering and Management*. 2022. Vol. 9, No. 2. P. 473-479.

Skinner D. Access to meaning: The anatomy of the language/learning connections // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1985. Vol. 6, No. 5. P. 369-389.

Wei L. *The Bilingualism Reader*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2007.

Балакина Ю.В., Соснин А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5-11.

Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). Обнинск: Титул, 2001.

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко; вступ. ст. В.Н. Ярцевой. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж, 2000.

Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2014.

Кытина В.В. Феномен полилингвизма в условиях ограниченной языковой среды // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2017. № 4. С. 611-621.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1990.

Теплова О.А. Ранний билингвизм и когнитивные способности ребенка: обзор научных источников // *Перспективы науки и образования*. 2025. № 2. С. 380-392.

Шифман Д.В. Обучение иностранному языку с помощью переключения языковых кодов в неязыковом вузе // *Вестник Тобольского государственного педагогического института*. 2021. № 4 (66). С. 275-281.

Щукин А.Н. *Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов*. Москва: Филоматис, 2006.

Э.П. Курганова (Воронеж)

Способы наименований жителей негородских поселений Воронежской области

Аннотация: В статье представлен анализ способов номинаций катойконимов. Исследование проводится на материале наименований жителей населенных пунктов Воронежской области. Выявляется наиболее продуктивный способ образования катойконимов.

Ключевые слова: катойконим, способ номинации, словообразование.

Abstract: The paper presents an analysis of the methods of katoykonym nominations. The study is based on the names of residents of settlements in the Voronezh region. The most productive method of katoykonym formation is identified.

Key words: katoykonym, method of nomination, word formation.

Наименования жителей населенных пунктов (катойконимы) представляют собой очень своеобразный разряд слов языка как с точки зрения словообразования, так и с точки зрения функционирования.

Цель данного исследования – проанализировать способы номинации жителей поселков городского типа, сел и деревень Воронежской области.

На первом этапе были определены способы образования катойконимов. Основным способом их образования является суффиксация.

На втором этапе были проанализированы данные словарей двух словарей: «Словарь названий жителей РСФСР» под ред. А.М. Бабкина (1964) и «Русские названия жителей» под ред. И.Л. Городецкой, Е.А. Левашова (2013). Рассматривались три формы каждого катойконима: форма ед. ч. мужского рода (житель – мужчина), форма ед. ч. женского рода (жительница – женщина) и форма мн. ч. (общее наименование жителей).

Материалом исследования послужили наименования жителей 20 населенных пунктов Воронежской области: Анна, Каменка, Кантемировка, Панино, Подгоренский, Рамонь, Таловая; Архангельское, Березовка, Верхний Мамон, Елань-Колено, Землянск, Коротояк, Митрофановка, Отрадное, Петропавловка, Репьевка, Садовое, Щучье; Михайловское.

Проанализируем способ и средства образования наименований жителей.

1. Суффиксальный способ, словообразовательный формант – аффикс -*ец* (житель) и аффикс -*иц*- (с беглой гласной; жители) – всего у 19 населенных пунктов (95%):

Анна → *аннинский* → *аннинец, аннинцы*;

Архангельское → *архангелец, архангельцы*;

Берёзовка → *берёзовец, берёзовцы*;

Верхний Мамон → *верхнемамонец, верхнемамонцы*;

Елань-Колено → *еланьколеновец, еланьколеновцы* (только в словаре 1964 г.);

Землянск → *землянец, землянцы* (только в словаре 1964 г.);

Каменка → *каменец, каменцы* (только в словаре 2013 г.);

Кантемировка → *кантемировец, кантемировцы*;

Митрофановка → *митрофановец, митрофановцы* (только в словаре 1964 г.);

Михайловка → *михайловец, михайловцы*;

Отрадное → *отраденский* → *отраденец, отраденцы* (только в словаре 2013 г.);

Панино → *панинец, панинцы*;

Петропавловка → *петровавловец, петропавловцы*;

Подгоренский → *подгоренец, подгоренцы*;

Рамонь → *рамонец, рамонцы*;

Репьёвка → *Репьёвка* → *репьевец, репьевцы*;

Коротояк → *коротоякцы* (только в словаре 1964 г.);

Таловая → *таловец, таловцы*;

Щучье → *щучинский* → *щучинец, щучинцы*

Интерес представляет информация в словаре 1964 г. В данном словарном источнике указаны два варианта наименования жителей Репьёвка – с ударением на первый слог (*репьевец, репьевцы*) и с ударением на второй (*репьевец, репьевцы*).

2. Суффиксальный способ, словообразовательный формант – аффикс **-ан** / **-чан** (жители) и аффикс **-анин** / **-чанин** (житель) – всего у 4 населенных пунктов (20%):

Коротояк → *коротоячане* → *коротоячанин* (только в словаре 1964 г.);

Садовое → *садовчане* → *садовчанин* (только в словаре 2013 г.);

Таловая → *таловчане* → *таловчанин* (только в словаре 1964 г.);

Щучье → *щучане* → *щучанин* (только в словаре 2013 г.).

Словообразовательные варианты наименований жителей Воронежской области (аффиксы **-ец** и **-ан**) наблюдаются только у одного населенного пункта (5%): *Коротояк* → *коротоячане, коротоякцы* (оба варианта только в словаре 1964 г.).

Укажем наименования населенных пунктов, в словарных статьях которых зафиксированы женские катойконимы. Все они образованы с помощью аффикса **-к-** от общего наименования жителей населенных пунктов (формы мн. ч.) – всего у 3 населенных пунктов (15%):

Верхний Мамон → *верхнемамонка* (1964);

Садовое → *садовчане* → *садовчанка* (только в словаре 2013 г.);

Щучье → *щучане* → *щучанка* (только в словаре 2013 г.).

Оба последних катойконима (*садовчанка* и *щучанка*) образованы от наименования населенных пунктов, представленных в адъективной форме.

Наименования жительниц остальных населенных пунктов в словарных изданиях не отмечены (85%).

Отдельный интерес представляют составные наименования, образованные от словосочетаний: *Верхний Мамон* и *Елань-Колено* (первоначально называлось *Еланское Колено*).

Название села Елань-Колено связано с особенностью местоположения – у изгиба (колена) реки Елань. Село расположено на правом берегу реки, где она сначала течет на юг, а потом делает резкий поворот на восток. Такие изгибы русла в древности называли «коленами».

Название села Верхний Мамон Воронежской области связано с названием небольшой речки Мамонка. Населенный пункт расположен на левом берегу реки Дон, около этой речки. Во второй половине XVIII века поселение выросло и разделилось на три самостоятельные крестьянские общины – Верхний Мамон, Нижний Мамон и Осетровка. Это было связано с Генеральным межеванием земли по Манифесту от 19 сентября 1765 года.

В словарных источниках наблюдается варьирование наименований жителей только села Верхний Мамон: *верхнемамонец* – *мамонец*, *верхнемамонцы* – *мамонцы*, варианты *мамонец* и *мамонцы* отмечены только в словаре 1964 г.

Наименования жителей и жителя села *Елань-Колено* представлены только в словаре 1964 г.: *еланьколеновец*, *еланьколеновцы*; пишутся наименования слитно; вариант *коленовец* (*коленовцы*) отсутствует.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее продуктивный способ образования катойконимов Воронежской области – суффиксальный с помощью аффикса -ец/-ца. Таких наименований 95%.

Форманты *-ан* / *-чан* и *-анин* / *-чанин* малопродуктивны в современном русском языке. Из четырех наименований (словари 1964 г. и 2013 г.) в словаре 2013 г. зафиксированы только два наименования (*садовчане* → *садовчанка* и *щучане* → *щучанка*).

Лакунами являются наименования жительниц населенных пунктов. У большинства негородских поселений женские катойконимы не зафиксированы (85%). Из 20 проанализированных населенных пунктов в словаре 2013 г. только у двух указаны наименования жительниц (*Садовое* → *садовчане* → *садовчанка* и *Щучье* → *щучане* → *щучанка*). Катойконим *верхнемамонка* отмечен только в словаре 1964 г. Отсутствие женских катойконимов может быть объяснено такими факторами, как неблагозвучность наименования (Коротояк, Землянск, Архангельское), омонимичность наименования (Каменка, Кантемировка, Репьёвка, Петропавловка, Михайловка, Мирофановка, Березовка, Анна и др.).

Литература

Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Москва: Наука, 1980. Т. 1. Режим доступа: <https://rusgram.narod.ru/191-207.html> (дата обращения: 20.12.2025).

Козырев И.С. О названиях жителей // Русская речь. 1974. №5. С. 81-85.

Словарь наименований жителей (РСФСР): около 6 000 наименований / Под ред. А.М. Бабкина. Москва: Советская энциклопедия, 1964. 398 с.

Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Новый словарь русских названий жителей: 14 000 наименований. Москва: Грамота, 2013. 432 с.

Е.М. Масленникова (Тверь)

Лингвокогнитивные характеристики русских паремий о солдате

Аннотация: В статье рассматриваются русские пословицы и поговорки о солдате с точки зрения представленной в них этнокультурной информации. Цель исследования – определение отношения к СОЛДАТУ в рамках русской языковой картины мира. Для анализа привлекаются данные из Национального корпуса русского языка и компьютерного тезауруса RuWordNet. Проведенный анализ паремий о солдате показал, что интерпретация их семантики в терминах культуры позволяет выделить ценностные и культурно-релевантные установки, а также эталоны и стереотипы поведения.

Ключевые слова: лингвокультура, языковое сознание, языковая картина мира, паремическая русская языковая картина мира, паремия, национальный корпус, компьютерная модель.

Abstract: The paper deals with Russian proverbs and sayings about soldiers from the point of view of the presented ethnocultural information. The aim of the paper is to determine the attitude towards SOLDIERS within the Russian linguistic worldview. The analysis is based on data obtained from the National Corpus of the Russian Language and the computer thesaurus RuWordNet. The analysis of proverbs and sayings about soldiers shows that interpreting their semantics with reference to the national culture allows to identify values and culturally relevant attitudes, as well as behavioural patterns and stereotypes.

Key words: linguaculture, linguistic consciousness, linguistic worldview, paremiological Russian linguistic worldview, paremias, national corpus, computer model.

Словарный состав языка представляет собой своеобразный «ключ» к психологии культуры в целом и к этносоциологии в частности, поскольку ключевые для определенной культуры слова вбирают в себя и аккумулируют ее ядерные ценности (Вежбицкая 2003). Носитель языка оперирует базовыми понятиями, «увязывая» их с единицами ядра лексикона, с которыми связаны не только соответствующие понятия, образы, символы, но также коммуникативные и ритуальные действия.

Называя языковое сознание достоянием индивида, А.А. Залевская указывает, что «в индивидуальном лексиконе хранятся словоформы и значения слов, в совокупности выступающие в роли средства доступа к информационной базе человека», в которой происходит «...становление

психологической структуры значения слова на стыке общесистемного значения и всего комплекса знаний и переживаний, без которых словоформа остается просто некоторой последовательностью звуков или графем, а общесистемное значение не дает выхода на некоторый фрагмент индивидуальной картины мира» (Залевская 2007, с. 271). Таким образом, в индивидуальном сознании с тем или иным словом оказываются связаны его общие и частные идентификационные эталоны, включающие также правила словоупотребления и сочетаемости с другими словами. За выбранным к употреблению словом стоит отношение говорящего / пишущего к обозначаемому данным словом понятию, предмету, объекту, явлению и т.д.

Описание наивной картины мира помогает выйти на универсальное и национально-специфичное в семантике: «ориентация на отражение “наивной”, или языковой картины мира значит, что при описании очередного набора лексикографических типов мы попытаемся увидеть в них определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку», а «особое мировидение может отличаться как от научной картины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присущих другим языкам» (Апресян 2000, с. 5). Под языковой картиной мира понимается ментально-лингвальное образование, представляющее собой отражение с помощью языковых средств национально-специфичного взгляда на мир, в том числе вербально-образные ассоциации составляющих ее слов и выражений (Лазарев 2014; Наумова 2020 и др.).

Ядро лексикона (ядро языкового сознания) отражает так называемую «наивную» картину мира, представляя собой набор слов, обладающих максимальным числом входящих связей, которые уменьшаются по мере удаления от центра к периферии. Подобная ассоциативно-вербальная сеть для слова строится по материалам ассоциативного словаря соответствующего языка и представляет собой «неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой», становясь «моделью образа мира носителя языка, отвечающей системно-целостному принципу» (Уфимцева 2017, с. 43) и, соответственно, моделью образа мира носителя определенной культуры, сохраняющей и передающей со словом следующим поколениям накопленные знания, позволяя увязывать с тем или иным культурным предметом объекты, действия, качества и т.д. Исследователи полагают, что модель наивного русского языкового сознания отражена в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (Фрумкина 2001).

Фрагментом языковой картины мира называется «совокупность моделей, дающих разные интерпретации одного и того же понятия» (Яковлева 1994, с. 14). К структурным фрагментам языковой картины мира относятся фразеологическая языковая картина мира (Казакова 2019; Шустова и др. 2025 и др.) и паремическая (или пословичная) языковая

картина мира (Семененко, Кривошеев 2019; Тураев 2022 и др.). Материалом для реконструкции фразеологической языковой картины мира служат фразеологизмы. Паремическую языковую картину восстанавливают на основе паремий, к которым обычно относят пословицы и поговорки, реже – приметы, загадки, прибаутки и присловья.

Данная статья представляет собой попытку на материале русских паремий о солдате с применением корпусных данных из «Национального корпуса русского языка» и компьютерного тезауруса «RuWordNet» определить особенности культурно-национальной специфики представлений о солдате, сложившихся в русской лингвокультуре, т.е. интерпретировать семантику паремий в терминах культуры (по В.Н. Телия). Языковые данные, фиксируемые в текстах из его основного корпуса и подкорпусов, позволяют установить частотность встречаемости словоформ и коллокаций в синхронии и диахронии, определяя при этом моменты изменений в культурно-значимых ориентирах, определяемых словом.

Методом сплошной выборки из лексикографических источников, толковых и фразеологических словарей русского языка (Белов 1886; Военные пословицы русского народа 1945; Даль 1984, 1996; Ларионова 2014; Мокиенко, Никитина 2007, 2008; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010; Полное собрание русских пословиц и поговорок 1923; Русские военные пословицы и поговорки 1960 и др.) был собран корпус примеров паремий о солдате, насчитывающий 391 единицу.

Начнем с дефиниционного анализа. В русском языке существительное мужского рода *солдат* имеет значение ‘военнослужащий, принадлежащий к некомандному и нена начальствующему составу’, а его переносное значение – ‘военный человек, воин’ (Ожегов 1986, с. 647). До XVII века использовалось слово «вой», являющееся однокоренным словом для «воин» (Сороколетов 2009; Фасмер 1987). Первоначально «солдатами» назывались только иностранные военнослужащие, представленные в текстах той эпохи как ‘пешие люди’. С.И. Ожегов приводит уменьшительно-ласкательную разговорную форму слова – *солдатик* и прилагательное *солдатский*, а также два устойчивых выражения – *прыгнуть в воду солдатиком*, т.е. стоя навтыяжку, и словосочетание *оловянный солдатик*. Если устойчивое выражение *прыгнуть в воду солдатиком* восходит к традициям жесткой подготовки и обучения солдат в царской армии, то словосочетание *оловянный солдатик* относится к разряду универсально-прецедентных феноменов и связан со сказкой Г.-Х. Андерсена.

Согласно данным из «Национального корпуса русского языка» с существительным СОЛДАТ чаще всего употребляются 10 прилагательных. Приведем их в порядке убывания по частотности: *отставной, немецкий, раненый, беглый, неизвестный, рядовой, braveй, конвойный, русский,*

пленный.

Прилагательное *отставной* встречается только в одной паремии (*Поповой собаки, отставного солдата да старой девки злее нет*). Прилагательное *немецкий* (*Есть чем солдату гордиться: дошел до немецкой границы*) используется как географический ориентир.

В паремиях отсутствуют упоминания о *раненом, беглом, неизвестном, рядовом, бравом, конвойном* и *пленном* солдате. В царской армии солдаты действительно покидали свои части по причине невыносимых условий службы и жестокого отношения к ним со стороны вышестоящих чинов, переходя в разряд *беглых солдат*. Паремии фиксируют телесные наказания, связанные с правилами подготовки, внедренными в русскую армию по немецкому образцу (*Солдата за всё бьют: недошагнёт – бьют, и перешагнёт – бьют*). Отсутствие в паремиях прилагательного *конвойный*, связанного с привлечением солдат к сопровождению арестантов, вызвано, на наш взгляд, тем, что русские паремии о солдате в большей степени имели своей целью описать особенности его быта, специфику службы и участия в военных действиях, тогда как, очевидно, нахождение при заключенных не рассматривалось как основная солдатская функция. Прилагательное *пленный* также отсутствует в русских паремиях о солдате, что, вероятно, указывает на саму невозможность для русского воина оказаться в плену. При этом паремии говорят о военной этике (*В пленного стрелять – солдатскую честь терять*).

Прилагательные *русский* и *советский* получают временную маркированность и идеологическую окраску. Так, *русский* солдат отличается хитростью (*Русский солдат – прирожденный хват: ему черт не брат*), сметливостью (*Русский солдат сметкой богат: умом порешит, штыком подкрепит; Русский солдат умом и силой богат; ср. У сметливого солдата и рукавица граната*), приспособляемостью к любым условиям (*Русский солдат куда ни пришел, всё дома; Русский солдат на всё пригоден*), неприязнательностью (*Русский солдат, куда ни пришёл, всё дома: лег – свернулся, встал – встряхнулся*), маневренностью (*Где олень прошел, там русский солдат пройдет, а где олень не пройдет, и там русский солдат пройдет*), способностью пройти любое расстояние в случае необходимости (*Коли у русского солдата поясница поразомнется, да ноги поразмотаются, так только держись подметки!*). Своими действиями он напоминает былинных богатырей (*Русский солдат ни с мечом, ни с калачом не шутит*) и сказочных героев (*Русский солдат в огне не горит, в воде не тонет*), которым не страшна сама смерть (*Смерть русскому солдату свой брат*). Он сам вершит историю, наказывая обидчиков своей страны (*Русский солдат в поле штыком пишет врагам законы*). Упомянутые атрибуты связаны с периодом окопной позиционной войны, характерной для фронтов Первой мировой войны, когда впервые массово стали применять гранаты (*Без винтовки, патронов и гранат не*

живет русский солдат; Граната – верная спутница русского солдата).

Тенденция создавать антипословицы (Янченкова 2011) проявляется в изменении пословицы из сборника В.И. Даля (*Один в поле не воин*), когда специально подчеркивается отличие Красной армии от царской (*Советский солдат и один в поле воин*). Другие паремии также указывают на новые уставные требования (*Блюсти дисциплину свято – долг советского солдата*).

Смена исторических эпох повлекла за собой замену в паремиях о солдате прилагательного *русский* (*Для русского солдата граница свята; Русский солдат не знает преград*) на прилагательное *советский* (*Для советского солдата граница свята; Для советских солдат нет преград*). Антирелигиозная пропаганда отражена в паремиях 1920-х годов (*Бил врага не Христос, а советский солдат да матрос*). Статус сакрального текста приобретает присяга (*Для советского солдата все слова присяги святы*). Паремии подчеркивают быстроту перехода от одного вида деятельности к другому в случае необходимости (*Советский солдат мастак в смысле атак, а в мирном труде – как рыба в воде*).

Существительное *солдатня* употребляется в русском языке как пренебрежительное обозначение для группы солдат, а в паремиях связано с нападками на СССР немецкими захватчиками (*Без убийства не проживет и дня фашистская солдатня; Знает фашистская солдатня, что такое Клетня; Фашистская солдатня шакалам родня; Фашистскую солдатню загнали в западню*). Судя по паремиям, они указывают не на национальную принадлежность, а на национальную идеологию (*Бей, партизан, из всех засад, истребляй фашистских солдат; Где прошел фашистский солдат, там пустыня*). Военные паремии 1940-х годов передают четкую разницу в употреблении прилагательных (*Где советский солдат воюет, там фашист смерти не минует*) и местоимения *наш* (*Знает весь свет: крепче нашего солдата нет*). Кроме этого, местоимение *наш* указывает на изначально миролюбивый характер русского солдата, не нацеленного вести захватнические войны, но стоящего на страже своих границ (*Для нашего солдата граница свята; Для наших солдат кордон свят*).

Национальная принадлежность оказывается важной только в одной паремии о назойливости (*Привязался, словно польский солдат*), которая относится к периоду 1815–1874 годов, когда жителей Царства Польского забирали в рекруты на основании принципа общей воинской повинности.

Прилагательные, характеризующие солдата в паремиях, фактически делятся на две группы, обозначающие его положительные и отрицательные качества. На положительные качества указывают следующие прилагательные: *ловкий* (*Нет столько в лесу повёрток, как у ловкого солдата в бою увёрток*), *смелый* (*У смелого солдата очи соколы, а плечи – словно крылья орлиные*), *стойкий* (*Стойкий солдат не знает*

слова назад), *умелый* (*Для умелого солдата нет преград на пути; С умелым солдатом победа дружит*). Отметим, что поговорки сохраняют традиционное сравнение героя с птицами, характерное для русских сказок и былин (*Видно сокола по полету, а солдата – по походке; Красна пава опереньем, а солдат – отвагой и умением*). Высоким требованиям удовлетворяет *хороший* солдат (*Хорошего солдата в бою узнают; Хороший солдат в бою узнается*), чей опыт приобретен в боевых условиях, а сам он всегда готов встретиться с неприятелем (*Для хорошего солдата нет флангов и тыла: везде фронт, откуда неприятель; У хорошего солдата нет плохой винтовки*). Соответственно, *храбрый* солдат не попадет в окружение (*Храброму солдату никакой обход не страшен*) и не поддается панике (*Храбрый солдат стреляет тогда, когда видит цель*). Качество *опасный*, т.е. способный причинить вред (*Солдаты – народ опасный*), наверное, является положительным, так как предупреждает потенциального противника об опасности связываться с солдатом (*С солдатом не спорить стать*).

Устаревшее прилагательное *бывалый* в значении ‘много видавший и испытывавший’ (*Бывалый солдат опытом богат*) в поговорках XX века заменяется на *фронтной* (*Фронтной солдат опытом богат*). Прилагательное *старый* в значении ‘давно служивший’ (*Старый солдат и стараться рад*) указывает на опыт, а не на возраст.

Современные армейские реалии также нашли свое отражение в поговорках (*Коль хорош солдат в наряде, будет толк и на параде*). В поговорках XVIII века используется прилагательное *добрый* в значении ‘хороший’ (*Доброго солдата выбирают, а не покупают*).

Что делает солдата плохим? Во-первых, он не следит за собственной формой и оружием (*Безамуничный солдат не воин*) и является неисправным, т.е. неаккуратным (*Неисправный солдат не службака*). Во-вторых, плохой солдат предпочитает находиться вдали от мест сражений и больше думает об удовлетворении своих потребностей, чем о долге (*Худой солдат: воевать ленив, есть ретив; Плохому солдату только кухня – хорошая цель*). Отсутствие честолюбия и амбиций порицается (*Худой солдат, который не надеется быть генералом*). В собранном корпусе четыре варианта поговорок говорят о необходимости стремиться к карьерному росту (*Плох тот солдат, что не мечтает в генералы; Плох тот солдат, который не думает быть генералом; Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом; Плох тот солдат, который не надеется стать генералом*). Однако чтобы высоко подняться, требуется начинать с низов (*Всякий солдат хочет быть генералом, а матрос адмиралом; Умей быть солдатом, чтоб быть генералом; умей быть матросом, чтоб быть адмиралом*).

Что касается прилагательного *пьяный* (*Пьяный солдат перейдет, а собака провалится*), то в данном контексте, с одной стороны, оно говорит

о везучести солдата, но, с другой стороны, о вредной привычке, активно порицаемой в XX веке (*Себя солдат погубит, коль виноцо полюбит*). Паремии критикуют привычку курить (*Солдат – мужичок, курит табачок*).

По частотности со словоформой *солдат* в функции сказуемого чаще всего употребляются глаголы: *бежать, стоять, идти, сидеть, спать, кричать, стрелять, ходить, броситься, лежать*.

Глаголы передвижения из этого списка указывают на маневренность и быстроту перемещения победоносных русских войск, позволяющих солдату побывать в разных местах (*Кто в солдатах не бывал, тот землепроходного зелья не видал*). Глагол *стрелять* реализуется в паремиях как в прямом смысле (*В пленного стрелять – солдатскую честь терять; Храбрый солдат стреляет тогда, когда видит цель*), так и в юмористическом ключе, обыгрывая идею точности попадания в цель (*Пойти посмотреть, как солдаты из ружья стреляют*, т.е. сходить в туалет). На глагол *стрелять* указывают упоминаемые в паремиях виды огнестрельного оружия, каждый из которых соотносится со временем появления выражения: это *ружье* (*Солдат без песни, что без ружья; Солдат без ружья – тот же баран*), *винтовка* (*Солдат без винтовки – не воин; У хорошего солдата нет плохой винтовки; Покажи мне свою винтовку, и я скажу, какой ты солдат; Без винтовки, патронов и гранат не живет русский солдат*) и *автомат* (*Автомат – солдату брат; Автомат да лопата – друзья солдата*).

Сложившиеся армейские требования к солдату уметь всё делать быстро и ловко (*Солдат должен всё успеть и всё уметь; Солдат должен всюду успеть и всё сделать уметь*) высмеиваются в паремиях XX века, века вестернизации русской культуры (*Солдат должен стрелять как ковбой, а бегать как его лошадь*). Глагол *спать* появляется в паремиях о солдате во второй половине XX века (*Оттого солдат сладок: поел и набок; Солдат спать не хочет, но спит про запас; Солдат спит – служба идет*), но чаще всего они отсылают к образу былинного героя, находящегося на страже Отечества (*Солдат спит, да врага зрит*).

Солдат из русских паремий побеждает врагов всегда (*Солдат бьет врага в поле, а моряк – в море; Солдат-мастер бьет врага насмерть*), верен долгу и присяге (*Не за красоту солдата любят, а за верность присяге*), соблюдает дисциплину (*Приказ свят: без дисциплины солдат – не солдат*). В солдате порицается трусость (*Не тот солдат хорош, которого берет дрожь, а тот хороший, который врага крошит*). Паремия о телесных наказаниях в царской армии (*Когда солдат палки не боится, ни в строй, ни в дело не годится*) говорит об отупении солдата от постоянных побоев. В более современной версии солдат должен бояться командира (*Когда солдат командира не боится, он ни в строй, ни в дело не годится*).

Несмотря на проводимую в СССР атеистическую пропаганду, наречие *свято* (*Долг солдата – блюсти дисциплину свято; Обязанность солдата – блюсти дисциплину свято; Слово Партии для солдата – свято*) употребляется в контексте верности присяге и стране, чей покой солдат защищает (*Велик солдату оказан почет: всей страны он покой бережет*).

Современные уставы требуют дорожить войсковым товариществом (*Солдату солдат родной брат*). В паремиях из словаря В.И. Даля схожая идея солдатского братства касалась только «своих» (*Солдат с солдата не возьмет; Солдату с солдата не поживляться стать*).

Глаголы с предложным дополнением (*обучать, кормить, учить, бить, посылать, призывать, командовать, убить, расстреливать, ранить*) указывают на действия, совершаемые над солдатом. Другая группа глаголов с предложным дополнением (*разжаловать, отдать, сдать, отдавать, забрить, забрать, вытянуться, стрелять, сдавать, обращаться*) говорит об армейской службе.

Паремии XVIII века связаны с обстоятельствами рекрутского набора, когда в рекруты отдавали за провинность (*Поизворовался детина, надо в солдаты отдать*) или насильно по жребию (*Жребий дурак и отца родного в солдаты отдаст*), на что паремии указывают иносказательно с помощью эвфемизмов (*Отдали под краску шапку; Отдать под барабан*). Не все группы населения подлежали призыву (*Монах не баба, а в солдаты не берут*). Глагол *кормить* не реализуется в паремиях, что объясняется, на наш взгляд, недостаточным денежным довольствием (*Солдату три деньга в день: куда хочешь, туда день*), что не позволяло солдату чувствовать себя сытым (*Хлеб, соль да вода – солдатская еда*). Обычный рацион был небогатый (*Для солдата каша – мать наша, а хлебец ржаной – отец родной*), поэтому в сказках солдат отличается изворотливостью и сметливостью (*Солдат из бороньего зуба щи варил*). Судя по паремиям, нужда толкала солдата на воровство (*Солдату не грех и поживиться; Солдату не украсть, так негде взять*), но ловкость позволяет уйти от ответственности (*Не за то бьют солдата, что крадет, а чтобы концы хоронил*). Паремии советского периода, наоборот, восхваляют новый порядок (*Получай, солдат, продовольствие – в свое удовольствие*).

Что касается учебы, то подобные паремии относятся ко времени образования регулярной армии по немецкому образцу, когда от солдата требовали держать корпус прямо, руки опущенными, вытянув при этом ноги и сдвинув пятки вместе (*Солдат выправляется стойкой*). Солдат не боится смерти (*Смерть русскому солдату свой брат*), так как способен справиться даже с нечистой силой (*Солдат и черта замучил; ср. Цыц, собака, не съешь солдата: солдат сам собака!*), но относится к ней философски спокойно, воспринимая как нечто неизбежное (*Не одному ж солдату смерть неминуемое дело*). Первые из зафиксированных русских паремий о солдате говорят об обстоятельствах смерти, связанных с

профессиональной принадлежностью (*С дерева убили бортник, утонул рыбак, а убит солдат*). С одной стороны, профессиональный военный знает о греховности своей деятельности (*Солдату ни в раю, ни в аду места нет*), но, с другой стороны, надеется на прощение за совершенные грехи (*Солдат и на том свете в воинстве Христовом служит*), будучи готовым пожертвовать своей жизнью ради мира (*Убей Бог солдата, утиши войну!*).

Приведенные в «Национальном корпусе русского языка» глаголы с косвенным дополнением (*приказать, раздать, раздавать, скомандовать, крикнуть, выдавать, кричать, полагаться, велеть, закричать*) говорят о характере отношений в армии: солдату приказывают и велят исполнять приказ, на него кричат. Судя по паремиям, на простого солдата сваливали любую недостачу (*Вали на солдата, солдат в поход уйдет, всё унесет*). Только в советское время солдат получает что-то еще, кроме побоев (*Получай, солдат, продовольствие – в свое удовольствие*).

По данным «Национального корпуса русского языка» с существительным *солдат* связаны следующие существительные: *офицер, матрос, рабочий, сержант, казак, крестьянин, генерал, мужик, житель*. Перечисленные существительные указывают на характерные общественные связи. Кроме *солдата*, к категории рядовых относится *матрос* (*Солдату умереть в поле, матросу – в море*). Если в царской армии солдата часто подвергали наказаниям, а офицеры относились к нему с презрением, то паремии советского времени отражают изменившийся порядок (*Офицер – солдату пример; Офицер научит – солдат сделает*). Отдельную часть регулярной царской армии составляли казаки (*Казак без коня, что солдат без ружья*), но основная масса солдат набиралась из крестьян путем рекрутского набора, поэтому прилагательные *крестьянский* (*Хлеб да вода – крестьянская еда*) и *казацкий* (*Хлеб да вода – то казацкая еда*) в паремиях просто заменяются на *солдатский* (*Хлеб да вода – солдатская еда*). Отметим схожесть паремий о *солдате* (*Солдат из каски пообедает, напьется и от пули ею уберется*) и о *казачке* (*Казак из пригоршни напьется, на ладони пообедает*), восхваляющих их неприхотливость в еде и быту.

Русскоязычная версия компьютерного тезауруса «WordNet» – «RuWordNet» (ruwordnet.ru) предлагает для существительного *солдат* следующие семантические отношения. Синсет (синонимический ряд) состоит из двух членов – *солдат* и *солдатик*, являющихся однокоренными. Их объединяют организованные по уровням родовидовые отношения (гипоним–гипероним). На высшем уровне это гиперонимы – «военный чин», «воинский чин», «воинское звание», ниже – «боец», «рядовой состав». Высший уровень гипонимов – это «легионер» и «солдат легиона», что в принципе отражает латинское происхождение существительного *солдат* в западноевропейских языках, а нижний – «солдат срочной службы», что отражает современный принцип формирования регулярной

армии по призыву. Часторечная синонимия представлена только прилагательным *солдатский*, т.е. со временем исчез практически весь синонимический ряд, насчитывающий к середине XIX века 23 члена (*солдатёнок, солдатеть, солдатик, солдатушка, солдатына, солдатшика, солдатыца, солдатка, солдаткин, солдатня, солдатов, солдатский, солдатенков, солдатство, солдатствовать, солдатчина, солдатъё, солдачество, солдашка, обсолдатить, обсолдатиться, осолдатеть, по-солдатски*). Причинами подобной утраты стали не только изменения в языке, но и смена общественно-государственного строя, а также изменившееся отношение общества к солдату и членам его семьи, которые перестали быть социальными изгоями.

Выделенные компьютерным тезаурусом домены для существительного *солдат* касаются двух сфер употребления (доменов), связанных с понятиями «вооруженный конфликт» и «оборона государства», касающихся вооруженного противоборства, военной деятельности, проблем и вопросов, требующих решения в области государственной и национальной обороны. Ассоциациями для существительного *солдат* выступают «выкладка», «походная выкладка» и «солдатская выкладка», т.е. походное снаряжение солдата. В паремиях каждой эпох представлены части выкладки.

Русские паремии о солдате не касаются вопросов вооруженного противоборства или противостояния. Они свидетельствуют о защитной функции солдата, охраняющего рубежи Родины от нападения. Судя по паремиям, лично солдат не решает каких-либо военных вопросов, находясь на нижней ступени военной иерархии, но его роль в осуществлении национальной обороны страны существенна, так как он является активным непосредственным участником боевых действий.

Выводы. Лингвистический портрет слова «солдат» в русском языке, представленный с помощью данных «Национального корпуса русского языка», частично соответствует характеру выделенных паремий о солдате. Пословицы и поговорки о солдате отражают этнокультурную специфику жизни русского общества с момента появления в нем *солдата* в XVII веке. Современные паремии XX–XXI веков продолжают следовать традиционным представлениям о солдате как о хитром, ловком, смелом защитнике Родины, что, возможно, свидетельствует о стремлении общества вернуться к ценностям великой державы.

Литература

Апресян Ю.Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Языки русской культуры, 2000. Вып. 2. С. 5-7.

Белов И. Наш солдат в песнях, сказаниях и поговорках // Исторический вестник. 1886. № 8. С. 315-349.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры, 2001.

Военные пословицы русского народа. Сборник поговорок и крылатых фраз / Сост. М. Шахнович. Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1945.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. Москва: Художественная литература, 1984.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Санкт-Петербург: ТОО «Диамант», 1996.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007.

Казакова М.А. Фразеологические единицы как часть языковой картины мира // Язык и мир изучаемого языка. 2019. Вып. 10. С. 47-51.

Лазарев М.А. Языковая картина мира: анализ теоретических подходов // Гуманитарное пространство. 2014. Т. 3. № 3. С. 465-475.

Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2014.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

Наумова К.М. Понятие «языковая картина мира»: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Пятигорского гос. ун-та. 2020. № 4. С. 63-66.

Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) (дата обращения: 21.12.25).

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Рус. яз., 1986.

Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку: С присовокуплением таблицы содержания оных, для удобнейшаго их приискания. Санкт-Петербург: Издано книгопродавцем И. Заикиным: В типографии Карла Крайя, 1822.

Русские военные пословицы и поговорки. Москва: Военное издательство Министерство обороны Союза СССР, 1960.

Семененко Н.Н., Кривошеев Г.С. Паремическая картина мира как проводник этнокультурного стереотипа // Концепт. 2019. № 4. С. 268-276.

Сороколетов В.Ф. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

Тезаурус русского языка RuWordNet (ruwordnet.ru) (дата обращения: 21.12.25).

Тураев А.Б. Пословичная картина мира как часть языковой картины мира // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VII. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2022. С. 146-151.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. Москва: Гнозис, 2017. С. 22-96.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят). Москва: Прогресс, 1987.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. Москва: Издательский центр «Академия», 2001.

Шустова С.В., Меньшикова Н.Н., Зеленина Т.И., Милованова С.В. Фразеологическая картина мира: лингвистические и дидактические аспекты. Пермь: Пермский гос. нац. исследовательский университет, 2025.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства,

времени и восприятия). Москва: Гнозис, 1994.

Янченкова И.С. Антипословица как жанровая форма реализации языковой культуры // Смысловое пространство текста. Вып. 10. Сер. Лингвистические исследования. КамГУ им. Витуса Беринга, 2011. С. 95-105.

И.А. Меркулова, Д.А. Стешина (Воронеж)

Национально-специфичные элементы в лексике русинского языка

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы исследования семантики русинской лексики в ракурсе ее национальной специфики. На конкретных примерах двуязычного русинско-русского словаря выделяются и группируются лексемы, имеющие многословную дефиницию. Именно таким формальным способом можно обнаружить национально-специфичные лексические элементы.

Ключевые слова: двуязычный словарь, русинский язык, национальная специфика, многословная дефиниция.

Abstract: The paper discusses the problems of studying the semantics of the Ruthenian vocabulary from the perspective of its national specifics. Using specific examples of Russian and Ruthenian words and phrases, the authors justify the differentiation of groups of words with multi-word definitions. It is in this formal way that national-specific lexical elements can be discovered.

Key words: bilingual dictionary, Ruthenian language, national specifics, verbose definition.

Важной задачей современной лингвистики по-прежнему остается осмысление взаимодействия языка и культуры, направленное на выявление компонентов, передающих знания о мире сквозь призму национального языка. Существуют различные приемы и методы получения информации подобного рода, причем некоторые исследователи пытаются эту информацию индексировать и шкалировать [см., например, работы представителей Воронежской теоретико-лингвистической школы (Стернина 2024)].

Национальная специфика в лексике – это особенности значений лексических единиц, которые характерны для определенного языка и отличаются от сходных единиц в других языках (Бархударов 1980, с. 12). Чем более дальнее родство языков, тем легче обнаружить национально-специфичные элементы, и наоборот, близкое родство стирает многие различия. В таких случаях могут помочь формальные показатели. Один из них мы использовали в данном исследовании.

В свое время В.В. Налимов предложил использовать количество толкующих слов в словарной статье двуязычного словаря в качестве характеристики содержательной стороны толкуемого слова (Налимов

1979, с. 214). Именно эта содержательная сторона и задает концептосферу языка, определяет его национальную специфику, следовательно, количество толкующих слов в словарной статье может быть расценено как мера близости концептосфер языков. Если количество слов в языковой и метаязыковой части словаря совпадает, значит, оба языка членят семантическую сферу сходным образом, формируя тем самым сходные концепты. Если же количество слов в метаязыковой части больше, концептосферы языков не совпадают. Значит, чем меньше русских слов требуется для истолкования значений слов других языков, тем ближе их концептосферы, и наоборот. Мера близости концептосфер русского и романских языков была определена В.Т. Титовым (Титов 2002, с. 69).

Объектом исследования стала лексика первых пяти букв «Русинско-русского словаря» Ивана Керчи (Керч 2007).

Данный язык выбран по ряду причин.

Во-первых, это близкородственный восточнославянский язык. Язык русинов описывается как совокупность разнородных восточнославянских диалектов / наддиалектных образований (койне) / литературных микроязыков, бытующих или бытовавших в русинской среде. В разных регионах в качестве письменной формы используется латиница или кириллица (чаще). Реальное положение отражает точка зрения о наличии четырех кодифицированных койне: лемківського языка (часть Словакии, Польша, часть Закарпатья//только Польша); пряшевского (часть Словакии); воеводинского (Сербия); ужгородского/ужицкого (долина р. Уж в Закарпатье/Верховина и Закарпатье) (Рупосова 2012, с. 96).

Во-вторых, есть хороший лексикографический источник – двуязычный словарь объемом 58 000 лексических единиц. Значительный размер русинско-русского словаря не уступает аналогам из других восточнославянских языков, что уже является первым неопровержимым свидетельством отдельности русинского языка от других. Кроме того, словоупотребление иллюстрируется наглядными примерами из произведений русинских авторов.

В-третьих, русинология сегодня испытывает подъем, о чем свидетельствуют регулярно проводимые в Томском государственном университете конференции по славистике с обязательной русинской проблематикой, существующие журналы «Русин» и «Русинские исследования», в которых публикуются статьи, посвященные языковым особенностям русинского языка и монографическое описание фразеологии и паремологии русинского языка (Ломакина, Мокиенко 2021).

Проанализированный нами материал позволяет говорить о некоторых группах слов с национальной спецификой, выявленных в результате анализа дефиниций.

1. Обрядовая лексика

Бетлегемеш – исполнитель колядок (с. 75), имеет синоним *вертепаиш*.

Богредованя – часть свадебного обряда у русин (с. 88), связанный с бутоньеркой на груди у жениха.

Всіяті – день поминовения усопших; поминальный день (с. 148).

Гускы – гулянье с музыкой и танцами в вечер накануне свадьбы (с. 187).

Национальную специфичность этих слов подтверждает и помета *этно.* – *этническое, локальное*, которая встречается в их дефинициях.

2. Артефакты

В данной группе встречаются как обозначения национальных блюд и напитков, так и обозначения предметов быта.

Бабовка – пирог, испеченный в форме кулича; кулич (с. 59).

Бобалькы – 1. Мелкая картошка. 2. Печенье в форме шариков (с. 86).

Босманка – хлеб, переламыванием которого снимается воздействие плохого «полазника» (с. 93). Слово «полазник», в свою очередь, требует пояснения *Полазник* – это первый гость после Рождества, по которому отгадывали, какой будет год (с. 121).

Бануш – саламата (каша) на сметане (с. 64).

Варянка – суп на капустном рассоле (с. 112).

Гердан – нашейная лента из бисера, монет (с. 193).

Анталаг – бочонок для вина до 50 л (с. 52).

Бербениця – 1. Продолговатый бочонок объемом 25-30 л. 2. Инструмент в виде барабана, производящий монотонный звук (с. 71).

Вакарув – 1. Посуда для выпаривания соли. 2. Соль, добытая из ропы выпариванием (с. 108).

Боцманка – ухват для садки хлеба в печь (с. 93).

Брадла – дощатый брут под картофель (с. 94).

***Брацарі* – вышитые манжеты сорочки (с. 95).**

3. Сельскохозяйственные животные

Немаловажную роль в жизни русин играет сельское хозяйство и скотоводство, поэтому лексически выделяются важные в этом отношении реалии.

Барнуля – корова темно-бурой масти (с. 65).

Біланя – 1. Свинья/корова светлой масти. 2. Балка из древесины хвойной породы; толстый слой ели со снятой корой (с. 80).

Ботей – 1. Отара. 2. Стадо в 50-60 овец (с. 93).

Дарова – корова серой масти (с. 203).

Среди многословных дефиниций отмечаются также названия профессий и рода деятельности: *автобусарь* – водитель автобуса, *бовгарь* – пастух коров и волов, *акціаш* – участник акции; сословные различия в древности и сейчас: *армалішта* – мелкий дворянин, получивший дворянство без поместья, *безземляш* – безземельный селянин; имена собственные (антропонимы, этнонимы, хрононимы, топонимы).

Таким образом, даже небольшой словарный фрагмент показывает возможность выявить национально-специфичные элементы русинского языка. В перспективе исследования – определение меры близости концептосфер русского и русинского языка.

Литература

Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий // Иностранные языки в школе. 1980. № 5. С. 11-17.

Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007.

Ломакина О.В. Мокиенко В.М. Очерки русинской фразеологии: монография. Москва: РУДН, 2021.

Налимов В.В. О соотношении естественных и искусственных языков // Вероятная модель языка. 1979. С. 214.

Рупосова Л.П. Русины и русинский язык: история и современность // Вестник Московского государственного областного университета. Москва: МГОУ, 2012. Вып. 3. С. 91-96.

Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития // Сопоставительные исследования 2024: сборник научных статей / Науч. ред. М.А. Стернина Вып. 21. Москва: РИТМ, 2024. С. 3-8.

Титов В.Т. Мера близости концептосфер и выделение национально-специфической лексики // Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. С. 69-97.

А.А. Николаева, Н.Н. Жихарев (Краснодар)

Морфологические и лексико-семантические особенности музыкальной терминологии в английском и русском языках

Аннотация: В статье проводится анализ музыкальной терминологии в английском и русском языках, приводится их тематическая классификация. Описываются морфологические способы образования терминов и ключевые трудности их перевода.

Ключевые слова: музыкальная терминология, словообразование, морфология, перевод.

Abstract: The paper analyzes musical terminology in English and Russian, and provides their thematic classification. The morphological methods of forming terms and the key difficulties of their translation are described.

Key words: musical terminology, word formation, morphology, translation.

Развитие языка обусловлено в значительной степени развитием его морфологической системы, появлением новых моделей образования слов, изменением существующих, увеличением или уменьшением их продуктивности и многими другими факторами, характерными для процесса словообразования живого языка.

Лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка.

В последние десятилетия в лингвистике наметился переход в антропологическую парадигму исследования, в которой в центре внимания исследователей находится комплекс проблем, связанных с взаимодействием человека и языка. Менталитет человека и языкового коллектива не только запечатлен в языке, но также и поддерживается им и сам зависит от способа отображения внеязыковой действительности тем или иным естественным языком, от закодированной в его выражениях культурно-значимой информации.

Рост интереса к проблематике «язык и культура» связан с постоянно расширяющимся международным сотрудничеством и с тем, что в межкультурное общение вовлекается всё большее число специалистов, работающих в разных профессиональных областях.

Специфика и сложность проблем межкультурной профессиональной коммуникации связана с тем, что коммуникация осуществляется, как правило, в условиях несовпадающих национально-культурных стереотипов мышления и поведения. Успешная межкультурная профессиональная коммуникация предполагает, наряду с владением иностранным языком как таковым, умение воспринимать и адекватно интерпретировать специфические языковые особенности предметной области, в рамках которой происходит общение.

Межкультурная профессиональная коммуникация в рамках предметной области «Музыка» очень широка и разнообразна, а музыкальная лексика представляет значительный научный интерес с точки зрения ее системного строения, устойчивости и изменчивости лингвокультурного компонента. При этом, несмотря на значительное количество трудов в отечественной и зарубежной лингвистике, посвященных изучению отдельных тематических групп, языковым особенностям профессиональной коммуникации в рамках предметной области «Музыка» посвящено мало исследований.

Основные аспекты межкультурной коммуникации в области музыкальной лексики связаны с изучением ее внутрисистемных отношений, процесса эволюции и расширения словообразовательных возможностей и лингвокультурного компонента музыкальных терминов.

Музыкальная терминология включает большое количество отдельных слов и словосочетаний. Она очень обширна по числу входящих в нее терминов и содержит множество слов и выражений, из которых только часть находит отражение в словарях.

Определить границы музыкальной терминологии и указать точно количество терминов очень трудно, так как они созданы разными народами и в разные исторические эпохи. Наряду с такими древними

терминами, как *шофар*, *киннор* (древнеевр.), *эмос*, *аптома*, *пектис*, *диавлос* (древнегреч.), *букцина* (лат.), *вина*, *раванастр* (древнеинд.) встречаются позднейшие – *джаз*, *аккордеон*, *вибрафон*, *банджо*.

Музыкальный термин понимается нами как узкоспециальное понятие в музыке. Предпочитаются не логические определения, а перечисление ряда признаков термина, из которых основной – употребление в текстах данной тематики (Кузьмина 1970, с. 15).

Такое понимание музыкального термина присутствует в работах, посвященных синхронному изучению музыкальной терминологии, вопросам ее упорядочения и нормализации. Другое направление связано с историей отдельных музыкальных терминов (Дробинина 1965, с. 257).

Весь состав музыкальной терминологии можно разбить на отдельные группы, в каждую из которых входят термины, объединенные по одному общему признаку. Предлагается следующая тематическая классификация музыкальных терминов:

1. Музыкальные инструменты и их составные части: *альт* (*viola*), *арфа* (*harp*), *балалайка* (*balalaika*), *валторна* (*French horn*), *гитара* (*guitar*), *домра* (*domra*), *клавесин* (*clavessin*), *мандолина* (*mandolin*), *свирель* (*reed-pipe*), *рояль* (*piano*), *тамбурин* (*tambourine*), *цимбалы* (*cymbals*) и т. д.

2. Певческие голоса и их регистры: *баритон* (*baritone*), *бас* (*basso*), *сопрано* (*soprano*), *меццо-сопрано* (*mezzosoprano*), *дискант* (*descant*), *тенор* (*tenor*), *фальцет* (*falsetto*) и т. д.

3. Музыкальные коллективы и их группы: *ансамбль* (*ensemble*), *банда* (*band*), *вторые скрипки* (*second violin / fiddle*), *дуэт* (*duet*), *капелла* (*choir*), *оркестр* (*orchestra*) и т. д.

4. Профессии, специальности, амплуа: *аккомпаниатор* (*accompanist*), *аккордеонист* (*accordionist*), *вокалист* (*vocalist*), *виолончелистка* (*violoncellist / cellist*), *гуслар* (*guslar*), *капельмейстер* (*bandmaster / conductor*), *ложечник* (*player on wooden spoons*), *скрипач* (*violinist*), *трубач* (*trumpeter*), *ударник* (*drummer*) и т. д.

5. Действия, процессы труда: *аранжировать* (*arrange*), *дирижировать* (*lead an orchestra*), *импровизировать* (*improvise*), *инструментовать* (*instrument*), *оркестровать* (*orchestrate*), *сочинять* (*compose*) и т. д.

6. Жанры, формы и направления музыки: *балет* (*ballet*), *баллада* (*ballade*), *романс* (*romance*), *гимн* (*hymn*), *интермеццо* (*intermezzo*), *кантата* (*cantata*), *концерт* (*concert*), *ноктюрн* (*nocturne*), *опера* (*opera*), *оратория* (*oratorio*), *песня* (*song*), *прелюдия* (*prelude*), *реквием* (*requiem*), *симфония* (*symphony*), *соната* (*sonata*), *увертюра* (*overture*), *фантазия* (*fantasy*) и т. д.

7. Отдельные музыкальные произведения и их части: *адажио* (*adagio*), *ария* (*aria*), *баркарола* (*barcarole*), *вальс* (*waltz*), *вступление* (*prelude*), *гавот* (*gavotte*), *дивертисмент* (*divertissement*), *интродукция*

(*introduction*), *каватина (cavatina)*, *мазурка (mazurka)*, *менуэт (minuet)*, *парафраза (paraphrase)*, *скерцо (scherzo)*, *тарантелла (tarantella)*, *токатта (toccata)*, *хабанера (habanera)* и т.д.

8. Музыкальные формы и их элементы: *вступление темы (intro theme)*, *голос (voice)*, *кода (coda)*, *контрапункт (counterpoint)*, *лейтмотив (leitmotif)*, *рефрен (burden)*, *рондо (rondo)* и т. д.

Музыкальная терминология не является чем-то неизменным. Наоборот, она находится в движении. Ее состав подвергается различным изменениям, связанным с изменениями как в самой музыке, так и в окружающем нас мире.

С возникновением новых понятий появляется необходимость в новых терминах. Для этой цели могут быть использованы все имеющиеся способы словообразования.

В музыкальной терминосистеме различают простые и составные двусловные и многословные термины. Проведенное нами исследование показало, что самой распространенной группой в английском и русском языках являются словосочетания состоящие из:

а) двух компонентов: английский язык – *pop music, rock musician*; русский язык – *поп-музыка, рок-музыкант*;

б) трех компонентов: английский язык – *play set to music*; русский язык – *пьеса в музыкальном сопровождении*.

Музыкальные термины-словосочетания, состоящие из четырех и более слов, встречаются реже.

Проанализировав структуры многокомпонентных терминов мы обнаружили, что музыкальные термины создаются по уже существующим моделям: английский язык – Adj+N (*Electronic music; rough music*), N+N (*Country music; Jam session*), V+N (*Face the music; Ring a bell*), V+Pron+N (*to change one's tune*), V+prep+N (*fit as a fiddle; buy for a song*).

Термины из четырех и более компонентов характеризуются последовательным подчинением слов.

В музыкальной терминосистеме преобладают имена существительные. Термины – имена существительные распределяются на производные, производные, сложные и сложнопроизводные. Частотность производных терминов-существительных самая высокая.

Исследование структуры производных существительных показало наличие префиксального, суффиксального и префиксально-суффиксального способов образования музыкальных терминов. Приведем пример префиксального способа: английский язык – *anti-play, by-plot*; русский язык – *интермедия*.

Анализ подтвердил, что наиболее продуктивными являются префиксы, используемые для образования терминов со значением повторности (*replay; реактивность*) или возвращения в прежнее состояние

(*impersonation; перевоплощение*), а также для образования антонимов (*anticlimax; антитеза*).

Наиболее распространенным способом морфологического терминообразования в музыкальной лексике английского языка является суффиксация (выделены продуктивные суффиксы *-ion/-tion, -ity, -or/-er, -ment*). Они составляют основной инвентарь суффиксальных морфем в языке и определяют специфику терминов музыки: обозначение процессов, действий / состояний. В русском языке отмечен 21 суффикс с различной частотностью употребления для обозначения следующих понятий: 1) лицо / деятель; 2) признак; 3) процесс / явление; 4) объект. Наиболее продуктивны суффиксы: *-ация, -изм, -ист, -ость* (*монотонность, модернизация* и пр.) (Назарова 1973, с. 56).

Многие музыкальные термины заимствованы и в русский, и в английский язык из греческого, итальянского и французского языков. В этом случае расхождений в семантической структуре соответствующих русских и английских терминов не наблюдается. Сложность представляют узкоспециальные термины, с которыми знакомы только специалисты, например: английский язык – *mid-measure clef, multiphony*; русский язык – *внутритактовый ключ*. Трудность в межкультурной профессиональной коммуникации представляют также жаргонизмы, используемые в речи музыкантами, например: английский язык – *to ham, to broaden, to steal the limelight, to cut up, rotten perfect, dead-letter perfect, to bite cues, dead stick* и др.; русский язык – *жать / пережимать, отскакивать от зубов, комкать слова, накладка* и др.

Таковы основные морфологические и лексико-семантические особенности музыкальной терминологии в английском и русском языках.

Литература

Дробинина Д.П. К вопросу о происхождении современной музыкальной и театральной терминологии // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 257. Материалы конференции Северного зонального объединения кафедр русского языка и литературы пединститутов 1962 г. 1965. С. 255-263.

Кузьмина Н.Б. О типологии понятия «термин» // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970. С. 12-17.

Назарова Ж.А. К истории музыкальной терминологии западноевропейского происхождения в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1973.

А.Р. Нурутдинова (Казань)

Соматический код в паремиях как интертекстуальный маркер культурной памяти (на материале русского, английского и японского языков)³

Аннотация: В статье проводится сравнительное исследование паремиологических фондов русского, английского и японского языков, выявляются общие и специфические сенсорно-телесные модели, закрепляющие и транслирующие уникальные модели национального мировосприятия и укрепляющие культурную идентичность через постоянное воспроизводство и актуализацию унаследованных представлений.

Ключевые слова: сравнительная паремиология, культурная память, интертекстуальность, соматический код, сенсорные образы, национальная идентичность, культурный концепт.

Abstract: The paper provides a comparative study of the paremiology of the Russian, English and Japanese languages, identifies common and specific sensory-bodily models that consolidate and transmit unique models of national worldview and strengthen cultural identity through the constant reproduction and actualization of inherited representations.

Key words: comparative paremiology, cultural memory, intertextuality, somatic code, sensory images, national identity, cultural concept.

Актуальность паремиологических исследований в современной лингвистике, определяемая их уникальной ролью в репрезентации культурного кода народа (Воркачев 2001; Шайкевич 2012), открывает новые перспективы для реконструкции глубинных, зачастую невербализованных пластов коллективного сознания. Телесный опыт и данные органов чувств служат первичным материалом для метафорического осмысления действительности, а их языковое воплощение в устойчивых формулах позволяет выявить механизмы категоризации эмоций и оценок (Карасик 2015; Маслова 2004; Minami 2007; Kövecses 2015; Gibbs 2005). Японская лингвистическая традиция, в особенности направления, связанные с изучением «языковой жизни» (*gengo seikatsu*) и культурных концептов «*ki*» (氣) и «*kokoro*» (心), представляет особую ценность для решения поставленных задач (Asano 2006; Suzuki 2014). Исследования современных лингвистов в области прикладной лингвистики и кросс-культурного анализа свидетельствуют о непрерывном развитии традиции изучения языка в его связи с сознанием и коммуникацией (Minami 2007). В рамках данного исследования паремии рассматриваются как активные элементы «*текстовой*

³ Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

памяти» (Ассман 2004), что соотносится с понятием «мест памяти» (Нора 1999) и механизмами функционирования «памяти в культуре» (Erl1 2011).

Материалом исследования послужили тематические сборники пословиц и поговорок. Для русского языка основным источником выступил современный словарь русской паремиологии под редакцией В.М. Мокиенко. Для английского языка анализ проводился на материале классического справочника «Oxford Dictionary of English Proverbs». Для японского языка был использован фундаментальный сборник «Кодзикигэн» (故事ことわざ辞典) и японские источники, содержащие классические пословицы (諺, kotowaza).

Методы исследования включают следующие этапы: сплошная выборка; семантический анализ; сопоставительный анализ. Целью было выделение трех типов закономерностей: универсальных, этноспецифических, контрастивных.

Во всех трех языках идентифицирован универсальный набор концептов, связанных с внутренним миром человека. Частотными являются соматизмы *сердце / heart / 心 (kokoro)*, выполняющие функцию эмоционального центра, и *глаз (око) / eye / 目 (me)* как органы восприятия и оценки внешнего мира. Русское *сердце* и английское *heart* имеют ярко выраженную **эмоциональную** коннотацию. Японское *kokoro* – понятие широкое и комплексное, включает в себя: **эмоции** (как и *сердце*); **мысли, интеллект** (ближе к русскому *ум, разум* или английскому *mind*); **душу, дух, намерения** (ближе к русской *душе*); **сердцевину, суть** чего-либо: поэтому, когда японец говорит 「心が痛い」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) *kokoro ga itai*, это переводится как *сердце болит* (эмоция), а в выражении 「心に留める」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) *kokoro ni me oukeru* – *принять к сведению, иметь в виду* (интеллект). Универсальным является не конкретный орган *сердце*, а концепт *внутренний центр личности*, который кодируется разными, но функционально схожими соматизмами (Asano 2006).

Пословица 「目は心の鏡」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Me wa kokoro no kagami*) – *Глаза – зеркало души* – демонстрирует кросс-культурное единство в понимании связи зрения и внутреннего состояния, при этом японский вариант апеллирует к многогранному *kokoro*, что точнее передается русским словом *душа*, нежели *сердце*. Данная универсальность – свидетельство работы базовых мнемонических механизмов культуры. Концепт «внутреннего центра» выполняет функцию *ключевого интертекстуального маркера* и обеспечивает преемственность фундаментальной идеи о дуализме внешнего и внутреннего, телесного и духовного, которая является одной из «точек сборки» культурной памяти (Нора 1999). Таким образом, паремии с соматизмами *сердце / heart / kokoro* выступают как отражение эмоций, и как активные агенты *трансляции и канонизации центральной для человеческой культуры оппозиции*.

Соматизм **глаз (око) / eye / 目 (me)** универсально выступает как орган восприятия, но в японской культуре с ее высокой значимостью невербального общения – 「目」 (**me**) несет дополнительную смысловую нагрузку, связанную с социальной интуицией и имплицитным пониманием, умением 「空気を読む」 (Shinmura 2018) (*Kūki o yomu*) «читать воздух» (т.е. понимать ситуацию без слов) и 「目配せ」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*meikube*) «осуществлять обмен взглядами, понимать с полуслова», что обогащает его паремиологический потенциал.

Выявлены универсальные модели репрезентации эмоций через сенсорные характеристики: концепты *сладкий / sweet / 「甘い」 (amai)* и *горький / bitter / 「苦い」 (nigai)*, которые устойчиво кодируют позитивные и негативные переживания соответственно. Противопоставление 「甘い」 (*amai*) / 「苦い」 (*nigai*) как метафор позитивного и негативного опыта – это классический и абсолютно универсальный для японского языка случай. 「甘い」 (*amai*) **сладкий**: наивность, снисходительность, легкомыслие 「甘い考え」 *amai kangae* – наивная/легкомысленная идея), что-то приятное (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「苦い」 (*nigai*) **горький**: неприятный опыт, страдание, трудности 「苦い経験」 *nigai keiken* – горький опыт) (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「甘い言葉に騙されるな」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Amai kotoba ni damasareru na*) – «Не дай обмануть себя сладкими речами», где 「甘い」 (*amai*) коррелирует с английским *sweet words* и русским *сладкие речи*, обозначая неискреннее, но приятное обольщение. 「親の甘い汁を吸う」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Oya no amai shiru o suu*) буквально «Пить сладкий сок родителей», т.е. жить за их счет, пользоваться их благосостоянием. 「青春の苦い思い出」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Seishun no nigai omoide*) «Горькие воспоминания юности».

Лингвокультурологический анализ позволяет уточнить, что кросс-культурное единство основано на **функциональной и образной аналогии**. В японской паремиологии уникальна роль концептов 「気」 (*ki*) и 「腹」 (*hara*) (Shinmura 2018). Концепт 「気」 (*ki*), не имеющий прямого эквивалента в русском и английском, – это центральный концепт японского языкового сознания, обозначающий психическую энергию, внимание, намерение, дух, настроение, то есть то, что направляет сознание и чувства (Shinmura 2018): 「気が重い」 (*Ki ga omoi*) – Тяжелый *ki* – есть чувство подавленности; 「気が散る」 (*Ki ga chiru*) – *Ki* *рассеивается* (быть рассеянным, терять концентрацию) – демонстрирует связь *ki* с вниманием; 「気を使う」 (*Ki o tsukau*) – *Использовать ki* (проявлять внимательность, заботу, напрягаться в общении) – ключевая фраза для понимания японской коммуникации, где нужно чутко следить за чувствами других. 「彼にはやる気がある」 (*Kare ni wa yaruki ga aru*) – *У него есть ki*,

желающий делать (он мотивирован) – показывает, как *ki* формирует сложные понятия для описания внутреннего состояния. 「気」 (*ki*) это **динамический фокус психической энергии**, который может быть большим, маленьким, слабым, рассеянным, направленным на кого-то и т.д. Его универсальность в паремиологии и фразеологии подтверждает тезис об этноспецифичности.

Концепт 「腹」 (*hara*) является центром глубоких, истинных намерений и силы духа. Японская культура связывает подлинное Я, глубинные замыслы и решимость с областью живота (Moeran 1984). 「腹」 (*hara*) – не просто живот, а *сэй-тай синтай* 「整態身体」 – упорядоченное / центрированное тело в традиционной японской антропологии, что подтверждается устойчивыми сочетаниями (Shinmura 2018): 「腹を括る」 (*hara o kukuru*) – буквальный перевод: *собрать / подготовить свой живот* (значение: приготовиться к худшему, внутренне собраться, быть готовым к чему-либо (часто к трудностям); выражает состояние внутренней решимости и готовности принять любые последствия); 「腹を割る」 (*hara o waru*) – буквальный перевод *разрезать / расколоть свой живот* (значение: откровенно разговаривать, говорить от сердца, раскрывать свои истинные намерения; выражает полную искренность и доверие в коммуникации; 「腹を決める」 (*Hara o kimeru*) *Решить/определить свой hara* (принять твердое, непоколебимое решение) – *hara* – центр воли. 「腹を割って話す」 (*Hara o watte hanasu*) *Говорить, разрезав свой hara (откровенно говорить по душам)* – прямое указание на то, что истинные помыслы скрыты в животе (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「あの人は腹が据わっている」 (*Ano hito wa hara ga suwatte iru*) *У того человека hara утвердился (он хладнокровен и решителен)* – речь о силе духа (Gendai Kotowaza Jiten 2009). Примеры с *hara* подтверждают, что это не просто физический орган и не метафора гнева, а символический центр воли, решимости и истинных помыслов в японской языковой картине мира (Moeran 1984).

Русская *душа* несет более широкую смысловую нагрузку, чем английское *heart*, охватывая метафизические, эмоциональные и экзистенциальные аспекты. Прямое противопоставление не корректно, так как и в английском есть концепт *soul*, но его использование в повседневной паремиологии и фразеологии менее частотно и специфично (чаще в религиозном или поэтическом контексте), чем универсальная русская *душа*. Прагматизм английского *brain* vs. эмоциональность русского и японского: в английском языке существует множество паремий, подчеркивающих ценность интеллекта и рациональности: «*Brain is better than brawn*» (Speake 2015). В русском же языке акцент смещен на эмоционально-духовную сферу. Соматизм «ум» активен: «*Ум – хорошо, а два – лучше*» (Мокиенко 2010), однако *душа* выступает мерилем искренности и правды.

В японском языке наблюдается смещение акцента на эмоционально-духовную сферу и отсутствие культа *brain*, но японская *эмоциональность* – это социально регулируемая эмоциональность, направленная на поддержание гармонии (*wa* – 和) (Shinmura 2018). Интеллект и внимание (*ki*) направлены на чтение контекста и чувств других людей. В японском паремиологическом фонде прямого восхваления *ума/головы* (*atama*) как абстрактного интеллекта мало, так как ценится иной тип *ума*: *кэйти-на* (*keichō-na*) – *осмотрительный, почтительный, скромный в суждениях* – это его социально-интегрированная форма 「出る釘は打たれる」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Deru kugi wa utareru*) – *Торчащий гвоздь забивают* (выделяться небезопасно) – демонстрирует, что *интеллект* в японском понимании – это социальная и эмоциональная мудрость (Gendai Kotowaza Jiten 2009).

Сопоставительный анализ позволил выявить различные языковые стратегии для выражения одного и того же концепта. Концепт *упрямства* в русском и английском языке передается через *шею*; в японском языке через образ 「石頭」 (*ishi-atama*) – *каменная голова*; и 「肚/腹」 (*hara*) – *живот* (уникальный японский код): 「肚が据わっている」 (*Hara ga suwatte iru*) дословно *Живот утвердился* – означает не столько упрямство, сколько непоколебимость, хладнокровие и твердость духа; это важнейший культурный концепт, где *hara* является центром воли (Gendai Kotowaza Jiten 2009). Упрямство рассматривается как негативная сторона этой твердости. Устаревший пример – 「首っ筋」 (*kubisuji*) / 「筋金入り」 (*suji-ganeiri*) (Shinmura 2018), означающие «закаленный», «упрямый», буквально отсылают к «прожилкам на шее» или «вставленному в жилы металлу»; этимологическая связь 「筋金入り」 (*suji-ganeiri*) с шеей (*kubi*) для современного носителя неочевидна; данное слово воспринимается как метафора с *железными жилами* (Shinmura 2018).

Универсальной является *концептуализация внутреннего центра личности*, который в разных культурах локализуется в разных органах. Для Японии ключевым гиперконцептом является 「心」 (*kokoro*), объединяющий функции, которые в европейских языках распределены между *сердцем* (эмоции), *умом* (интеллект) и *душой* (духовное начало). Универсальность заключается не в анатомическом сердце, а в когнитивной потребности обозначить внутренний мир человека через соматический код.

Бинарность *сладкий/горький*: противопоставление 「甘い」 (*amai*) / 「苦い」 (*nigai*) в японском языке является фундаментальным и продуктивным для оценки жизненного опыта, как и в русском и английском, что подтверждает гипотезу об общих основах сенсорного опыта человека (Shinmura 2018).

Японские концепты 「氣」 *ki* и 「腹」 *hara* уникальны, но требуют четкого определения (Shinmura 2018). 「氣」 (*ki*) – это не просто *настроение* или *внимание*, а **фундаментальная концепция психической энергии и**

направленного внимания, регулирующая социальное взаимодействие. Пословицы и идиомы с *ki* (напр., 「気が置けない」 (*Ki o okenai*) человек, с которым можно расслабиться) отражают глубоко ритуализированный характер японской коммуникации, где постоянный контроль за распределением своего и чужого *ki* является нормой (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「腹」 (*hara*) – это **вместилище истинной, сокрытой сущности человека, его воли и решимости**. Концепт *hara* формирует *альтернативную, «глубинную» модель личности*, где публичное лицо (建前 – *tatemaе*) может противоречить частным, истинным намерениям (本音 – *honne*). Это ключ к пониманию японских поведенческих стратегий.

Рассмотренные концепты образуют *уникальную архитектуру японской культурной памяти* (Ikegami 1991) и формируют трехуровневую систему кодирования и трансляции коллективного опыта: *kokoro* (心) отвечает за сохранение и интеграцию смыслового и чувственного ядра личности; *ki* (気) – за динамическую регистрацию и направление психической энергии в социальном взаимодействии; *hara* (腹) – за хранение и мобилизацию глубинной воли и истинных намерений. Триада функционирует как *взаимосвязанный комплекс интертекстуальных маркеров* и поддерживают целостность и *адаптивную преемственность ключевых моделей японской социальности*.

В русской лингвокультуре концепт «душа» выполняет схожую, но семантически отличную от японского *hara* функцию *центрального интертекстуального маркера идентичности*. Если *hara* маркирует сокрытую волю и терпение, то *душа* кодирует идеи искренности, внутренней свободы, эмоциональной широты и метафизической сущности человека. Маркер пронизывает все уровни «*текстовой памяти*»: от корпуса народных паремий («*Душа – всему мера*», «*На душе кошки скребут*»), где он формирует аксиологический полюс правды и неподдельности до цитат в классической литературе и риторики современных публичных дискурсов. Его репродукция служит механизмом *адаптации и укрепления национальной идентичности*, актуализируя и воспроизводя такие культурные константы, как оппозиция «*внутренняя искренность (душа) vs. внешний формализм (приличие)*», ценность душевности и исповедальности. Паремии с этим концептом являются несущими элементами в структуре русской культурной памяти, обеспечивающими связь между архаичными пластами религиозно-философской мысли и современными представлениями о личности.

Проведенное сопоставительное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, раскрывающие роль соматического кода паремий как интертекстуального механизма культурной памяти.

Соматический код как интертекстуальный маркер преемственности. Анализ подтвердил, что устойчивые телесные и

сенсорные образы («сердце / душа», «глаза», «сладкий / горький», «хара», «ки») в русских, английских и японских паремиях функционируют не просто как метафоры эмоций, а как **ключевые интертекстуальные маркеры**, которые циркулируя между архаичным пословичным фондом и современными дискурсивными практиками, обеспечивают семиотическую связь эпох. Они актуализируют унаследованные смыслы, делая их релевантными для новых поколений, и тем самым выполняют функцию **«текстовой памяти»**, обеспечивая непрерывность культурного кода. Универсальный концепт «внутреннего центра» личности, кодируемый разными соматизмами (*heart, душа, kokoro*), является примером устойчивости преемственности базовых представлений о человеке.

Различные стратегии мнемонической адаптации в западной и восточной традициях. Сравнение выявило принципиально разные **стратегии интеграции и адаптации коллективного опыта**. Западные модели (русская и особенно английская) демонстрируют склонность к **дуалистической организации** смыслов («разум vs. сердце», «brain vs. brawn»). Дихотомия отражает механизм культурной памяти, основанный на категоризации, противопоставлении и рациональном выборе между альтернативами. В противоположность этому, **японская паремиология** предлагает **холистическую триаду** концептов: *kokoro* (интегральный эмоционально-интеллектуальный центр), *hara* (волевой и истинный центр) и *ki* (энергетический ресурс внимания). Триада формирует сложную, недихотомическую мнемоническую модель, где память культуры хранится не в оппозициях, а в динамическом балансе взаимосвязанных начал. Паремии фиксируют **культурно-специфический алгоритм ее обработки и передачи**.

Адаптация и укрепление идентичности через обновление традиции. Механизм работы соматического кода как маркера памяти является по своей сути **адаптивным**. Базовые смыслы проходят **трансляцию в новые контексты**, где обретают актуальные оттенки, сохраняя при этом концептуальное ядро. Например, японский концепт *hara* – маркер глубинной воли и искренности, функционирует и в традиционных пословицах, и в деловом или политическом дискурсе, обозначая непоколебимость решений. Русская *душа*, выступая интертекстуальным маркером идентичности, воспроизводится от фольклора до публицистики, актуализируя оппозицию «внутренняя правда vs. внешний мир». Данный процесс является основой **динамической преемственности**, которая активно укрепляет национально-культурную идентичность, делая ее устойчивой к вызовам времени.

Таким образом, паремии с соматическим кодом представляют активное ядро текстовой памяти культуры и обеспечивают живую циркуляцию и адаптацию ключевых концептов через их интертекстуальную миграцию. Выявленные различия в стратегиях кодирования подчеркивают разнообразие культурных механизмов обеспечения преемственности.

Литература

- Asano Y. *The Anatomy of Self: The Individual Versus Society*. Tokyo: Kodansha International, 2006.
- Erll A. *Memory in Culture* / transl. by S.B. Young. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- Gibbs R.W. *Embodiment and Cognitive Science*. New York: Cambridge University Press, 2005.
- Ikegami Y. *The Empire of Signs: Semiotic Essays on Japanese Culture*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991.
- Kövecses Z. *Metaphor and Culture* // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 131-148.
- Minami M. *Applying Vygotskian Concepts to Research on Japanese Literacy Acquisition* // *Journal of Applied Linguistics*. – 2007. – Vol. 4. – No. 1. – P. 23–45.
- Moeran B. *The Concept of «Haragei» in Japanese Social Interaction* // *Ethos*. 1984. Vol. 12. No. 1. P. 1-25.
- Speake J. (Ed.). *The Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Suzuki T. *Words in Context: A Japanese Perspective on Language and Culture* / transl. by A. Miura. Tokyo: Kodansha International, 2014.
- Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Воркачев С.Г. *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании* // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64-72.
- Карасик В.И. *Языковые ключи к культурной памяти* // *Политическая лингвистика*. 2015. № 3 (53). С. 36-44.
- Маслова В.А. *Когнитивная лингвистика: учеб. пособие*. Минск: ТетраСистемс, 2004.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Большой словарь русских пословиц*. Москва: Олма Медиа Групп, 2010.
- Нора П. *Проблематика мест памяти* // *Франция-память*; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
- Шайкевич А.Я. *Русские паремии как объект лингвистического и культурологического изучения* // *Вопросы языкознания*. 2012. № 4. С. 78-95.
- 文化庁文化部. *現代諺辞典* [Gendai Kotowaza Jiten] [テキスト] / 文化庁文化部. 東京 : 大蔵省印刷局, 2009. / Agency for Cultural Affairs. Gendai Kotowaza Jiten. Tokyo: Ministry of Finance Printing Bureau, 2009.
- 新村出編. *広辞苑* [Kōjien] [テキスト] / 新村出編. 第七版. 東京 : 岩波書店, 2018. / Shinmura I. (Ed.). Kōjien. 7th ed. Tokyo: Iwanami Shoten, 2018.

Н.И. Подшивалова (Воронеж), С. Дьюф (Сенегал)

Особенности ассимиляции галлицизмов в русском языке в XX в.

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей ассимиляции галлицизмов в русском языке в XX в. В статье рассматривается сущность заимствования иностранных слов, обращается внимание на различные виды ассимиляции. Предметом исследования являются галлицизмы, наиболее распространенные в трех сферах: научно-техническая, искусство и кулинария. Приведены конкретные примеры галлицизмов и описаны особенности их адаптации в русском языке.

Ключевые слова: заимствование, галлицизмы, ассимиляция.

Abstract: The paper is devoted to the study of the peculiarities of the assimilation of Gallicisms in the Russian language in the 20th century. The author examines the essence of borrowing foreign words and draws attention to various types of assimilation. The subject of the study is the Gallicisms that are most common in three areas: science and technology, art, and cooking. Specific examples of Gallicisms are given and the peculiarities of their adaptation in Russian are described.

Key words: borrowing, Gallicisms, assimilation.

Заимствование иноязычных слов представляет собой процесс, результатом которого является возникновение и закрепление в языке новых слов. Данный процесс является неотъемлемым для каждого языка. Заимствование слов осуществляется как результат взаимодействия носителей разных языков. Взаимоотношения людей разных стран в различных областях приводит к тому, что в языки данных государств появляются и закрепляются новые слова. Данные слова носят название «заимствованные», или «иноязычные».

Слова, которые пришли из французского языка, называются галлицизмами. Галлицизм представляет собой слово или речевой оборот в языке, которые заимствованы из французской речи или созданы по подобию французских выражений (Ожегов 2024).

При заимствовании толкования слова зачастую наблюдается адаптация данного слова к фонологическим особенностям заимствующего языка. Таким образом отсутствующие в языке звуки заменяются на более близкие и подходящие (Канеева 2018).

Фонетическая адаптация представляет собой изменения ударения и произношения звуков иностранного языка. Грамматической адаптацией является изменения рода и исчезновение артикля. Под семантической адаптацией подразумевается изменение смысла слова, заимствованного из другого языка (Габдреева 2001).

Заимствованные слова, которые пришли в русский язык, также подвергаются ассимиляции. Ассимиляция характеризуется закономерным

процессом изменения слова в фонетике, морфологии и лексике, согласно нормам русского языка.

По степени ассимилированности все заимствованные слова можно разделить на три большие группы:

1. Полностью ассимилированные – соответствуют всем нормам заимствующего языка согласно морфологии, фонетике и орфографии.

2. Частично ассимилированные – остаются иностранными по произношению, написанию или грамматической форме, употребляются в определенной сфере.

3. Частично ассимилированные и обозначающие понятия, которые связаны с другими государствами, не имеют эквивалента в русском языке (Мариноха 2024).

В этой работе рассматриваются слова, заимствованные из французского языка, обращается внимание на то, в какой степени галлицизмы ассимилировались в русском языке. В качестве материала для исследования была взята лексика из трех сфер жизни человека. Лексика из выбранных групп заимствовалась из французского языка активно и способствовала обогащению словарного состава русского языка.

К первой сфере относятся научно-технические термины, имеющие французское происхождение. Заимствование данных понятий было тесно связано с развитием науки и техники. Таким образом, заимствования из французского языка способствовало обогащению в таких областях: авиация, геодезия, горное дело, информатика, кино- и фотосъемка, морское дело, оптика, техника, физика. К словам данной сферы, пришедшим из французского языка, можно отнести следующие: *аттенюатор, аэрация, инжектор, прожектор*.

Ко второй сфере относятся слова, которые связаны с разнообразными областями искусства: театр, музыка, живопись и кино. К словам данной сферы относятся следующие галлицизмы: *аранжировка, монтаж, ретушь*.

К третьей сфере, рассмотренной нами, принадлежат слова из области кулинарии. В XX в. русский язык обогатился следующими галлицизмами: *круассан, суфле, эскимо*.

Перейдем к анализу слов, заимствованных из французского языка, которые **полностью ассимилировались в русском языке** и в настоящее время отвечают всем нормам морфологии, фонетики и орфографии русского языка. Значение таких слов были взяты из «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова.

КРУАСАН; КРУАССАН [франц. *croissant* – растущий, увеличивающийся]. Небольшое кондитерское изделие прямоугольной формы, изготавливаемое из слоеного теста. Чаще всего внутри используется сладкая начинка. Слово «круассан» пришло в русский язык в 1990-е годы из французского. В обоих языках данное слово является

существительным мужского рода в единственном числе. Двойная согласная «с» пишется по аналогии с оригинальным написанием, а дифтонг «oi» произносится в русском языке как «уа».

АЭРА́ЦИЯ [от греч. aer – воздух]. Вентиляция воздуха, воздухообмен где-либо. Второе значение: насыщение воздухом воды или почвы. Слово «аэрация» пришло в русский язык из французского языка (aeration) в XX веке в связи с развитием науки и техники. В русском языке слово сохраняет женский род.

Проанализируем слова, заимствованные из французского языка, которые **ассимилировались частично**. Такие слова остались иностранные по написанию, произношению или грамматическим особенностям. Как уже было сказано выше, такие слова зачастую ограничены определенной сферой.

АТТЕНЮАТОР [франц. atténuateur]. Устройство для понижения мощности или напряжения электрических и электромагнитных колебаний [БТС]. Корень слова «аттенюатор» взят из французского – «attenuéer» (значение – «уменьшить, ослабить»). С появлением описанного технического устройства возникла необходимость в его номинации; ключевое значение французского слова attenuéer сохранилось в новом слове, которое приобрело суффикс -ор.

Похожий путь заимствования из французского и адаптации к русскому прошло слово «инжектор».

ИНЖЕ́КТОР [франц. injecteur]. Струйный насос для сжатия газов и паров, а также для нагнетания жидкости в различные аппараты и резервуары [БТС]. Слово «инжектор» произошло от французского глагола («injecteur» – впрыскивать) в начале XX века. В русском языке, сохранив значение корня, стало существительным с суффиксом -ор.

«**ПРОЖЕ́КТОР**» [франц. projecteur от лат. projectus – брошенный вперед]. Мощный осветительный прибор, дающий пучок параллельных лучей в нужном направлении [БТС]. Данное слово созвучно с терминами, которые были представлены выше, однако оно имело другой процесс проникновения в русский язык. Термин «прожектор» произошло от французского существительного (projecteur) и проникло в русский язык в XX веке. Само французское слово имеет латинское происхождение: projectus – «брошенный вперед». Во французском и русском языках различается ударение. В русском оно падает на третий слог (проже́ктор), во французском – на последний (projectEUR). Также имеются различия и в грамматике: во французском языке слово изменяется по числам и родам (projecteur – projecteurs – projectrice), в русском языке род постоянный.

АРАНЖИРÓВКА. Переложение музыкального произведения для исполнения на другом инструменте или другим составом инструментов, голосов [БТС]. Слово «аранжировка» пришло в русский язык из французского (от глагола «arranger» – приводить в порядок) в XX веке.

Значение корня остается тем же, а само слово перестраивается под систему русского языка. В русском языке слово является существительным женского рода, а во французском – глаголом. В русском языке данный термин является узкоспециализированным и употребляется только в сфере музыки, а во французском может применяться в различных контекстах.

МОНТАЖ [франц. *montage*]. Сборка и установка сооружений, конструкций, машин и т.п. [БТС]. Пришло в русский язык из французского (*montage*) в XX веке и переводится как «поднимание», «подъем». Изначально в русском языке «монтаж» использовался в значении «подъем». Затем семантика слова сузилась, слово стало обозначать процесс сборки чего-то из отдельных частей путем скрепления. Во французском языке слово не изменяется по числам. В русском языке возможна деривация (образование новых слов: *монтировать, монтажник*).

РЕТУШЬ [франц. *retouche*]. Результат ретуширования [БТС]. Происходит от французского *retouche* (от *retoucher* – «подрисовывать, подправлять», буквально – «снова касаться»). Под ретушью подразумевается исправления рисунков или фотографий. В переносном значении «ретушь» – это отделка чего-либо для улучшения или исправления. Данный термин пришел в русский язык в XX веке. В настоящее время это слово активно употребляется в профессиональной сфере, особенно ретушь стала популярной с развитием цифровых технологий. Во французском языке слово сохраняет более широкий спектр реализации значения, включая не только изобразительное искусство, но и другие сферы, где требуется доработка или корректировка.

СУФЛЕ [франц. *soufflé* – воздушный пирог]. Кушанье из пюре со взбитыми белками [БТС]. Пришло в русский язык из французского (*soufflé* – «пышный», «воздушный пирог») в XX веке. В обоих языках слово имеет средний род. Под суфле обычно подразумевается кондитерское изделие, имеющее в своем составе яичные белки, сливки или молоко, сахар. В русском языке суфле называют блюдо.

ЭСКИМО [франц. *esquimau*]. Мороженое, глазированное шоколадом [БТС]. Происхождение этого слова объясняется тем, что владелец французской компании по производству сыра – Шарль Жерве – продавал мороженое на палочке в кинотеатре, где в это время показывал новый фильм про эскимосов. Посетителями это мороженое было названо «эскимо». Слово пришло в русский язык в конце XX века.

Таким образом, можно сделать вывод, что ассимиляция галлицизмов в русском языке в XX веке представляет собой естественный результат культурно-технологического влияния Франции. По степени ассимиляции галлицизмы были классифицированы на две группы: полностью ассимилированные (*круассан, аэрация*) и ассимилированные частично (*аттенюатор, прожектор, инжектор, аранжировка, монтаж, ретушь,*

суфле, эскимо). Основными сферами заимствования французских слов были научно-техническая, кулинарная и область искусства.

Литература

Габдреева Н.В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы русского языка: происхождение, формирование, развитие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 339 с.

Канеева А.В. Фонетическая ассимиляция заимствований из французского в русский язык // Гуманитарные и социальные науки. 2018. №1. С. 133-138.

Мариноха С.В. Процесс ассимиляции французской заимствованной лексики в русском языке // Проблемы современных интеграционных процессов. Пути реализации инновационных решений (Уфа, 2024). 2024. С. 11-12.

Мурия М.Р., Мартемьянова Е.В., Конюхова Е.В. Французские заимствования в русском языке // Юный ученый. 2017. № 3 (12). С. 112-114.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. Москва: Мир и образование, 2024.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2006.

И.Н. Разворотнева (Воронеж)

Вариативность форм именования топообъектов в испанских медиатекстах

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей графического представления топонимических единиц в испанских медиатекстах. Рассматриваются случаи употребления аббревиатур, топонимов-дублетов, а также влияние идеологических факторов на выбор варианта названия. Полученные результаты демонстрируют, что выбор графического представления топонимов в испанских медиатекстах определяется сочетанием тенденции к экономии языковых средств, норм написания, степенью известности топообъекта и идеологической позицией издания.

Ключевые слова: топонимическая единица, испанский медиатекст, топоним-дублет, метонимическое использование топонима, идеологическая функция.

Abstract: This paper examines the graphic representation of toponyms in Spanish media texts. It examines the use of abbreviations and duplicate toponyms, as well as the influence of ideological factors on the choice of name variant. The results demonstrate that the choice of graphic representation of toponyms in Spanish media texts is determined by a combination of the tendency to economize on linguistic resources, spelling conventions, the level of familiarity of the toponym, and the ideological position of the publication.

Key words: toponymic unit, Spanish media text, tononym-doublet, metonymic use of a toponym, ideological function.

Имена собственные географических объектов (топонимы) в текстах СМИ встречаются чаще, чем в других видах текстов. Медиатексты

призваны, прежде всего, информировать читателей относительно актуальных событий общественно-политической и культурной жизни (информативная функция). Обязательными компонентами события, по мнению М.Ю. Кухарева, являются «пространственная локализация, объект, субъект и результат, а второстепенными – информация о времени, обстоятельствах, причинах, средствах и цели [цит. по: (Гришаева 2014, с. 90)]. Высокая частотность употребления топонимической лексики в медиатекстах во многом объясняется тем, что всякое событие происходит во времени и пространстве, а топонимы позволяют максимально точно задавать координаты пространственной локализации.

Предметом нашего исследования стали топонимические единицы (ТЕ), а целью – выявление особенностей их графического представления в испанских медиатекстах двух рубрик: *Internacional* ‘В мире’ и *España* ‘В стране’ онлайн-версий наиболее авторитетных испанских изданий («ABC», «El Mundo», «El País», «La Razón» и «La Vanguardia»). Общий объем выборки составил 150 медиатекстов (по 75 текстов каждой рубрики), содержащих 2 964 ТЕ. Также привлекались данные Корпуса испанского языка XXI века (*CORPES XXI*).

Анализ языкового материала продемонстрировал: 1) значительную топонимическую насыщенность медиатекстов (19,76 ТЕ на статью); 2) высокую частотность топонимической лексики (лишь в четырех статьях топонимы не использовались); 3) топонимическую избирательность медиатекстов, которая предполагает количественное преобладание нескольких разрядов топонимов, на долю которых приходится более 70% от всех ТЕ: в нашей выборке наиболее частотными являются названия стран (**кратонимы**), названия столичных (**полисонимы**) и нестоличных (**астионимы**) городов, а также названия административно-территориальных образований (**хоронимы**).

ТЕ в испанских медиатекстах обладают богатым функционально-семиотическим потенциалом, который реализуется благодаря их способности употребляться не только денотативно, как средство первичной номинации применительно к географическим объектам, но и как средство вторичной номинации на основе метонимических переносов. Преобладание тех или иных типов переносов зависит от принадлежности ТЕ к тому или иному разряду, известностью топонима и тематической принадлежностью текста (Корнева, Разворотнева 2023; Разворотнева 2025). Лежащая в основе метонимического употребления универсальная инвариантная модель *место* → *люди* реализуется в виде набора вариантов (Корнева, Разворотнева 2025).

В настоящей работе мы остановились на анализе отдельных особенностей представления ТЕ в испанских медиатекстах.

Р.З. Мурясов отмечает, что некоторые топонимы «имеют простые и развернутые (многокомпонентные) параллельные структуры. При этом только краткие формы с синхронной точки зрения являются

конвенциональными и не могут быть семантически мотивированы» (Мурясов 2013, с. 754). Развернутые структуры, как правило, представляют собой апеллятивно-онимический комплекс, в состав которого входит апеллятив (географический термин или термин административно-политического устройства, например, *el mar Negro*, *Estados Unidos de América*).

Анализ испанских медиатекстов продемонстрировал, что ТЕ из наиболее частотных разрядов имеют тенденцию к самостоятельному употреблению, а предпочтение отдается конвенциональным монокомпонентным вариантам именованя. Так, например, несмотря на то, что многие названия государств имеют общеупотребительный вариант (*nombre usual*) и официальный вариант (*nombre oficial*), зафиксированные в таких документах, как Межинституциональное руководство по стилю ЕС (<https://style-guide.europa.eu/es/>), в исследованных нами медиатекстах не содержится развернутых официальных названий стран: повсеместно используется *Rusia* (не *Federación de Rusia*), *Estados Unidos* (не *Estados Unidos de América*), *China* (не *República Popular China*) и т. п. Необходимо также отметить, что только две ТЕ встречаются в форме аббревиатур: *Estados Unidos* (*EE. UU.*) и *Unión Europea* (*UE*), причем, кроме рекомендованного Королевской академией испанского языка написания *EE. UU.* (<https://www.rae.es/duda-linguistica/como-se-abrevia-estados-unidos>), именно в прессе даже чаще встречаются некорректные варианты написания *EEUU* и *EE UU*.

Помимо существования общеупотребительных и официальных вариантов кратонимов, необходимо отметить наличие в испанском языке топонимов-дублетов, обозначений «одних и тех же разнообразных географических объектов» (Барандаев 2020, с. 84). Например, в парах *Kiev* – *Kyiv*, *Tiflis* – *Tbilisi* первый вариант является предпочтительным, зафиксирован в Руководстве по стилю и рекомендован Королевской академией. Тем не менее корпусные данные по текстам испанской прессы за 2000–2025 гг. дают следующие результаты: *Kiev* (453 словоупотребления в 213 текстах за весь период), *Kyiv* (62 словоупотребления в 31 тексте разных авторов только в 2022 году и только в издании *La Vanguardia*); *Tiflis* (16 словоупотреблений в 13 текстах за весь период) – *Tbilisi* (31 словоупотребление в 17 текстах за весь период). Можно предположить, что в случае полисонима *Kyiv*, написание которого содержит несвойственное испанскому языку сочетание букв, его употребление в 2022 году, скорее всего, связано с желанием издания *La Vanguardia* обозначить свою политическую позицию в связи с событиями 2022 года путем транслитерации названия столицы на украинском языке (Київ). Название грузинской столицы чаще встречается в более привычном варианте написания *Tbilisi*, несмотря на рекомендации Европейского

руководства по стилю и Королевской академии испанского языка употреблять *Tiflis* (<https://www.rae.es/dpd/Tiflis>).

Любая ТЕ может использоваться для пространственной локализации в медиатекстах, которые предназначены для массовой аудитории и призваны выполнять информирующую и воздействующую функции. Как отмечалось выше, широко известные топонимы, принадлежащие к наиболее частотным в медиатекстах разрядам топонимической лексики, демонстрируют тенденцию к использованию в монокомпонентных вариантах написания. Если же топообъект предположительно не является широкоизвестным для испанской аудитории (например, называет иностранные реалии) или при наличии омонима (название некоторых автономных сообществ в их конвенциональной форме может совпадать с названием городов и соответствующих провинций, например, название автономного сообщества *Murcia (Región de Murcia)* и город *Murcia*; автономное сообщество *Valencia (Comunidad Valenciana)*, провинция и город) ТЕ используются в составе апеллятивно-топонимического комплекса с географическим термином, с другим более известным топонимом или соответствующим относительным прилагательным, а иногда и с тем и с другим для их разграничения.

(1) *Carles Puigdemont desvela este jueves en Elna, sur de Francia, sus planes políticos más inmediatos* (El País 21.03.24).

(2) *La Guardia Civil ha detenido a los seis supuestos integrantes de un grupo criminal que las autoridades relacionan con más de un centenar de robos cometidos en los últimos meses en Asturias y en las provincias gallegas de A Coruña, Lugo y Pontevedra* (La Razón 24.01.25).

Все вышесказанное справедливо для ТЕ, употребляемых денотативно. В случаях метонимического использования ТЕ, как правило, употребляются самостоятельно, а в некоторых случаях отмечается даже эллипсис важного апеллятивного компонента, что потенциально могло бы привести к ошибочной интерпретации, но этого не происходит ввиду постоянной воспроизводимости такого употребления в медиатекстах определенной тематической принадлежности. Так, например, штаб-квартира Народной партии Испании расположена в Мадриде на улице Генуи, дом 13, в многочисленных текстах, посвященных внутренней политике, годоним *la calle de Génova* используются метонимически применительно к руководству Народной партии Испании без апеллятива *calle*.

(3) *El diagnóstico de Génova es claro: sus encuestas internas le dan la «certeza demoscópica» de que los ciudadanos culpan mayoritariamente al PSOE de que no se hayan revalorizado aún las pensiones* (El Mundo 28.01.25).

(4) *A pesar de que Génova defendía su estrategia y decía contar con encuestas internas que reflejaban que los votantes de la derecha estaban de acuerdo con su rechazo al decreto, y que uno de cada cuatro votantes de la izquierda culpaba al Gobierno, Feijóo cambió el paso para dejar a Sánchez sin ese argumento* (El País 30.01.25).

Еще одной особенностью употребления ТЕ в испанских медиатекстах является использование названий некоторых регионов и городов не на испанском языке, а на региональных официальных языках некоторых автономных сообществ. Сказанное справедливо применительно к Каталонии, Стране Басков и Валенсии: *Cataluña* (испанский) – *Catalunya* (каталанский), *País Vasco* (испанский) – *Euskadi* (баскский), *Valencia* (испанский) – *València* (валенсийский).

(5) *Un edil del PP de València se disculpa tras ser pillado comprando vino 'online' en un pleno sobre la tragedia* (La Vanguardia 28.01.25).

(6) *En la primera parte de su intervención, el presidente vasco subrayó los vínculos históricos de Catalunya y Euskadi y el hecho de que ambas comunidades compartan “un modelo institucional y de autogobierno” o la “tradición pactista” como forma de hacer política* (La Vanguardia 23.01.25).

(7) *El líder del PP en Euskadi, Javier de Andrés, difundió ayer un vídeo en su cuenta de X (antes Twitter) en el que argumentó que el palacete ya estaba inscrito a nombre del PNV y que el PP “no va a picar los anzuelos del PSOE ni de Sánchez” votando en contra de la norma que contiene la revalorización de las pensiones, aunque ya lo hizo la semana pasada* (El País 30.01.25).

Такое употребление преобладает в статьях газеты «La Vanguardia», редакция которой расположена в Барселоне (Каталония). В публикациях остальных четырех изданий использование вариантов названия на региональных языках является окказиональным. Во всех вышеуказанных случаях выбор варианта написания не на испанском языке продиктован идеологическими мотивами и призван маркировать политическую позицию редакции (как в случае «La Vanguardia») или отдельного автора в вопросе самоопределения территорий.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о существовании ряда особенностей представления топонимических единиц в испанских медиатекстах. Стремление к лаконичности изложения и экономии языковых средств при максимальной информативности лежит в основе тенденции к употреблению конвенциональных монокомпонентных топонимических единиц. В языке испанских СМИ сложились свои штампы переносного употребления некоторых топонимов, которые могут быть непрозрачными для иностранной аудитории. Наличие в испанском языке топонимов-дублетов и вариантов названия на региональных языках позволяет топонимическим единицам выполнять в медиатекстах идеологическую функцию, благодаря которой графическое написание топонима маркирует отношение редакции или автора публикации к событиям или сложившемуся положению дел.

Литература

Барандеев А.В. Топонимы-дублеты: причины появления и специфика лексикографического описания // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 3. С. 83-88.

Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014.

Корнева В.В., Разворотнева И.Н. Всякий ли топоним оним в медийном пространстве языка? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 16-19.

Корнева В.В., Разворотнева И.Н. Топонимы в заголовках медиатекстов (на материале испанского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. №4. С. 83-89.

Мурясов Р.З. Топонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. 2013. №3. С. 753-762.

Разворотнева И.Н. Особенности функционирования топонимов в испанских медиатекстах разной тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 4. С. 1458-1466.

Н.С. Савина (Саратов)

Взаимодействие английской военной терминологии и других терминологических систем

Аннотация: В статье проводится анализ взаимодействия военной терминологии и других терминологических систем. Рассматриваются терминосистемы, которые заимствуют номинативные единицы из военной терминологической системы. Автор приходит к выводу, что несмотря на свою закрытость, военная терминосистема постоянно обогащается новыми единицами.

Ключевые слова: терминосистема, заимствования, военные термины, военная терминология, номинативная единица.

Abstract: The paper analyzes the interaction of military terminology and other terminological systems. The terminological systems that borrow nominative units from the military terminological system are considered. The author comes to the conclusion that despite its closeness, the military terminology system is constantly being enriched with new units.

Key words: terminological system, borrowings, military terms, military terminology, nominative unit.

Изучение профессиональной лексики всегда имело важное значение в современной науке и являлось предметом многих лингвистических исследований. Вопросы перевода терминов, появление новых номинативных единиц или закрепление новых значений за уже существующими терминами остаются актуальными.

В современном мире интеграция научных знаний приводит к сближению научных дисциплин, которое влечет за собой взаимное обогащение их языка. Термин из одной научной области может найти свое применение в другой научной области, при этом он может приобрести другое значение. Примечательно, что с конца XX века лингвисты выделяли наряду со специфическими терминами наличие разнородных

номинативных единиц, относящихся к нескольким терминосистемам. Д.С. Лотте называл процесс перехода терминов из одной системы в другую «переносом» (Лотте 1961, с. 99), В.П. Даниленко говорил о «вторичной терминологизации» номинативной единицы (Даниленко 1977, с. 135), а И.А. Лейчик ввел такое понятие, как «привлеченные термины» (Лейчик 1980, с. 40).

Можно утверждать, что в настоящее время процесс перехода терминов из одной научной области является довольно распространенным. В частности, военная терминология активно обогащается новыми терминами в связи с появлением нового типа вооружения, изменением и усовершенствованием методов ведения военных действий. Особенностью военной терминологии является наличие большого числа устойчивых сочетаний, широкое использование аббревиатур, а также терминов, заимствованных из других областей знаний, таких как биология, химия, топография, ядерная физика. Это объясняется рядом внешних факторов, включающих в себя разработку новых видов оружия, оснащение вооруженных сил радиоэлектронной аппаратурой, автоматизированными системами управления и связи, электронно-оптическими средствами и т.д.

В целом, можно сказать, что военная терминология является значительной по объему и характеризуется сложной многоотраслевой структурой. Так, выделяют подсистемы терминов отдельных видов вооруженных сил (например, военно-воздушных сил, сухопутных сил), а также подсистемы терминов различных родов войск (например, военно-химических, военно-медицинских).

Следует отметить, что обогащение военной терминосистемы посредством заимствования из смежных терминосистем является **двусторонним процессом**. Вместе с тем можно утверждать, что заимствование военных терминов носит ограниченный характер. Это связано, в частности, с тем, что военные понятия занимают лишь некоторую часть от всего богатства терминологической системы языка.

Рассмотрим некоторые терминосистемы, заимствовавшие номинативные единицы из военной терминологии.

Спорт. Исторически спорт и война имеют много общего, представляя собой некое противостояние. Неудивительно, что спорт является одной из основных областей заимствования военных терминов, таких как *pilot* – пилот, *tactic* – тактика, *defense* – оборона, *attack* – нападение, *manoeuvre* – маневр, *fight* – схватка, *assault* – штурм, *battle* – битва, *confrontation* – противостояние.

Медицина также является областью с большим числом заимствованных военных терминов, что вполне обосновано фактом существования военной медицины. Примерами могут стать такие термины, как *aeromedical evacuation* – аэромедицинская эвакуация, *medical regiments* – медицинские полки, *field surgery* – полевая хирургия.

Необходимо заметить, что общеупотребительная лексика может заимствоваться терминологической системой, приобретая новое значение, зачастую неизвестное носителям языка, и использоваться в качестве термина. К примеру, в военной терминологии используется следующая общеупотребительная лексика в качестве профессиональных терминов: *to mount an attack* (переходить в наступление), *to detail for duty* (назначить в наряд), *to develop a position* (вскрывать оборону), *behavior report* (письмо солдата домой), *side arms* (столовые принадлежности). Отметим, что заимствованная общеупотребительная лексика в военной терминологии может развивать несколько значений в пределах одной терминосистемы. Примером может служить термин *gun*, имеющий значения «пистолет», «пушка», «ружье», «направляющая ПУ».

Для английской военной терминологии характерны также иностранные заимствования, жаргонизмы, эмоционально-окрашенные элементы военной лексики. Так, просторечное слово *doughboy* и термин *infantryman* используются в значении «пехотинец» (Реформатский 1968, с. 77).

Таким образом, несмотря на то, что военная терминология считается достаточно закрытой системой, наблюдается ее взаимное обогащение другими терминосистемами. Одновременно осуществляется процесс заимствования общеупотребительной и разговорной лексики, закрепление за ней новых значений и использование в качестве единиц военной терминологии.

Литература

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977.

Лейчик И.А. Интеграция наук и унификация научно-технических терминов // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 39-46.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Москва: Изд-во АН СССР, 1961.

Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. Москва: Наука, 1968.

Е.А. Северина (Саратов)

Коллокации с единицами лексико-семантической группы «Сверхъестественные существа в религиозных культурах» в диахроническом аспекте

Аннотация: В статье представлен диахронический анализ коллокационных свойств лексических единиц, входящих в лексико-семантическую группу «Сверхъестественные существа в религиозных культурах» с XI в. по настоящее время. Материалом для анализа послужили данные Национального корпуса русского языка. Были выявлены ключевые модели образования коллокаций, их семантическая эволюция и функциональная специфика на разных хронологических срезах.

Ключевые слова: коллокации, лексико-семантическая группа, сверхъестественные существа, диахронический анализ, языковая картина мира.

Abstract: The paper presents a diachronic analysis of the collocation properties of lexical units included in the lexico-semantic group «Supernatural beings in religious cultures» from the 11th century to the present based on data from the Russian National Corpora. The key models of collocation formation, their semantic evolution and functional specificity in different chronological sections are revealed.

Key words: collocations, lexico-semantic group, supernatural beings, diachronic analysis, linguistic picture of the world.

Коллокации, понимаемые как устойчивые, воспроизводимые сочетания слов, связанных синтаксически и лексически (ТКССРЯ), (Иорданская, Мельчук 2007), являются не только объектом лексикологии, но и ключевым источником для лингвокультурологических исследований. Они аккумулируют в себе культурно детерминированные способы концептуализации действительности, выступая вербальными маркерами языковой картины мира. Коллокационный анализ позволяет реконструировать устойчивые представления, этические нормы и модели восприятия различных феноменов в коллективном сознании лингвокультурного сообщества.

Комбинаторная лингвистика, изучающая синтагматические связи слов, предлагает системный подход к описанию таких сочетаний. Согласно концепции М.В. Влавацкой, коллокации – это структурно целостные единицы с заданным комбинаторным потенциалом (Влавацкая 2019). Автор классифицирует их на типы (традиционные, этнокультурные, терминологические и пр.), опираясь на семантику и функции. Эта типология является ключевым инструментом для исторического анализа: с ее помощью можно категоризировать коллокации определенной лексико-семантической группы и проследить эволюцию их сочетаемости.

В качестве объекта исследования выбрана лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) «Сверхъестественные существа в религиозных культурах». Для анализа была сформирована выборка из 72 единиц на основе лексикографических источников на основе «Русского

семантического словаря под редакцией Н.Ю. Шведовой» (Шведова 2014), «Энциклопедии сверхъестественных существ» (Королев 2005), «Краткого мифологического словаря» (Ладыгин, Ладыгина 2003) и данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). В нее вошли наименования: Бога и Богородицы (*Бог, Богородица*), ангельских чинов и святых (*ангел, архангел, святой, апостол*), персонажей, обладающих магическими способностями (*колдун, волхв, маг*), а также злых сил (*бес, дьявол, сатана, черт*).

Эволюция коллокационных моделей, образуемых единицами данной ЛСГ, отражает глубинные изменения в религиозном сознании, культуре и коммуникативных практиках русского общества. Диахроническое исследование позволяет выделить ключевые этапы этой эволюции (от сакрально-канонических сочетаний древнейшего периода до разнообразных, функционально нагруженных моделей современности) и интерпретировать их в рамках комбинаторно-лингвистического подхода.

Представим результаты диахронического анализа коллокационных моделей единиц ЛСГ «Сверхъестественные существа в религиозных культурах».

Древнерусский и старорусский периоды

В древнерусский и старорусский периоды наблюдаются ритуализированные коллокации цитатного характера, употребляющиеся исключительно в церковно-православной сфере: *ангел Божий, ангел небесный, Господи благослови, Господи помилуй, Господь Бог, святая/пресвятая Богородица*, ср.:

на позоръ. рыкающе звѣри ѿ многыа алчбы. повергоша его лвови въ снѣдь. левъ же видѣвъ преподобнаго, трепетень бы(с). пришедъ леже и валшеса предъ ногама его. □ко ввча незлобно. всѣмъ же диващимса. **ѿи помилуи** зовоушимъ [Житие Василия Нового (конец XI в.)].

Для рассматриваемых периодов характерна высокая степень сакральности, коллокации носят ритуализованный, цитатный характер.

XVIII в.

В отличие от предыдущих эпох, коллокационная картина XVIII в. отражает расширение контекстов употребления религиозной лексики. Она по-прежнему активно функционирует в сакральном и официально-деловом дискурсах, однако глубоко интегрируется и в светские жанры. Это связано со сменой специфики текстового корпуса: религиозные памятники сменяются разножанровыми литературными произведениями. Как следствие, сфера религии становится менее сакрализованной в языковом сознании, что обуславливает появление фразеологических сочетаний и междометных образований с единицами исследуемой группы.

В этот период происходит расширение коллокационных моделей, можно выделить несколько типов коллокаций, образующихся на основе синтаксической и семантической сочетаемости:

1. Атрибутивные конструкции

Наиболее распространенный тип, где коллокат выступает в роли определения при ключевом слове. Часто используются прилагательные и причастия, указывающие на свойства, принадлежность или оценку: *Божий угодник, пресвятая Богородица, святой апостол*, ср.:

Самое слово угодник Божий включает в себе наидобродетельнейшего или годнейшего из смертных, выполнившего всю связь божественные воли; следовательно можем устроить следующий силлогизм: кто в жизни своей в точности доброты годственные по предписанию божественному выполнил, той есть свят; но угодник Божий выполнил означенная условия, убо угодник Божий есть свят [П. И. Челищев. Послание в Российскую академию (1793)].

2. Предикативные и предложные конструкции

Сочетания с глаголами-связками, вспомогательными глаголами и предложными группами, выражающие состояние, действие или отношение: *Бог даст, дьявол попутал, черт к*, ср.:

Нет, дай Бог прежде пристроить тебя к месту! [Н. М. Карамзин. Бедная Лиза (1792)].

3. Координативные и сочинительные сочетания

Сочетания с союзами, указывающие на тематические связи внутри группы: *Бог и Господь, Христос и Иисус*, ср.:

Господи, Господи, всяческих Творче и Владыко, источниче благих, и Спасителю всем человеком, паче же верным: не презревший человека диавольскою кознию во глубину погибели и прелести низведеннаго, но спасительным вочеловечением едиnorodнаго Твоего Сына Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, сего взыскавший и спасый, и к себе возведый [архиепископ Платон (Левшин). Увещание к раскольникам (1766)].

4. Аппозитивные и уточняющие конструкции

Конкретизация имени через имя собственное или титул: *апостол Павел, архангел Михаил, великомученик Георгий*, ср.:

Павел принял престол 6 ноября и по какому-то суеверию, которого никто не постиг причины, посвятил себя Архангелу Михаилу, учредив 8-е число ноября знаменитым праздником в России [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни / Часть 4 / 1791-1798 (1791–1822)].

В этот период коллокации служат в первую очередь для утверждения религиозных догматов, выражения трансцендентности и построения четкой духовной иерархии, антропоцентричность выражена слабо.

XIX в.

В XIX в. процесс секуляризации коллокационного поля ЛСГ углубляется. Его единицы активно ассимилируются художественной, публицистической и бытовой сферами коммуникации, что ведет к большей

персонализации и синтаксическому разнообразию устойчивых сочетаний, выделяются следующие коллокационные модели:

1. Синтаксические конструкции с предлогами и союзами

Наиболее частотными являются сочетания с предлогами, которые выражают различные отношения (совместность, место, направление, причину), активно развивается употребление подобных конструкций в качестве междометных образований: *бес от, Бог с, сатана от, черт к* ср.:

А ну вас к черту! – *огрызается он* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад (1889)].

2. Атрибутивные сочетания

Широко представлены определения, выражающие качество, принадлежность или характеристику существа: притяжательные местоимения (*ангел мой, Господь твой*), качественные прилагательные (*архангел святой, дух злой, ложный мессия*), относительные прилагательные (*сикстинская Мадонна, русский пантеон*), ср.:

Для того, чтобы христиане не тревожились вестями о ложном Мессии и, не сомневаясь, верили, что Иисус Христос был истинный Мессия, – я написал книгу эту [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862-1875)].

3. Предикативные и глагольные коллокации

Увеличивается количество и разнообразие коллокаций в виде сочетания с глаголами речи, действия, модальности: *бес попутать, Бог дать, Господь простить, дьявол искушать, черт знать, черт взять, сатана сказать, Христос простить*, ср.:

Попутал бес, взял я вольную, да и ушел с деньгами-то... [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)].

4. Именные словосочетания

Уточняющие наименования, часто собственные имена, титулы или устойчивые терминологические пары: аппозиция (*апостол Павел, архангел Михаил, пророк Илья, святитель Николай*), терминологические сочетания (*пресвятая Богородица, святой дух, святая Троица, творец Бог*), ср.:

Учился со мной рядом же и теперешний кременчугский врач В. Сидим мы в конюшне на бревнах да и выглядываем из оконца – кто идет, а сами читаем: «Един бог во святой троице» [Вл. А. Гиляровский. По следам Гоголя (1899-1935)].

В этот период наблюдается антропоцентрический сдвиг: коллокации начинают отражать личное, субъективное переживание сверхъестественного.

XX–XXI вв.

Данные XX–XXI вв. демонстрируют сложившуюся и активную систему коллокаций с ключевыми единицами ЛСГ. Коллокационные модели этого периода отражают как устоявшиеся религиозно-культурные

связи, так и новые контексты употребления, обусловленные секуляризацией языка и его использованием в художественных, публицистических и разговорных дискурсах. Анализ данных позволяет выделить несколько продуктивных моделей формирования коллокаций с единицами данной группы:

1. Синтаксически обусловленные коллокации с предлогами, союзами и местоимениями (*Бог с, мой Бог*), ср.:

Те, в свою очередь, обносили всех рюмкой вина и выходили проводить новобрачных в церковь с приговором: "С Богом, милые, поезжайте! [Свадьба тюменских старожилов // «Народное творчество», 2004].

2. Атрибутивные коллокации (*ангел-хранитель, ангел небесный, злой демон, Богоматерь-икона, пресвятая Богородица, истинный пророк, новый мессия*), ср.:

Но уже в Атхарваведе под асурами стали пониматься только злые демоны [Борис Малышев. Индуизм (2001)].

3. Предикативные и объектные коллокации (*Бог дать, Бог создать, дьявол искушать, изгнать сатану*), ср.:

В раю дьявол искушает добром, и жалость может стать соблазном [Г. С. Померанц. Записки гадкого утенка (1998)].

4. Аппозитивные и персонализирующие коллокации (*архангел Гавриил, пророк Илия*), ср.:

Вы предстанете перед коммунистами, как архангел Гавриил перед грешниками на страшном суде! [Н.Н. Шпанов. Ученик чародея (1935-1950)].

Привлеченные к исследованию данные ассоциативных словарей русского языка («Русский ассоциативный словарь» (далее – РАС), «Русский региональный ассоциативный словарь» (далее – ЕВРАС)) коррелируют с анализом корпусных данных для периода с 1900 по 2025 г., указывают на актуальность преобладающих коллокационных моделей, ср. типы ассоциативных пар:

– тематическая общность: на S *Бог* – R: *Всевышний* (32), *Господь* (14), *Иисус Христос* (13), *Аллах* (12), *богиня* (12) (ЕВРАС);

– предикативность (в том числе в составе междометных образований): на S *черт* – R: *побери* (21), *возьми* (11), *знает что* (5), *подери* (3), *знает* (1) (РАС);

– атрибутивность (принадлежность, характеристика): R *демон* – на S: *великий* (1), *злой* (1), *настоящий* (1), *основной* (1), *прекрасный* (1), *проклятый* (1) (РАС).

Анализ данных XX–XXI вв. подтверждает активную и стабильную систему коллокаций с единицами религиозной лексики, которая реализуется через различные модели. Эти модели отражают как традиционные религиозно-культурные связи, так и эволюцию языка под

влиянием секуляризации и различных дискурсов, что находит подтверждение в материалах ассоциативных словарей.

Проведенный диахронический анализ позволил выявить ключевые тенденции в эволюции коллокационных моделей с единицами ЛСГ «Сверхъестественные существа в религиозных культурах» в истории русского языка (XI–XXI вв.):

1. Наблюдается переход от ритуализированных, цитатных и строго канонических сочетаний в древнерусский период, обслуживающих исключительно сакральный дискурс, к более разнообразным, персонализированным и синтаксически гибким моделям в новое и новейшее время. Этот процесс коррелирует с расширением жанрового состава текстового корпуса и общей секуляризацией языка.

2. Происходит эволюция коллокационных функций. Если в ранние периоды коллокации служили в первую очередь для утверждения догматов, выражения трансцендентности и построения духовной иерархии (преобладание атрибутивных и аппозитивных конструкций), то, начиная с XIX века, их функция смещается в сторону выражения личного, субъективного отношения, эмоциональной оценки и интеграции в бытовую речь.

3. Диахронический анализ коллокаций фиксирует антропоцентрический сдвиг в репрезентации сверхъестественного: от отстраненно-канонического образа, встроенного в систему религиозных истин, к индивидуализации, которая может быть объектом личного обращения, иронии, метафоризации и осмысления в рамках светских дискурсов.

Таким образом, эволюция коллокационных моделей данной ЛСГ выступает индикатором глубинных социокультурных и ментальных трансформаций: от средневекового теоцентризма через переходные этапы секуляризации к сложной, полифонической системе представлений о сверхъестественном в современной русской языковой картине мира.

Литература

Влавацкая М.В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 438–442.

ЕВРАС: Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России): От стимула к реакции / под ред. Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова; Российская академия наук, Институт языкознания РАН, Московская международная академия. Москва: Московская междунар. акад., 2018.

Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. Москва: Языки славянских культур, 2007.

Королев К.М. Энциклопедия сверхъестественных существ. Москва: Эксмо, 2005.

Ладыгин М.Б., Ладыгина О.М. Краткий мифологический словарь. Москва: НОУ «Полярная звезда», 2003.

НРКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 07.12.2025).

РАС: Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Москва: АСТ-Астрель, 2002.

Русский семантический словарь: Толковый словарь систематизированный по классам слов и значений под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник: ИРЯ РАН, 2014.

ТКССРЯ: Толково-комбинаторный словарь современного русского языка / Под ред. А.К. Жолковского, И.А. Мельчука. Вена, 1984.

Т.Н. Слободянюк (Тверь)

Компонентный анализ лексем, используемых для наименования помет негативной экспрессии (на материале толковых словарей XX – нач. XXI вв.)

Аннотация: В статье проведен компонентный анализ лексем, используемых в качестве негативных помет, для уточнения значения на материале толковых словарей XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: лексема, отрицательная оценка, негативная помета, интегральная/дифференциальная сема, компонентный анализ.

Abstract: Based on the material of explanatory dictionaries of the XX – early XXI century the paper provides a component analysis of lexemes used as negative labels to clarify the meaning.

Key words: lexeme, negative evaluation, negative label, integral/differential seme, component analysis.

При анализе дефиниций лексем **бранный, грубый, иронический, неодобрительный, презрительный, пренебрежительный, укоризненный, уничижительный**, используемых в качестве негативных помет «*бран.*», «*груб.*», «*ирон.*», «*неодобр.*», «*презрит.*», «*пренебр.*», «*укор.*», «*уничиж.*», в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова (1935–1940) (далее – СУШ), «Словаре русского языка» А.П. Евгеньевой (1985–1988) (далее – СЕВ), «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1998) (далее – СОШ), «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (1998) (далее – БСК), «Академическом словаре русского языка» Ю.Д. Апресяна (2014) (далее – АСА) и «Академическом толковом словаре русского языка» Л.П. Крысина (2016) (далее – АСК) установлены как дифференциальные, так и интегральные признаки, которые указывают на необходимость обращения к компонентному анализу данных лексем для более глубокого описания значения, т.к. «... семемная семасиология традиционно описывает значение (семему) как некоторую целостность, не анализируя детально ее структуру и уделяя основное внимание типам значений; семная семасиология, выросшая на базе достижений структурной лингвистики,

основывается на понятии семы как компонента значения и описывает значение при помощи понятия семы – как определенную упорядоченную совокупность сем разных типов» (Стернин, Саломатина 2011, с. 3), этим обусловлена актуальность разрабатываемой проблематики.

Цель данной статьи – проанализировать лексикографическое значение лексем, используемых для наименования помет негативной экспрессии. В работе применяется метод компонентного анализа, который позволяет уточнить их значения. Результаты анализа впоследствии можно будет использовать для установления семантико-стилистической динамики данных компонентов в значении лексем, в период развития русского литературного языка с середины XX в. до настоящего времени.

Компонентный анализ значения слова предполагает дифференциальный подход, основным принципом которого является «...выделение компонентов значения путем разграничения слов, противопоставленных друг другу в более или менее очерченных лексических группировках» (Стернин 1985, с. 12). Данная модель представляет собой простое, экономное описание значения слова. Однако в данное описание не входит ряд интегральных (схожих) сем, которые также активно проявляются в лексическом значении. Таким образом, при более полном компонентном анализе необходимо учитывать как дифференциальные, так и интегральные семы: «Семный анализ и семное описание значения предполагает использование метода компонентного анализа, который заключается в выведении дифференциальных и интегральных сем в значениях слов путем их попарного сопоставления внутри группы близких по значению лексических единиц» (Там же с. 16).

При анализе лексемы **бранный** (дериват слова **брань**) в СУШ, СЕВ, СОШ, БСК, АСА и АСК установлены следующие компоненты значения (семы): «ругательство», «слова», «сквернословие», «оскорбительный», «осуждение», «порицание», «упреки», «содержащий брань», «резкий», «обидный», «грубый», «очень грубый», «в адрес человека», «о человеке», «о плохом действии», «о плохой ситуации». При этом интегральной в отношении всех словарных дефиниций является сема «слова», отличия в словарных источниках наблюдаются в следующем:

- сема «ругательство (ругательный)» – интегральная для СУШ, СЕВ, СОШ, БСК и АСК и дифференциальная для АСА;

- компоненты «осуждение (осуждающий)» и «порицание (порицающий)» – интегральные для СЕВ, СОШ и АСК и дифференциальные для СУШ, БСК и АСА;

- компонент «оскорбительный» – интегральный для СЕВ, БСК и АСК и дифференциальный для СУШ, СОШ и АСА;

- компонент «упреки» – интегральный для СЕВ и АСК и дифференциальный для СУШ, СОШ, БСК и АСА;

- компонент «содержащий брань» – интегральный для СОШ и БСК и дифференциальный для СУШ, СЕВ, АСА и АСК;

- компонент «резкий (резко)» – интегральный для СОШ и АСА и дифференциальный для СУШ, СЕВ, БСК и АСК;

- компоненты «сквернословие», «обидный», «грубый», «очень грубый», «в адрес человека», «о человеке», «о плохом действии», «о плохой ситуации» – дифференциальные.

Следовательно, для лексемы «**бранный**» можно сформулировать следующее общее значение: «ругательные, оскорбительные, осуждающие, порицающие, содержащие брань, резкие, скверные, обидные, очень грубые слова, упреки в адрес человека, или о человеке, или о плохом действии или о плохой ситуации».

Как свидетельствуют результаты компонентного анализа лексемы **бранный (брань)** в современных словарях активно фиксируются семы, связанные прежде всего с человеком, с личностью. Можно предположить, что маркировка лексем с помощью этой пометы тоже будет отличаться.

При анализе лексемы **грубый** в СУШ, СЕВ, СОШ, БСК, АСА и АСК установлены следующие компоненты значений: «некультурный», «неучтивый», «неудовлетворяющий нормам высокой общественности», «отличающийся отсутствием необходимого такта», «резкий», «выражающий неуважение к кому-либо», «выражающий пренебрежение к кому-либо», «задевающий кого-либо», «неделикатный», «нечуткий», «нетонкий», «не соблюдающий этики отношений», «невежливый», «оскорбительный», «небрежный»:

- семы «резкий» и «выражающий неуважение» – интегральные для СЕВ, БСК, АСА и АСК и дифференциальные для СУШ и СОШ;

- компонент «неучтивый» – интегральный для СУШ, СЕВ, БСК и АСК и дифференциальный для СОШ и АСА;

- компонент «некультурный» – интегральный для СУШ, АСК и СОШ, дифференциальный для СЕВ, БСК и АСА;

- компонент «выражающий пренебрежение» – интегральный для СЕВ, БСК и АСК, дифференциальный для СУШ, СОШ, АСА;

- компоненты «отличающийся отсутствием необходимого такта» и «задевающий кого-либо» – интегральные для СЕВ и АСК, дифференциальные для СУШ, СОШ, БСК и АСА;

- компонент «неделикатный» – интегральный для СОШ и БСК, дифференциальный для СУШ, СЕВ, АСА и АСК;

- компонент «невежливый» – интегральный для БСК и АСА, дифференциальный для СУШ, СЕВ, СОШ и АСК;

- дифференциальные компоненты – «нечуткий», «нетонкий», «неудовлетворяющий нормам высокой общественности», «не соблюдающий этики отношений», «оскорбительный», «небрежный».

Следовательно, для лексемы **грубый** можно сформулировать следующее общее значение: «неучтивый, резкий, выражающий неуважение, пренебрежение, некультурный, бестактный, неделикатный, невежливый, задевающий, нечуткий, нетонкий, оскорбительный, небрежный, неудовлетворяющий нормам общности, не соблюдающий этики отношений».

Анализируя динамику значения лексемы **грубый**, мы отмечаем появление семы «повышенный тон речи».

При сравнении семных компонентов лексем **бренный** и **грубый** установлены интегральные компоненты «оскорбительный» и «резкий», что указывает на крайнюю степень сниженности обеих лексем. Однако дифференциальная сема «слова», присутствующая у лексемы **бренный**, свидетельствует о том, что лексема **грубый** может характеризовать не только слова, но и действия, поступки. Дифференциальные семы «ругательство», «сквернословие», «осуждение», «порицание», «упреки», «содержащий брань», «обидный», «очень грубый» лексемы **бренный** указывают на употребление бранных, скверных слов с целью очень грубо осудить действия и поступки, обидеть человека, а семы «некультурный», «неучтивый», «отсутствие такта», «неделикатный», «нечуткий», «нетонкий», «неэтичный», «невежливый», «небрежный» лексемы **грубый** – на неудовлетворительные светским нормам речь, поведение, манеры. Таким образом, бранными можно считать очень грубые, скверные слова, содержащие резкое осуждение, порицание, упреки человека, его поступков, а грубыми могут быть не только слова, но и действия, поведение, поступки, которые оскорбляют, задевают своей некультурностью, неучтивостью, бестактностью.

Семный анализ лексемы **презрительный** производился на основе четырех словарей (СУШ, СЕВ, СОШ и БСК), т.к. АСА и АСК не изданы на соответствующую букву:

- интегральная сема «выражающий презрение»;
- компонент значения «отношение к кому-чему-нибудь» – интегральный для СУШ, СЕВ, СОШ и дифференциальный для БСК;
- компоненты «вызывающий презрение» и «крайнее неуважение» – интегральные для СЕВ и БСК и дифференциальные для СУШ и СОШ;
- компонент «заслуживающий презрения» – интегральный для СУШ и СЕВ и дифференциальный для СОШ и БСК;
- дифференциальные компоненты – «достойный презрения», «признание недостойным», «не заслуживающий уважения», «подлый», «морально-низкий», «ничтожный», «не достойный внимания», «полное пренебрежение», «проникнутый презрением», «глубоко пренебрежительный», «подчеркнутое безразличие», «наполненный презрением», «пренебрежительный» и «чувство».

Таким образом, для лексемы **презрительный** можно сформулировать следующее общее значение: «выражающее презрительное отношение к кому-чему-нибудь, вызывающему крайнее неуважение».

На основе компонентного анализа по четырем словарям можно выделить следующие интегральные семы лексемы **пренебрежительный** (дериват слова **пренебрежение**): «отношение к кому-чему-нибудь», «исполненный пренебрежения», «отсутствие внимания к кому-чему-нибудь», «высокомерное отношение». Интегральными для СУШ, СЕВ и БСК и дифференциальным для СОШ является компонент «презрительное отношение»; интегральным для СЕВ СОШ и БСК и дифференциальным для СУШ – компонент «неуважительное отношение»; интегральным для СУШ и СЕВ и дифференциальным для СОШ и БСК – компонент «отсутствие надлежащей заботы»; интегральным для СЕВ и БСК и дифференциальным для СУШ и СОШ – компонент «отношение как к незначущему, несущественному»; дифференциальными – семы «выражающий пренебрежение», «проникнутый пренебрежением», «недостаток уважения», «безразличие».

Следовательно, для лексемы **пренебрежительный** обобщенное значение можно сформулировать таким образом: «демонстрирующий отсутствие внимания к кому-чему-нибудь, исполненное пренебрежения, высокомерное, презрительное, неуважительное отношение».

При сравнении компонентов значений **презрительный** и **пренебрежительный** установлены следующие интегральные семы: «отношение к кому-чему-нибудь», «пренебрежение (пренебрежительный)», «безразличие», «презрение (презрительный)», «неуважение (неуважительный)». Однако у некоторых компонентов значения лексемы **презрительный** зафиксированы усилительные семы: «*полное* пренебрежение», «*глубоко* пренебрежительный», «*подчеркнутое* безразличие», «*крайнее* неуважение», что свидетельствует о крайней степени сниженности данной лексемы. Дифференциальные семы у лексемы **презрительный** указывают на признание недостойности, подлости, моральной изменности, ничтожности объекта речи, который вызывает чувство крайнего неуважения, у лексемы **пренебрежительный** – на отсутствие должных внимания, заботы, уважения и отношение к объекту речи как к чему-то незначительному, что свидетельствует об отсутствии крайней степени сниженности, следовательно, негативная экспрессия в большей степени выражена в значении лексемы **презрительный**. Лексема **пренебрежение** в БСК приобретает сему «безразличие», которая не была зафиксирована в более ранних словарях.

Рассмотрим интегральные семы лексемы **укоризненный**: «выражающий укоризну», «упрек», «порицание». Интегральной для СУШ, СЕВ и БСК и дифференциальной для СОШ является сема «исполненный укоризны», интегральными для СЕВ и БСК и дифференциальными для

СУШ и СОШ – семы «закрывающий укоризну» и «содержащий укоризну». Следовательно, на основе компонентного анализа обобщенное значение лексемы **укоризненный** может быть сформулировано таким образом: «содержащий упрек, порицание, укоризну, исполненный укоризны».

Рассмотрим интегральные и дифференциальные семы лексемы **уничижительный**. Интегральной является сема «унизительный (унижать)»; интегральной для СУШ, СЕВ и СОШ и дифференциальной для БСК – сема «подвергать оскорблениям»; дифференциальными – семы «признавать ничтожным», «умалить заслуги», «унижающий чувства, достоинство», «высокомерие», «пренебрежение», «презрение». Следовательно, можно сформулировать следующее обобщенное толкование лексемы **уничижительный**: «унижающий, подвергающий оскорблениям».

Анализируя динамику лексикографического значения лексемы-пометы **уничижительный**, можно обнаружить, что произошел семантический сдвиг, касающийся, во-первых, усиления уничижения объекта (появились семы, свидетельствующие об усугублении уничижения: от «признавать ничтожным» и «умалить заслуги» до «унижать чувства, достоинство»), во-вторых, в значении появилась поведенческая характеристика субъекта уничижения, который демонстрирует «высокомерие», «пренебрежение», «презрение».

При анализе лексем **укоризненный** и **уничижительный** интегральных сем не зафиксировано. Дифференциальные семы «закрывающий, содержащий, выражающий укоризну», «исполненный укоризны», «упрек», «порицание» лексемы **укоризненный** указывают на цель обвинить объект речи, но не оскорбить его, и наоборот, семы «унизительный (унижать) чувства, достоинство», «подвергать оскорблениям», «признавать ничтожным», «умалить заслуги» лексемы **уничижительный** указывают на то, что цель – унижить, оскорбить достоинство и чувства, принизить заслуги.

При анализе лексемы **неодобрительный** зафиксированы интегральные семы «порицание» и «содержащий неодобрение»; интегральные для СЕВ и БСК и дифференциальные для СУШ и СОШ семы «содержащий порицание», «выражающий неодобрение», «неудовлетворенность действиями, поступками»; интегральная для СУШ и СОШ и дифференциальная для СЕВ и БСК сема «отрицательная оценка»; дифференциальная сема «осуждение» (зафиксирована только в СЕВ). Таким образом, можно сформулировать обобщенное значение лексемы **неодобрительный**: «содержащий, выражающий неодобрение, порицание, отрицательную оценку».

При анализе лексемы **иронический (ирония)** установлены следующие интегральные семы: «закрывающий (содержащий иронию)»,

«насмешка». Интегральной для СУШ, СЕВ, СОШ и АСА и дифференциальной для БСК является сема «выражающий иронию»; интегральной для СУШ, СЕВ, БСК и АСА и дифференциальной для СОШ – сема «обратный буквальному смысл»; интегральной для СУШ, СЕВ, СОШ и БСК и дифференциальной для АСА – сема «тонкий»; интегральной для СЕВ, СОШ, БСК и дифференциальной для СУШ и АСА – сема «скрытый»; интегральной для СУШ и АСА и дифференциальной для СЕВ, СОШ и БСК – сема «прикрытый серьезной формой». Дифференциальными являются компоненты значения «прикрытый внешне положительной оценкой», «отношение к кому-чему-либо», «отрицательная оценка». Таким образом, можно сформулировать следующее значение лексемы **иронический**: «закрывающий, выражающий иронию, тонкой, скрытой насмешкой, прикрытой серьезной формой».

Рассматривая значение лексемы **иронический** в динамике, можно установить, что со временем произошла утрата семы «прикрытый внешне положительной оценкой» и, что логично, в АСА эксплицирована сема «отрицательная оценка».

При сравнении лексем **неодобрительный** и **иронический** установлена интегральная сема «отрицательная оценка». Однако если дифференциальные семы «выражающий, содержащий неодобрение», «порицание», «осуждение» лексемы **неодобрительный** могут свидетельствовать о том, что данная лексема содержит в своем значении прямое осуждение, неудовлетворенность действиями объекта речи, то компоненты значения лексемы **иронический** – «тонкий», «скрытый», «обратный буквальному», «прикрытый серьезной формой», «не принимая всерьез» – указывают лишь на скрытое отношение к кому-чему-либо.

Вслед за И.А. Стерниным и М.С. Саломатиной, которые утверждают, что «чем больше у сравниваемых слов интегральных сем, тем ближе они друг к другу по значению, и, наоборот, чем больше у них дифференциальных сем, тем менее близкими по значению являются эти семы» (Стернин, Саломатина 2011, с. 12), можно сделать вывод о существенных различиях лексем, используемых в качестве помет негативной оценки и экспрессии.

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы, которые, на наш взгляд, могут быть использованы при анализе динамики семантико-стилистического статуса лексики, маркированной пометами негативной оценки (экспрессии):

1. В значении лексем-помет негативной экспрессии (оценки) можно выделить семы, связанные: а) с субъектом речи; б) с объектом речи. Характеристика субъекта речи (говорящего) в большей степени прослеживается в дефиниции лексем «бранный» и «грубый» (говорящий ведет себя резко, обидно, грубо и т.д. – семы «содержащий брань», «очень

грубый», «ругань», «сквернословие», «некультурный», «резкий»). Причем отрицательные характеристики выражены ярче в лексеме «бранный».

Все остальные лексемы-пометы в большей степени характеризуют объект речи и отношение к нему говорящего, которое варьируется в следующей градации: ирония («отношение к», «отрицательная оценка», «насмешка»), неодобрение («порицание», «неудовлетворенность поступками, действиями», «осуждение»), укоризна («упрек, «порицание»), пренебрежение («отсутствие внимания», «высокомерное отношение, «отношение к», «неуважительное отношение»), презрение («отношение к», «крайнее неуважение», «подчеркнутое безразличие»), унижение («подвергать оскорблениям», «унижающий чувства», «высокомерие»).

2. Для каждой лексемы были выбраны ядерные семы, позволяющие уточнить семантику пометы: **бранный** – «ругательство, слова», **грубый** – «резкий, выражающий неуважение, неучтивый», **презрительный** – «отношение как к морально низкому кому-чему-нибудь, выражающее презрение, крайнее неуважение», **пренебрежительный** – «отсутствие внимания к кому-чему-нибудь, высокомерное отношение, исполненное пренебрежения», **укоризненный** – «упрек, порицание, выражающие укоризну» (в отличие от **неодобрительный** содержит сему «обвинение», которая восстановлена из синонимического ряда), **унижительный** – «унижать, повергать оскорблениям», **неодобрительный** – «порицание, содержащее неодобрение», **иронический** – «насмешка, заключающая иронию, обратный буквальному смысл».

3. На основе проведенного компонентного анализа лексем-помет были выявлены некоторые семантические изменения. Устойчивая тенденция заключается в том, что в семах начинает в большей степени эксплицироваться характеристики, связанные с коммуникантами (субъектом или объектом).

Например, в современных словарях у лексем **бранный** и **грубый** зафиксированы семы, связанные с личностью говорящего, который, употребляя бранные/грубые слова, демонстрирует определенный тип коммуникативного поведения (у лексемы **грубый** появляется сема «повышенный тон речи», у лексемы **бранный** – «резкий», «характеризующийся отсутствием такта»). Лексема **презрительный** начинает утрачивать семы «подлый», «морально низкий»; лексема **пренебрежительный** приобретает сему «безразличие» в более позднем издании, утрачивается сема «недостаток уважения»; у лексемы **унижительный** зафиксировано усиление унижения, появление поведенческой характеристики субъекта унижения, который демонстрирует «высокомерие», «пренебрежение», «презрение». Описанные процессы свидетельствуют об изменении степени экспрессивности в значении лексем **пренебрежительный** и

уничжительный (у лексемы **пренебрежение** происходит ослабление экспрессивности, а у лексемы **уничжение**, напротив, усиление).

Полагаем, что маркировка лексики с помощью лексем-помет негативной оценки/экспрессии будет отражать в том числе и обнаруженные семантические сдвиги.

Литература:

- Апресян Ю.Д. Активный словарь русского языка: в 2 т. Москва: ЯСК, 2014.
Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 1981.
Крысин Л.П. Академический толковый словарь русского языка: в 2 т. Москва: ЯСК, 2016.
Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 1998.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1998.
Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький, 1975.
Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1985.
Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Москва: Советская энциклопедия, 1935.

А.А. Степаненко (Воронеж)

Универбаты в современном газетном тексте

Аннотация: Статья посвящена анализу функционирования универбатов в современных газетных текстах. На материале Национального корпуса русского языка исследуются частотность, графическое оформление и способы семантизации данных лексических единиц.

Ключевые слова: универбаты, Национальный корпус русского языка (НКРЯ), газетный текст, частотность, кавычки, содержательный комментарий.

Abstract: The paper analyzes the use of univerbats in modern newspaper texts. The frequency, graphic design and methods of semanticizing these lexical units are studied on the basis of the National Corpus of the Russian language.

Key words: univerbats, National Corpus of the Russian Language (NCRL), newspaper text, frequency, quotation marks, meaningful comment.

Современная лингвистика характеризуется повышенным вниманием к процессам, происходящим в языке средств массовой информации, который выступает своеобразным полигоном для языковых инноваций и трансформаций. Как справедливо отмечал В.Г. Костомаров, «нынешнее глубинное и противоречивое сближение разговорности и книжности»

является следствием «новейшего возвышения устности и изменения ее соотношения с письменностью» (Костомаров 1971, с. 176). Это сближение закономерно приводит к активной интеграции в медийный дискурс единиц, традиционно относящихся к периферии литературной нормы, но обладающих значительным экспрессивным и номинативным потенциалом.

В контексте усиления конкуренции за читательское внимание и стремления к максимальной речевой экономии особую актуальность приобретает изучение компрессивных словообразовательных моделей. Одной из таких продуктивных моделей является универбация – способ образования однословной суффиксальной номинации на основе свертывания словосочетания. Исследователи отмечают, что по формальным признакам (в качестве форманта выступает аффикс) универбация может рассматриваться как разновидность суффиксального способа, однако в плане семантики она представляет собой более сложное явление: ее результатом является свернутое производное, характеризующееся наличием имплицитных смысловых компонентов, а мотивирующей базой служит словосочетание, которые чаще всего выражает определительные отношения (Николина 2023, с. 39).

Целью данной статьи является выявление особенностей функционирования универбатов в газетном тексте (источник – газетный подкорпус Национального корпуса русского языка).

В собранной нами картотеке насчитывается 117 единиц. Для данного исследования мы отобрали 33 лексемы, не отраженных в словарях, и 16 лексем, входящих в словник лексикографических изданий.

В результате количественного анализа были определены следующие группы в зависимости от частотности употребления универбатов в текстах:

1) сверхчастотные (1000 примеров и больше, 10%): *мобильник 5074, просрочка 3667, испанка 1485, примерка 1136, иностранка 1032*;

2) очень частотные (300–900 примеров, 12%): *однушка 978, удаленка 931, методичка 453, финка 402, наличка 377, самоволка 330*;

3) среднечастотные (90–300 примеров, 25%): *аварийка 276, читалка 263, нобелевка 2016, дистанционка 211, гуманитарка 185, выделенка 182, двухэтажка 165, молочка 155, документалка 153, дежурка 144, вечерка 130, электронка 125*;

4) низкочастотные (10–90 примеров, 33%): *афганка 67, медляк 67, личка 64, музыкалка 64, цифровик 63, тренажерка 55, домашка 52, стиралка 50, загранка 42, началка 34, побочка 25, академка 24, атипичка 22, военник 17, парадка, спортивка 12*;

5) нечастотные (менее 10 примеров, 14%): *рукопашка 7, валютка 6, струйник 4, нашатырка 3, курсач 2, античка 1, отчетник 1*.

Среди лексем, не представленных в словарных источниках, 3 универбата (*дипломка, иммунка, касетник* – 6%) не были представлены в газетных примерах НКРЯ, что говорит об определенных ограничениях в их

употреблении: *дипломка* – жаргон студентов, *иммунка* – жаргон специалистов в сфере медицины, *касетник* – слово из ушедшей эпохи 70–90-х годов.

Полученные данные указывают на то, что авторы публицистических текстов предпочитают использовать в своих статьях единицы, представленные в словарях. Это объясняется тем, что они достаточно хорошо известны широким слоям читателей, в отличие от универбатов, не зафиксированных в словарях, которые еще сохраняют свою окказиональность и могут быть понятны не всем носителям русского языка.

На следующем этапе были рассмотрены способы подачи универбатов с точки зрения их графического оформления и содержательного комментария в публицистических текстах.

Анализ графической подачи универбатов показал, что 61% из них используются как в кавычках, так и без них. Например:

- *молочка* – молочная продукция: *Литва еще не знает о снятии запрета на свою **молочку*** // Vesti.ru, 27.12.2013; *Чтобы ни говорили о безупречном качестве «**молочки**» во времена СССР, с различными примесями и тогда дело обстояло не лучшим образом* // Парламентская газета, 2021.08.20;

- *личка* – личные сообщения: *Желающие заказать билеты отправляйте мне в **личку** свои телефоны* // Коммерсант, 13.12.2010; *60% респондентов заявили, что «в **личке**» можно «более открыто делиться опытом и чувствами»* // Ведомости, 25.02.2020.

Тексты показывают, что 25% универбатов употреблялись с кавычками только в начале их вхождения в язык, что говорит об их нетипичности и стилевой инородности в определенный временной период (1990–2010-е годы). В современной речевой практике отмечается повышение их стилистического статуса и потеря окказиональности.

Сравним тексты разного периода со словом *мобильник*: *Телефон сегодня есть почти в каждом доме, а модный «**мобильник**» стал символом успеха и материального благополучия* // Труд-7, 10.11.2000 и *Среди изъятых вещей – **рации**, **мобильники**, документы, рюкзак с вещами и ключами от квартиры* // Новая газета 30.09.2015; *В частности, нормы запрещают детям находиться перед компьютером на уроках дольше положенного и использовать **мобильники** для учебы* // Парламентская газета, 2021.09.01.

Другие же лексемы (*однушка*, *удаленка*, *методичка*, *наличка*, *молочка*, *музыкалка* и т.д.) употребляются в кавычках непоследовательно. Данная закономерность отражает тот факт, что значительная масса универбатов, в особенности среднечастотные и низкочастотные, находятся в стадии потери окраски новизны и малоизвестности. Исследуемые лексемы перестают ассоциироваться с цитатой из разговорной речи, входят в

литературно-разговорный язык, в результате чего одни авторы употребляют слово уже без кавычек, а другие еще используют кавычки как сигнал стилистической инородности универбата или как указание на невысокую распространенность слова среди широких масс населения.

Также анализ материала показал, что по данным НКРЯ 22% слов используются в текстах и заголовках газетных статей только в кавычках. Например, слово *личка* в разных значениях:

- *личка* – личная охрана: «**Личка**» с нашей стороны предполагается только для весьма ограниченного числа директоров, перечень которых определит правительство», – отметил источник РКБ daily в министерстве // РБК Дейли, 13.11.2013;

- *личка* – личный зачет: Максим Степанов стал первым в личном зачете и помог сборной России победить в командном первенстве. Серебро в «**личке**» завоевал Дмитрий Романов // РИА Новости, 07.03.2015;

- *личка* – личная жизнь: Обналиченная «**личка**». Мемуары о самых сокровенных сторонах личной жизни уверенно занимают свое место на рынке российской печатной продукции // Коммерсант, 26.08.2007.

Наши наблюдения позволяют сделать некоторые выводы.

1. Кавычки являются сигналом того, что лексема еще малоизвестна и может относиться к жаргону по роду деятельности (спортивный, учебный, медицинский, военный, жаргон IT-сферы и т.д.). Например, учебный жаргон: *началка* – начальная школа, *домашка* – домашнее задание, *курсац* – курсовая работа; медицинский жаргон: *нашатырка* – нашатырный спирт, *испанка* – испанский грипп, *атипичка* – атипичная пневмония и т.д.

2. Многие универбаты являются многозначными, вследствие чего кавычки являются маркером того, что слово употребляется в значении, которое характеризуется узкой сферой бытования. Например, *электронка* – электронная почта, электронная сигарета, электронная книга; *финка* – финансовая грамотность, финские санки и финский нож и т.д.

3. Зачастую авторы публицистических текстов чувствуют стилистическую инородность универбата, его принадлежность к разговорной речи, вследствие чего прибегают к использованию кавычек. Например, *стиралка* – стиральная машина: Анджело загрузил в «**стиралку**» простыни и запустил машину, а кот – не заметил // Известия, 04.07.2020.

4. Кавычки могут сигнализировать о том, что слово употреблено не в литературном значении, обычно здесь можно наблюдать перенос по сходству. Например, *иностранка* – иностранная машина, перенос значения «жительница иностранного государства»: Купить «**иностранку**» без криминального прошлого все же можно // Vesti.ru, 26.09.2013.

В результате анализа была выявлена и группа слов, которые используются в текстах газетных статей без кавычек, они составляют 17% от общего количества (например, *гримерка*, *нашатырка*, *двухэтажка*,

самоволка и т.д.). Представленные слова авторы осознают как общеизвестные, не нуждающиеся в объяснении лексемы, их стилевая принадлежность не противоречит публицистическому тексту, значение понятно из самого контекста статьи либо даны пояснения, о которых будет сказано ниже.

Далее группы исследуемых лексем были рассмотрены с точки зрения наличия или отсутствия пояснения, комментария к универбатам в тексте.

Анализ показал, что 44% слов употребляются с различного рода пояснениями. В основном это слова, которые характеризуются омонимией (например, *испанка*, *электронка*, *личка*, *иностранка*, *финка*, *академка* и т.д.). Также это низкораспространенные лексемы, которые известны ограниченным группам населения и нуждаются в расшифровке для массового читателя.

Нами было выявлено несколько приемов подачи универбатов в тексте.

1. Наиболее распространенный способ (20 слов) – пояснение через словосочетание в заголовке статьи. В сильной позиции текста, на которую читатель в первую очередь обратит внимание, автор дает развернутую номинацию, «расшифровывает» универбат, тем самым не допускает сомнений насчет значения слова (если оно обладает омонимией) или просто разъясняет таким образом потенциально непонятную для массового читателя лексему. Например:

- *атипичка*: *А уж «атипичка» будет похуже, чем пробки на покрытых слякотью дорогах* (заголовок): «Придет ли к нам *атипичная пневмония*? // Аргументы и факты, 2003.10.29);

- *аварийка*: *Ведь сегодня никто не гарантирует, что за эти деньги они снова не купят «аварийку»* (заголовок): Как не купить *аварийное жилье* // Парламентская газета, 08.21.2020. 2)

2. Объяснение с помощью толкования внутри текста (3 слова и 5 значений). По нашим данным, этот способ пояснения используется для слов, обладающих омонимией. Для того чтобы смысл текста не был искажен, автор считает нужным указать читателю на значение слова в данном контексте. Например:

- *испанка*: *16 марта 1919 года, заболел «испанкой» (испанский грипп), скоропостижно скончался* // Парламентская газета, 2021.06.03;

- *иностранка*: *А уже в первый день работы Non/fiction вечером в среду, отпразднует 60-летний юбилей легендарная «Иностранка»* (журнал «*Иностранная литература*») // Известия, 24.11.2015.

3. Объяснение с помощью бинмина (2 слова и 3 значения). Данным способом пояснения также сопровождаются слова с омонимией. Давая двухсловное название, образованное по модели родовидового понятия, автор устраняет путаницу в возможных значениях лексемы. Например: *С 1931 г. в Красной армии появилась шапка-финка, похожая на ушанку* // Ведомости, 09.22.20; *У террориста было изъято самодельное взрывное*

устройство, два спальных мешка, **нож-финка**, саперная лопата и книги на арабском языке // Lenta.ru, 02.01.2002. 4).

4. Объяснение через сочетание с прилагательным (2 слова). Автор использует с универбатом один из компонентов исходного словосочетания для конкретизации значения слова, обладающего омонимией, или окказионального, стилистически не уместного. Например: *Пятница – **тёщины вечёрки**, когда теща сама приходит в дом к зятю, и он должен накормить ее блинами* // Парламентская газета, 02.28.20.

Анализ публицистического материала из НКРЯ показал, что 56% слов употребляются без каких-либо пояснений в текстах газетных статей. Приведем примеры:

1) единицы, не зафиксированные в словарных изданиях: 2 сверхчастотных слова (*гримерка, удаленка*), 2 среднечастотных слова (*двухэтажка, документалка*), 8 низкочастотных слов (*медляк, музыкалка, личка, цифровик, тренажерка, домашка, академка, выделенка*), 12 нечастотных слов (*иностранка, рукопашка, валютка, струйник, нашатырка, электронка, курсач, академка, античка, отчетник, цифровик, электронка*);

2) единицы, отмеченные в словарях: 1 сверхчастотное слово (*просрочка*), 2 очень частотных слова (*методичка, самоволка*), 5 среднечастотных слов (*читалка, просрочка, аварийка, дежурка, вечерка*), 4 низкочастотных (*аварийка, загранка, вечерка, спортивка*), 3 нечастотных (*афганка, вечерка, финка*). Из них 41% употребляется в кавычках и без них, 31% – всегда без кавычек; 28% – только в кавычках.

Также отметим, что в 90% примеров пояснения даются к универбатам, употребляющимся как в кавычках, так и без них; в 10% – к универбатам, зафиксированным только в кавычках. Данная закономерность указывает на желание авторов газетных статей не только графически подчеркнуть малоизвестность и стилевую инородность лексемы, но и дать расшифровку потенциально непонятного для массового читателя слова.

В ходе проделанного анализа нам не удалось выявить строгого соответствия между наличием пояснений и написанием слов в кавычках или без них. В газетных текстах НКРЯ наблюдается разноречивой в графической и контекстуальной подаче универбатов, что является, на наш взгляд, следствием неоднозначности их трактовки авторами с точки зрения стилистической окраски и семантики. Вместе с тем кавычки и пояснения являются сигналом того, что авторы осознают стилевую инородность слов и таким образом демонстрируют это читателям. Большая часть универбатов является сигналом усиления разговорной составляющей публицистических изданий, их неформальности и зачастую сниженности.

Литература

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. Москва: МГУ, 1971.

Николина Н.А. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект. Москва: Флинта, 2023.

Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты: учеб. пособие для вузов. Москва: Академический проект, 2008.

Н.С. Яковенко, Е.В. Варнавская (Воронеж)

Омоакронимия в современной медицинской терминологии: лингвистические и когнитивные детерминанты

Аннотация: В статье рассматриваются основные факторы процесса аббревиации профессиональных понятий в медико-биологических науках. Авторами выделено явление «клипового мышления» в качестве внеязыкового фактора формирования омоакронимов в подязыке медицины.

Ключевые слова: омоакронимы, клиповое мышление, медицинская терминология, психотерапия, когнитивная фрагментация.

Abstract: The paper examines the key factors in the abbreviation of professional notions in the biomedical sciences. The authors identify the phenomenon of «clip thinking» as a non-linguistic factor in the formation of homonymous acronyms in the sublanguage of medicine.

Key words: homonymous acronyms, clip thinking, medical terminology, psychotherapy, cognitive fragmentation.

Современный этап развития науки характеризуется стремительным развитием инновационных технологий, геометрическим ростом объемов информации и информационного потребления. Активное развитие многих отраслей медицины и прирост научно-технических знаний в последнее десятилетие привели к тому, что в наши дни свыше 90% новых слов составляет специальная (профессиональная) лексика. Данный факт убедительно говорит о том, что терминологические системы постоянно развиваются, а новые теории и практические открытия, актуальные лингвистические и когнитивные процессы способствуют деактуализации существующей терминологической лексики и влекут появление терминов-неологизмов, обозначающих вновь возникающие научные реалии.

Тема нашего исследования обусловлена сверхбыстрым увеличением количества сокращенных терминов и понятий во многих отраслях медицины и биологии. Как известно, аббревиация – это способ словообразования, ориентированный на оптимизацию и сокращение протяженности лексических единиц и регулирование количественного

состава в языке, на передачу максимального объема информации минимальными средствами.

Задачи нашего исследования: 1) рассмотреть основные факторы возникновения явления аббревиации; 2) проанализировать такое явление, как «клиповое мышление», выявить источник его происхождения; 3) выявить те особенности феномена «клиповое мышление», которые принимают участие в формировании различных типов аббревиатур, в том числе омоакронимов, и приводят к появлению бóльшего количества омоакронимов в языке медицины.

В работе будут рассмотрены факторы, способствующие возникновению такого типа сокращений, как омоакронимия. Как известно, акроним – это аббревиатура, состоящая из инициалов развернутого прототипа и читающаяся как обычное слово. Следовательно, омоакроним – это акроним, который по графической и фонетической форме омонимичен общеупотребительному слову (корреляту).

В качестве примера приведем омоакроним **FAST**, который используется для быстрого распознавания симптомов инсульта – состояния, при котором необходимо незамедлительное оказание медицинской помощи. Омоакроним **FAST** расшифровывается следующим образом: F – Face drooping, A – Arm weakness, S – Speech difficulty, T – Time to act. В нашей стране для целей распознавания инсульта и скорого вызова кареты скорой помощи употребляется, соответственно, омоакроним **УДАР** – Улыбка, Движение, Артикуляция, Решение.

Ниже мы проиллюстрируем явление омоакронимии в медицинской лексике следующим примером из области психотерапии. Омоакроним **S.T.O.P.**, который расшифровывается как: S – Stop, or pause, T – Take a breath, O – Observe the body, thoughts, feelings, emotions, and physical sensations, P – Proceed with more awareness. *S.T.O.P. – is a mindfulness practice that allows patients to take a breath and check in to see how we're doing. It can assist patients in shifting from states of distraction and automatic pilot to being present and intentional* (Linehan 2025). На русский язык данное понятие было переведено аналогичным омоакронимом, которое имеет следующую расшифровку – С – Стоп! Т – Тихо, О – Осмотрись, П – Продолжай осознанно. Данным сокращением обозначаются действия, которые необходимо предпринять для создания состояния осознанности, пациенту необходимо сделать паузу, вдохнуть и прислушаться к своему состоянию. Наименование практики, обозначаемой данным омоакронимом **STOP** (омонимичным с глаголом *to stop*), говорит о том, что пациентам необходимо резко прервать предыдущий ход мыслей и перейти от состояния рассеянности и автоматизма к состоянию присутствия и осознанных действий.

Следует отметить, что большая часть омоакронимов, появившихся в последнее время в медицинской науке, являются ультранеологизмами – терминами, еще не зафиксированными словарями (Яковенко, Варнавская 2019).

Примером появления омоакронима-неологизма в сфере медицины может служить появление термина *PRISMA: The Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses* – *Стандартизированные предпочтительные элементы отчета для систематических обзоров и мета-анализов* – руководство, которое было разработано, чтобы помочь авторам правильно оформить и описать процесс проведения систематического обзора таким образом, чтобы он был полным, прозрачным и воспроизводимым.

В качестве основных причин активного роста сокращенных наименований нами были выделены как лингвистические факторы, так и надязыковые, относящиеся к изменению мышления в современном обществе.

1. Так, к лингвистическим факторам генезиса новых аббревиатур любого типа относится такая универсальная языковая тенденция, как **принцип языковой экономии**. Термин «языковая экономия» связан с именем французского филолога Андре Мартине и его работой по диахронической фонологии. По мнению А. Мартине, языковая эволюция определяется наличием постоянного противоречия между потребностью человека к общению и его стремлением минимизировать свою физическую и умственную активность (Мартине 1960). Принцип языковой экономии является одной из наиболее активных движущих сил, провоцирующих значительные изменения в большинстве языков (Салимов 2024).

2. Следующим фактором является **характерность сокращений для современного английского языка**, выявленная Отто Есперсенем в процессе изучения и описания грамматики современного английского языка. О. Есперсен утверждает, что сокращения имеют параллели в других языках, но, по-видимому, нигде они не являются столь многочисленными, как в современном английском языке; они в действительности представляют одну из наиболее характерных черт развития английского языка (Есперсен 1958).

В труде «Философия грамматики» Есперсен говорил о возникновении новых форм и новых правил употребления сокращений следующее: «Но в каждом конкретном случае... говорящему приходится применять языковые навыки к данной ситуации, чтобы выразить то, что во всех подробностях никогда до этого не выражалось. И поэтому ... он должен приспособлять их к изменяющимся потребностям. В результате могут возникнуть новые навыки и привычки или, иначе говоря, новые грамматические формы и новые правила их употребления» (Есперсен 1958, с. 21).

3. Кроме того, по мнению ряда исследователей, в английском языке наблюдается **тенденция к краткости из-за сильного тонального акцента**, который ярче выражен в английском языке, чем в других европейских языках. Данный факт можно выделить в качестве третьего фактора возникновения большого количества аббревиатур в английском языке в целом и в различных терминосистемах английского языка в частности.

Под тональным акцентом мы подразумеваем идею Д.Л. Болинджера, американского филолога, впервые употребившего данное понятие и утверждавшего, что когда акцент в слогe реализуется с помощью высоты тона, высота тона выполняет две функции. Во-первых, она сигнализирует об акценте в данном слогe. Во-вторых, ее направление – вверх, вниз, или ее уровень – создает мелодию (Bolinger 1986). Хочется подчеркнуть, что в русской специальной литературе этот термин встречается под разными названиями, как, например, фразовое или мелодическое ударение.

4. Однако мы можем предположить, что традиционных лингвистических причин недостаточно для объяснения феномена возникновения столь большого количества аббревиатур в медицинской сфере. Очевидно, что возрастающие объемы цифровой онлайн-информации, непрерывное использование цифровых устройств и цифрового контента в сети Интернет в течение последних пятнадцати лет привели к формированию особого типа мышления, и к ряду других психологических и социальных проблем. Безусловно, краткие формы цифрового контента, его клиповость и непродолжительность по времени также влияют на языковые паттерны общества. Основным надлингвистическим фактором, относящимся к изменению мышления в современном обществе и являющимся катализатором процесса аббревиации в языке можно назвать всё более яркие и отчетливые проявления в социуме признаков и проявления такого социального и психологического феномена, как «клиповое сознание» или **«клиповое мышление»**.

Понятие «клиповое мышление» получило широкое распространение за последние 10 лет, оно широко применяется авторами в педагогических, социологических и филологических науках. Так, для определения динамики распространенности употребления словосочетания «клиповое мышление» по годам нами был проведен поиск в Научной электронной библиотеке НЭБ E-library и в системе Гугл Books Ngram Viewer. По запросу понятия «клиповое мышление» в названиях публикаций и аннотациях в журнальных статьях и материалах конференций НЭБ E-library и Российский индекс научного цитирования показали следующие результаты: с 1995 по 1999 г. в базе данных отсутствуют публикации, удовлетворяющие данным требованиям, с 2000 по 2005 г. в базе данных отсутствуют публикации, удовлетворяющие данным требованиям, с 2006

по 2010 г. – 2 публикации, с 2011 по 2015 г. – 52 публикации, с 2016 по 2020 г. – 328 публикаций, с 2021 по 2025 г. – 417 публикаций. Таким образом, мы замечаем многократный рост в употреблении понятия «клиповое мышление» в научной сфере.

Поисковая система Гугл Books Ngram Viewer также показала увеличение популярности и количества употреблении понятия «клиповое мышление» в 6 раз – с 50 единиц до 300 единиц в период с 2010 по 2022 год.

Несмотря на большую популярность и высокую частотность употребления, происхождение понятия «клиповое сознание» не так очевидно. Изучив многочисленный материал, написанный на тему данного понятия, мы пришли к выводу, что источником данного понятия является не производное от западного англоязычного понятия «clip culture».

Данное понятие имеет своим началом труды российской философской школы. Под понятием «клиповое сознание» мы подразумеваем определение данного феномена таким образом, как его предложил в своей работе «Клиповое сознание» автор данного термина, профессор Московского государственного университета, основатель Московской антропологической школы, доктор философских наук Федор Иванович Гиренок (Гиренок 2016). Следует отметить, что в настоящее время данный термин претерпел изменения и употребляется в измененном значении: профессор Ф.И. Гиренок в своих работах разграничивает понятия сознания и мышления, в обиход же данное понятие вошло именно как «клиповое мышление».

В работе «Клиповое сознание» Ф.И. Гиренок показывает влияние клипового сознания на те тенденции, которые происходят в языке под влиянием преобладания подобного типа мышления в обществе. Автор указывает, что *клиповое мышление* стремится избежать встречи с языком, свести к минимуму его присутствие. В связи с этим первым признаком клипового мышления является **языковой минимализм**. Моментальное выхватывание сути факта или явления происходит в образе или наглядной схеме. *Клиповое мышление* сфокусировано не на способе связывания одного суждения с другим, а на **наглядном изображении мысли целиком** (Гиренок 2016).

В своих рассуждениях о клиповом мышлении автор данного понятия выделяет следующие характерные признаки и причины возникновения «клипового мышления»:

1. Ускорившийся темп жизни, приведший к необходимости современному человеку думать, мыслить и понимать быстро. Автор утверждает, что в наши дни *понимать – значит быстро понимать, а не танцевать герменевтические церемониальные танцы* (Гиренок 2016).

Всё, что мешает думать быстро и принимать решение быстро, в современном типе мышления остается без внимания.

2. Структура языка мешает клиповому типу мышления. Автор утверждает, что быстроте мысли мешает «увалень-язык». Клиповое мышление старается избежать встречи с языком, свести к минимуму его присутствие, поэтому первый признак клипового мышления – это языковой минимализм. Мгновенное схватывание сути дела происходит в наглядной схеме или в образе.

3. Обращение сознания к воображению, а не к опыту. Воображение в свою очередь актуализирует визуальное мышление. Соответственно, клиповое сознание не обобщает, а выдумывает, создавая в итоге образные когнитивные фрагменты. Клиповое мышление интересуется не способ связывания одного суждения с другим, а наглядное изображение мысли в целом.

4. Дискретность клипового типа мышления. Особенность клипового мышления состоит в том, что его нельзя представлять как поток во времени, так как оно перестает течь куда-либо и находится вне времени, представляя собой некие пузыри субъективности (Гиренок 2016).

Желание избежать сложных языковых конструкций или даже неспособность к их запоминанию, появление когнитивной фрагментации в мышлении, воображение и визуализация, свойственная клиповому типу мышления, приводит к появлению и даже намеренному созданию специалистами новых аббревиатур, которые омонимичны уже существующим словам. Данные тенденции в большой мере касаются тех областей медицины, в которых присутствует непосредственное длительное общение с пациентами – такой, как психотерапия. Такие характерные черты омоакронимов, как звучность, образность, легкая визуализация, ведущая к легкому запоминанию понятия, привели к появлению большого количества омоакронимов в речи врачей-психотерапевтов, облегчая коммуникацию с пациентами, делая понятия и термины более понятными и легкими к восприятию и запоминанию.

В качестве примеров недавно возникших омоакронимов можно привести наименования некоторых навыков (упражнений) – зашифрованных инструкций для пациентов, применяемых в рамках диалектической поведенческой терапии (DBT – dialectical behavior therapy). Психотерапевтический навык АСCEPT:

A – Activities (using distracting activities to take your mind off the problem and the painful emotions);

C – Contributing (shifting your focus from your own pain to helping someone else);

C – Comparisons (comparing your current situation to a time when you were in a worse state);

E – Emotions (generating an emotion that is the opposite of your current, overwhelming emotion);

P – Pushing Away (mentally putting the problem «in a box on a shelf» for a temporary period);

T – Thoughts (distracting yourself with other thoughts to crowd out the distressing ones);

T – Temperatures *and other sensations* (using strong physical sensations to shock your system and distract from emotional pain) (Linehan 2025).

Данный навык – это практический инструмент диалектической поведенческой терапии, разработанный, чтобы помочь пациенту справиться с кризисной ситуацией и пережить ее, не усугубляя свое состояние. На русский язык данное упражнение переведено омоакронимом ПРИНЯТЬ:

П – Присутствие (заняться делом, требующим внимания: уборка, спорт, работа, хобби);

Р – Работа (сделать что-то полезное для других);

И – Интеллект (нагрузить мозг другой мыслительной деятельностью);

Н – Напряжение (создать сильные физические ощущения);

Я – Я и другие (сравнить свою ситуацию с тем временем, когда было хуже, или с положением других людей);

Т – Терпение (временно отложить проблему);

Ь – Юмор (аналог Emotions. В русскоязычном варианте используется *мягкий знак* для создания запоминающегося акронима) (Линехан 2020).

DEAR MAN – еще один пример омоакронима, обозначающего один из известных и эффективных навыков в диалектической поведенческой терапии. Он предназначен для того, чтобы помочь пациентам ясно и уверенно отстаивать свои законные права, выражать просьбы и научиться отвечать отказом в ситуациях, где это необходимо. Аббревиатура делится на две части: DEAR – это что говорить (содержание), а MAN – как это говорить (стиль): D – Describe, E – Express, A – Assert, R – Reinforce, M – Mindful, A – Appear confident, N – Negotiate (Linehan 2025).

На русский язык данное понятие было переведено омоакронимом ПОПРОСИ: П – Перечисли факты, О – Опиши свое отношение, П – Попроси, что хочешь, Р – Расскажи, почему это хорошо, О – Обсуди разные варианты, С – Стой на своем, И – Изобрази уверенность.

Таким образом, нами был установлен источник происхождения понятий «клиповое сознание» и «клиповое мышление». Было выявлено, что помимо непосредственно языковых факторов, способствующих появлению омоакронимов в англоязычной медицинской терминологии, можно выделить «клиповое мышление» или когнитивную фрагментацию как надлингвистический фактор, связанный с особенностями развития сознания и мышления современного человека. Было установлено, что процессы воображения и визуализации приводят к созданию *образа*

понятия, который находит свое выражение в языке в форме омоакронима. Именно данный фактор и данные тенденции, по нашему мнению, в главной мере способствуют росту количества омоакронимов в научной лексике медико-биологической сферы.

Литература

- Bolinger D.L. Intonation and its parts. Melody in spoken English. London, 1986.
- Linehan M.M. DBT Skills Training Manual. 2nd ed. Guilford Publications, 2025.
- Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2016.
- Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой; Под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Линехан М.М. Диалектическая поведенческая терапия. Руководство по тренингу навыков. 2-е изд. Изд-во Вильямс, 2020.
- Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии) / пер. с фр. А.А. Зализняк. Москва: Издательство иностранной литературы, 1960.
- Салимов Р.А. Средства языковой экономии в английском языке // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9. №1. С. 39-46.
- Яковенко Н.С. Варнавская Е.В. Термины-ультранеологизмы в медико-биологических науках // Молодежный инновационный вестник. 2019. Т. 8. № 2. С. 604-605.

Психолингвистические исследования

О.А. Гавриш, А.В. Рудакова (Воронеж)

Психолингвистический анализ ассоциативных полей аббревиатур «ИИ» и «СММ»

Аннотация: Статья посвящена анализу ассоциативных полей инициальных аббревиатур «ИИ» и «СММ» и их психолингвистических значений в языковом сознании современной студенческой аудитории.

Ключевые слова: инициальные аббревиации, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле.

Abstract: The paper is devoted to a psycholinguistic analysis of the perception of the initial abbreviations «AI» and «SMM» in the linguistic consciousness of modern students.

Key words: initial abbreviations, linguistic consciousness, free association experiment, associative field.

Цель данного исследования – проанализировать ассоциативные поля инициальных аббревиатур в языковом сознании студентов.

Для этого на первом этапе исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент с использованием Яндекс Форм, в котором приняли участие 108 респондентов: студенты 1–4 курсов факультета компьютерных наук Воронежского государственного университета. Из них 86 человек (79%) молодые люди и 23 респондента (21%) девушки в возрасте от 17 до 21 года.

Испытуемым предлагалось привести первые пришедшие на ум ассоциации к инициальным аббревиатурам. В стимульный список вошли 10 инициальных аббревиатур: *США, СССР, ЗОЖ, ДНК, НХЛ, ЕГЭ, ПВО, ИИ, СММ, ФБР*.

Были составлены ассоциативные поля каждого стимула.

В данной статье представим результаты ассоциативного эксперимента с двумя аббревиатурами, относящимися к сфере IT-технологий, – «ИИ» и «СММ».

ИИ (108): искусственный интеллект 43; нейросеть 9; технологии 6; нейронка 4; будущее 3; интеллект 2, робот 2; chat gpt, GPT, YandexGPT, айти, будущие, война роботов и людей, все еще тупой, гпт, дипсик, Илон Маск, имба, Индийцы и Иисус, интеллект, иск инт, ИТ, искусственный интеллект, компьютерные науки, логотип chat gpt, макс, машина, наука, нейронная сеть, нейросети, нейро сеть; нейросеть,=дипсик,=чат гпт; некачественный контент, новинка, норм, помошник, решения, роботы, скайнет, скам, слабость, умный/алгоритм, учеба, чат, чат гпт, чатгпт 1; отказ 2.

Аббревиатура «ИИ» – это буквальный перевод на русский язык английской единицы «AI» (Artificial Intelligence – искусственный интеллект). В эксперименте в качестве стимула предлагался русскоязычный вариант как наиболее известный носителям русского языка и названный в ходе предварительного опроса.

Ассоциативное значение аббревиатуры «ИИ» в сознании студентов характеризуется высокой степенью актуальности, о чем свидетельствует низкий процент отказов (всего 2 нулевых ответов).

Среди ассоциатов были отмечены сложносокращенные слова (*нейросеть, chat gpt, GPT, YandexGPT, айти, гпт, иск инт, ИТ, логотип chat gpt, нейросети, нейро сеть; нейросеть, =дипсик, =чат гпт; чат гпт, чатгпт* и др.)

Полевой анализ ассоциативного поля стимула «ИИ» показывает, что ядро поля представлено ассоциатом *искусственный интеллект* (43 респондента – 40% от общего количества ассоциатов поля), демонстрируется стратегия развертывания аббревиатуры. Ближняя периферия поля представлена двумя реакциями – *нейросеть* (9 респондентов – 8%) и *технологии* (6 респондентов – 6%). Дальняя периферия включает четыре ассоциата – *нейронка* (4 респондента – 4%), *будущее* (3 респондента – 3%), *интеллект* (2 респондента – 2%), *робот* (2 респондента – 2%). Крайняя периферия представлена единичными реакциями (общее количество – 39 реакций, 36%).

СММ – калька английской аббревиатуры SMM (от англ. Social Media Marketing – маркетинг в социальных сетях). В эксперименте предлагался вариант кириллической записи данной аббревиатуры, так как на предварительном опросе большинство студентов именно так ее записали.

СММ (108): реклама 15; маркетинг 6; маркетинг в социальных сетях 4, работа 4, специалист 4; социальный медиа-маркетинг 3; новости 2, пиар 2, социальные сети 2, соцсеть 2; Social media marketing, бизнес, Билайн, газетное издание, гифки, журналистика, забавно, инстаграм, информация, инфоцыгане, новости, массмедиа, менеджер, менеджмент, мессенджер, МММ; пиар, =реклама; пост, программист, профессия, работный, работник колл-центра, сантиметры, система массовой, скучно, служба, сми, сми массовой информации, смотрит мастер маргарита, сошал медиа манагер, сообщение, соц. сети, спамеры/реклама, средства массового мониторинга, средства массовой информации, средство масс инф, средства массового маркетинга, средство массовой миграции, сфера деятельности, пост в ВК, посты в соцсетях, фриланс 1; отказ 22.

Ассоциативное значение аббревиатуры «СММ» характеризуется низкой степенью актуальности для языкового сознания студентов, о чем свидетельствует достаточно высокий процент отказов (22 нулевых ответа, что составляет 20% от общего количества опрошенных).

Полевый анализ ассоциативного поля стимула «СММ» показывает, что ядро поля представлено ассоциатом *реклама* (15 респондентов – 14% от общего количества ассоциатов поля), демонстрируется стратегия определения сферы использования (маркетинг, социальные сети). Стратегия развертывания аббревиатуры представлена в периферийных реакциях. Ближняя периферия представлена реакцией *маркетинг* (6 респондентов – 6%). Дальняя периферия включает восемь ассоциатов – *маркетинг в социальных сетях* (4 респондента – 4%), *работа* (4 респондента – 4%), *специалист* (4 респондента – 4%), *социальный медиа-маркетинг* (3 респондента – 3%), *новости* (2 респондента – 2%), *пиар* (2 респондента – 2%), *социальные сети* (2 респондента – 2%), *соцсеть* (2 респондента – 2%). Крайняя периферия представлена единичными реакциями (общее количество – 42 реакции, 39%).

На следующем этапе ассоциативные поля были подвергнуты методу семантической интерпретации (Стернин, Рудакова 2011). Были сформулированы психолингвистические значения каждой аббревиатуры.

ИИ

Технология 0,07 (*технологии 5, технологии, умный/алгоритм, чат*) будущего 0,05 (*будущее 3, будущие, новинка*), нейронная сеть 0,15 (*нейросеть 9, нейронка 4, нейросети, нейро сеть, нейронная сеть*), связанная с развитием робототехники 0,03 (*машина, робот, роботы, война роботов и людей*) и компьютерных наук 0,04 (*айти, ИТ, компьютерные науки, наука*), помогает в обучении 0,03 (*помощник, решения, учеба*); вызывает одобрение 0,02 (*норм, имба*); вызывает неодобрение 0,05 (*некачественный контент, все еще тупой, скам, слабость, война роботов и людей*).

Персонафикация 0,12: чат GPT 0,07 (*chat gpt, GPT, YandexGPT, gpt; Нейросеть, =дипсик, =чат gpt; чат gpt, чатgpt, логотип chat gpt*); нейросеть DeepSeek 0,02 (*дипсик; Нейросеть, =дипсик, =чат gpt*); Скайнет 0,01 (*скайнет*); Илон Маск 0,02 (*Илон Маск, макс*)

То же, что 0,44: искусственный интеллект 0,44 (*искусственный интеллект 42, интеллект 2, интеллект, иск инт, искусственный интеллект*)
СИЯ 0,97

Языковая игра 0,01: *Индийцы и Иисус*

Неинтерпретируемые реакции 0

Не актуально (отказы 2): 0,02

Аббревиатура «ИИ» демонстрирует высокий уровень лексикализации (многочисленные симилары – 44% поля) при одновременной активной персонафикации через названия нейросетей, имена, бренды и инструменты (12% – *Chat GPT, дипсик, скайнет, Илон Маск* и др.).

Уникальной чертой является полиоценочность семантического поля: наряду с позитивными коннотациями (*будущее, помощник*) присутствуют реакции, отражающие скепсис и разочарование в ИИ (*всё еще тупой,*

скам). Несмотря на то, что испытуемые – это студенты, которые активно используют ИИ в разных сферах своей жизни, неодобрительных реакций в ассоциативном поле экспериментальной группы наблюдается больше, чем позитивных, что свидетельствует о несовершенстве существующих технологий, с одной стороны, но о надежде на улучшение их качеств и расширении возможностей – с другой.

Интерес представляет пример языковой игры – варианта расшифровки аббревиатуры *ИИ* – *Индийцы и Иисус*.

Перейдем к описанию результатов семантической интерпретации аббревиатуры «СММ». Необходимо отметить, что данная языковая единица пока не так широко известна носителям языка. Обычно она используется в составе наименования «SMM-менеджер», что указывает на то, что это наименование человека по профессии (сфере деятельности).

SMM-менеджер (от англ. Social Media Marketing) – это специалист, который продвигает бренды, компании или личностей в социальных сетях. Его главная задача – привлечь и удержать внимание аудитории в соцсетях, например во «ВКонтакте», «Одноклассниках», Telegram. Специалист может работать в штате компании или на фрилансе и управлять одним или несколькими проектами одновременно. В обязанности SMM-менеджера входит разрабатывать стратегии продвижения (ставить цель, выбирать площадки, подбирать форматы контента и тональность общения с аудиторией); создавать и оформлять контент (писать текст, подбирать изображения, монтировать видео или координировать работу дизайнеров и копирайтеров); вести сообщества (выкладывать посты, сторис, отвечать на комментарии и сообщения от подписчиков); повышать лояльность подписчиков (через конкурсы, акции, игры, челленджи, коллаборации); настраивать таргетированную рекламу (запускать рекламные кампании для привлечения целевой аудитории); анализировать эффективность работы (отслеживать статистику, изучать поведение аудитории и корректировать стратегию на основе данных) и др.

Приведем психолингвистическое описание семантики слова «СММ».

СММ

Профессиональная деятельность 0,14 (*специалист 4, работа 3, бизнес, менеджмент, менеджер, программист, профессия, рабочий, служба, сфера деятельности*), включает рекламу, продвижение 0,28 (*реклама 15, маркетинг 6, пиар 2; пиар, =реклама; спамеры/реклама, гифки, средства массового маркетинга*) компании, например, Билайн 0,01 (*Билайн*); размещение новостной информации о компании 0,05 (*новости 2, мессенджер, информация, сообщение*), осуществляется в социальных сетях 0,09 (*социальные сети 2, соцсеть 2, пост, пост в ВК, посты в соцсетях, соц. сети, инстаграм*) и в СМИ 0,06 (*журналистика, газетное издание, массмедиа, сми, сми массовой информации, средства массовой информации, средство масс инф*); бывает в офисе 0,01 (*работник колл-*

центра) или на фрилансе 0,01 (*фриланс*); вызывает неодобрение 0,02 (*инфоцыгане, спамеры/реклама*); вызывает позитивные эмоции 0,01 (*забавно*); вызывает негативные эмоции 0,01 (*скучно*).

То же, что 0,08: маркетинг в социальных сетях 0,04, социальный медиа-маркетинг 0,03, Social media marketing 0,01, соशल медиа менеджер 0,01

СИЯ 0,79

Языковая игра 0,03: *смотрит мастер маргарита; средство массовой миграции; средства массового мониторинга*

Неинтерпретируемые реакции 3: *МММ, сантиметры, система массовой*

Не актуально (отказы 22): 0,20

Анализ психолингвистического значения аббревиатуры «СММ» показывает, что в языковом сознании молодых носителей русского языка данная языковая единица сформирована: вербализованы основные семантические признаки данной лексемы-стимула. Испытуемые хорошо определяют сферу, к которой относится понятие, названное данной аббревиатурой (*реклама, маркетинг, соцсети*), указывают основные виды деятельности специалиста. С другой стороны, наблюдается достаточно большое количество отказов, ложных реакций (реакций, не связанных с областью SMM, – *сантиметры, МММ*), реакций, демонстрирующих языковую игру (*смотрит мастер Маргарита*), неверную попытку развернуть аббревиатуру (*средство массовой миграции; средства массового мониторинга*), что свидетельствует о недостаточной степени сформированности семантики данной единицы. Наличие негативно-оценочных ассоциаций (*инфоцыгане, скучно, спамеры/реклама*) свидетельствует о восприятии этой профессиональной деятельности как навязчивой или рутинной.

Таким образом, применение экспериментальных методик позволяет оценить степень актуальности новых для русского языка аббревиатур *ИИ* и *СММ* для молодых носителей языка, степень сформированности их семантики.

Литература

Стернин И.А., Рудакова А.В Психолингвистическое значение слова и его описание: монография. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

Д.В. Утицких (Воронеж)

Структурная организация ассоциативных полей «Момент» и «Moment»

Аннотация: В статье исследуется структурная организация ассоциативных полей «Момент» и «Moment», полученных по результатам свободного ассоциативного эксперимента, с помощью сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований выявляется их национальная специфика.

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциативная плотность, сопоставительно-параметрический метод.

Abstract: The paper examines the structural organization of associative fields «Момент» и «Moment» obtained as the result of free associative experiments. Using the comparative-parametric method of linguistic research their national specificity is revealed.

Key words: associative field, associative density, comparative-parametric method.

Предметом настоящего исследования является национальная специфика структурной организации ассоциативных полей (АП) «Момент» и «Moment», полученных по результатам свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 200 носителей русского языка и 200 носителей американского варианта английского языка в возрасте от 18 до 35 лет. Вслед за А.А. Залевской, мы исходим из того, что, обрабатывая результаты ассоциативных экспериментов, необходимо «...анализировать именно ассоциативные поля, а не отдельные реакции; при этом важно учитывать полный корпус полученных данных, не ограничиваясь только самыми частотными реакциями и не игнорируя единичные ответы испытуемых» (Залевская 2005, с. 21).

Формируя модель полученных в результате эксперимента ассоциативных полей, мы выделили ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Определение зон поля опиралось на следующие количественные критерии: ядро составили ассоциации, характеризующиеся наибольшим числом ответов, от границы ядра и до четырех реакций включительно – зона ближней периферии, 2-3 реакции – дальняя периферия, единичные ответы отнесены к зоне крайней периферии. Представим структуру исследуемых АП.

Зоны ассоциативного поля «Момент»

Ядро: секунда 17; клей 15.

Ближняя периферия: время 13; мгновение 12; жизнь 11; счастье, миг 8; сейчас 7; истины, упущен 6; вечность, лови.

Дальняя периферия: память, истина 3; быстро, важен, воспоминание, вспышка, движение, единственный, здесь, короткий, лучший, мгновенье, один, радость, счастья, час, этот, яркий 2.

Крайняя периферия: большой, быстрота, важный, вдохновение, возможность, возможностью, волна, воспоминания, времени, время, голову, действие, друзья, жизни, инерции, интегрируемый, кадр, краткий, ловить, любимый, моментом, наслаждение, настал, настоящее, настоящий, наш, не упустить, неповторим, неповторимый, нет, неуловим, остановка, песня, прошел, самый любимый, самый счастливый, свет, силы, скоротечен, счастливый, удача, улыбка, упущенный, уходит, ушел, фото, часы, чудо, я в моменте 1.

Зоны ассоциативного поля «Moment»

Ядро: time 41.

Ближняя периферия: now 20; second 13; life 10; memory 9; right now 6, happy, in time 5; special 4.

Дальняя периферия: for life, forever, present 3; cherish, currently, live, memories, quick, seize, silence, short 2.

Крайняя периферия: a little min in time, a moment in time., a wave, breathe, college, crying, enjoy, fade, fleeting, good, hold on, important, just then, kodak, lasting, laugh, living, made, marriage, memorable, minute, moment for life-nickiminaj, moments, momentum, movement, nano, once, opportunity, past, peaceful, phone, pictures, power, precious, precious memories, seconds, settle, sick, small, space, split second, spot, start, stupid, temporary, think, thinking, to remember, train, truth, unaccounted, wait, walk, walking, when, yesterday 1. Отказ 6.

При рассмотрении сходств и различий ассоциативных полей были использованы инструменты сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2025).

В ходе исследования возникла необходимость, по аналогии с введенным В.И. Карасиком термином *номинативная плотность*, под которым понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик 2004, с. 111), ввести термины *ассоциативная плотность поля* и *ассоциативная плотность зоны поля*.

Под *ассоциативной плотностью поля* мы понимаем количество ассоциаций, составляющих поле, под *ассоциативной плотностью зоны поля* понимается количество ассоциаций, вошедших в ту или иную зону.

В русском языке ассоциативная плотность ядра поля составила 32 единицы, ближней периферии – 83, дальней – 36, крайней – 49 ассоциатов. В английском языке ассоциативная плотность ядра оказалась равной 41 единице, ближней периферии – 73, дальней – 25, крайней – 55 ассоциатам. В целом, ассоциативная плотность русского поля оказалась равной 200, а английского – 194 ассоциатам.

Представилось необходимым также ввести *индекс сформированности поля*, под которым понимается отношение ассоциативной плотности к числу участников ассоциативного эксперимента. Данный индекс для русского поля оказался равным 100%, а для английского – 97% .

В результате сопоставительного анализа зон поля в русском и английском языках были выявлены как совпадающие, так и эндемические реакции. Остановимся на них более подробно. Так, одинаковые реакции зафиксированы в русском и английском полях в ближней периферии: *жизнь 11 – life 10, сейчас 7 – now 20*; дальней периферии: *быстро 2 – quick 2, короткий 2 – short 2* и крайней периферии: *важный 1 – important 1, возможность 1 – opportunity 1, инерции 1 – momentum 1, ловить 1 – spot 1, силы 1 – power 1, уходить 1 – fade 1, фото 1 – pictures 1*. В ядре одинаковые реакции не выявлены.

Для характеристики степени совпадения одноименных зон поля был введен *индекс совпадения зон поля*, определяемый через отношение количества ассоциаций, совпадающих в одноименных зонах в обоих языках, к ассоциативной плотности поля. Для русского языка этот индекс оказался равным 5,5%, для английского – 5,67%.

Помимо совпадения ассоциаций в одноименных зонах, зафиксированы также случаи одинаковых реакций в разноименных зонах. В частности, наблюдаются случаи пересечения зон ядра и ближней периферии, ближней и дальней периферии, ближней и крайней периферии, а также крайней и дальней периферии. Для наглядности представим данные о пересечении зон исследуемых полей в Таблице 1.

Таблица 1

Пересечение зон ассоциативных полей «Момент» и «Moment»

Русское АП	Английское АП	Совпадающие реакции
Ядро	Ближняя периферия	секунда 17 – second 12
Ближняя периферия	Ядро	время 13 – time 41
Ближняя периферия	Дальняя периферия	лови 5 – seize 2
Дальняя периферия	Ближняя периферия	память 3 – memory 9 воспоминание 2 – memory 9
Дальняя периферия	Крайняя периферия	важен 2 – important 1 движение 2 – movement 1
Крайняя периферия	Ближняя периферия	времени 1 – in time 6 счастливый 1 – happy 5
Крайняя периферия	Дальняя периферия	воспоминания 1 – memories 2

Для характеристики степени совпадения разноименных зон поля мы ввели *индекс пересечения зон поля*, определяемый через отношение количества ассоциаций, совпадающих в разноименных зонах в обоих языках, к ассоциативной плотности поля.

В русском языке этот индекс оказался равным 5%, в английском – 5,15%.

Что касается эндемичных реакций, то в ядре в русском поле отмечена одна такая реакция: *клей 15* (что имеет экстралингвистическое объяснение в связи с существованием в российской реальности популярного артефакта), в английском языке в ядре эндемичных реакций не выявлено. В ближней периферии в русском языке отмечено 6 эндемичных реакций (*мгновение 14, счастье 8, миг 8, истины 6, упущен 6, вечность 5*), в английском – 2 (*right now 6, special 4*), в дальней периферии – 11 и 7 соответственно, в крайней периферии – 39 в русском языке и 45 – в английском. В целом в русском поле выявлено 58 эндемичных ассоциаций, в английском – 54.

С целью оценки эндемичности зон изучаемых полей и полей в целом нами были введены *индекс эндемичности зоны поля*, вычисляемый через отношение количества эндемичных реакций в зоне к ассоциативной плотности зоны и *индекс эндемичности ассоциативного поля*, определяемый как отношение количества эндемичных реакций в поле к ассоциативной плотности поля.

Согласно проведенному анализу, индекс эндемичности ядра в русском языке оказался равен 6,25%, ближней периферии – 9,63%, дальней – 41,6%, крайней – 85,7%. В английском АП индекс эндемичности ядра равен 2,43%, а индексы эндемичности ближней, дальней и крайней периферии составили, соответственно, 8,21%, 36% и 87,2%. Таким образом, эндемичность ядра АП выше в русском языке, в целом же в зонах АП обоих языков наблюдается повышение процента эндемичности от ядра к крайней периферии. *Средний индекс эндемичности зон поля*, вычисляемый как среднее арифметическое индексов эндемичности ядра, ближней, дальней и крайней периферии, для русского АП составил 35,8%, а для английского – 33,46%.

Индекс эндемичности поля в целом в русском языке оказался равен 29%, что несколько выше, чем в английском – 27,8%.

В ходе исследования изучаемых АП выявилась целесообразность введения еще *индекса разнообразия поля*, определяемого через отношение количества разных реакций в поле к ассоциативной плотности поля. В русском языке этот индекс оказался равным 39%, в английском – 38,65%.

Для интерпретации полученных в ходе исследования результатов нами были использованы разработанные в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалы определения национальной специфики по отдельным параметрам для параметров, выраженных в процентах, и для параметров, выраженных в абсолютных числах (Стернина 2025, с. 141). Результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2

**Степень проявления национальной специфики
АП «Момент» и «Moment» по отдельным параметрам**

Параметр	Русское АП	Английское АП	Отношение показателей / численная разница между индексами	Характер национально-специфических различий
1. Ассоциативная плотность поля (абсолютные числа)	200	194	1,03	несущественные
2. Ассоциативная плотность ядра (абсолютные числа)	32	41	1,28	заметные
3. Ассоциативная плотность ближней периферии (абсолютные числа)	83	73	1,13	видимые
4. Ассоциативная плотность дальней периферии (абсолютные числа)	36	25	1,44	существенные
5. Ассоциативная плотность крайней периферии (абсолютные числа)	49	55	1,12	видимые
6. Индекс сформированности поля	100%	97%	3%	видимые
7. Индекс совпадения зон поля	5,5%	5,67%	0,17%	несущественные
8. Индекс пересечения зон поля	5%	5,15%	0,15%	несущественные
9. Индекс разнообразия поля	39%	38,65%	0,85%	несущественные
10. Индекс эндемичности ассоциативного поля	29%	27,8%	1,2%	видимые
11. Средний индекс эндемичности зон поля	35,8%	33,46%	2,34%	видимые

Как видно из таблицы, наибольшая степень проявления национальной специфики отмечается по индексу сформированности поля. В целом, сопоставление показывает, что в АП «Момент» и «Moment» преобладают видимые и несущественные различия: по пять и четыре параметра соответственно.

Для окончательного вывода о степени выраженности национальной специфики АП «Момент» и «Moment» мы использовали шкалу выраженности национальной специфики лексических группировок, согласно которой в зависимости от характера преобладающих национально-специфических различий степень выраженности национальной специфики определяется как неярко выраженная, умеренно выраженная, ярко выраженная, либо гипервыраженная (Стернина 2025, с. 142). Согласно данной шкале национальная специфика ассоциативных

полей «Момент» и «Moment» квалифицируется нами как неярко выраженная.

Литература

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Москва: Гнозис, 2005.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: ГНОЗИС, 2004.

Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития. Москва: РИТМ, 2025.

А.И. Холина, А.В. Рудакова (Воронеж)

**Психолингвистическое описание семантики слов
«дракон», «змея», «василиск»**

Аннотация: В статье представлено психолингвистическое описание семантики слов «дракон», «змея» и «василиск», выполненное по данным свободного ассоциативного эксперимента. Выявлены прецедентные имена, связанные в языковом сознании студентов с указанными стимулами.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, языковое сознание, семантика, семантическая интерпретация.

Abstract: The paper presents a psycholinguistic description of the semantics of the words «dragon», «snake» and «basilisk», based on the data of a free association experiment. Precedent names associated with these stimuli in the students' linguistic consciousness have been identified.

Key words: free association experiment, linguistic consciousness, semantics, semantic interpretation.

Цель данного исследования – проанализировать ассоциативные поля стимулов «дракон», «змея» и «василиск» в языковом сознании студентов.

Для этого на первом этапе исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент (письменно-письменная форма), в котором приняли участие 88 респондентов: студенты 1–4 курсов филологического факультета Воронежского государственного университета.

Испытуемым предлагалось привести первые пришедшие на ум ассоциации к 10 стимулам, среди которых были слова «дракон», «змея» и «василиск». Затем были составлены ассоциативные поля каждого стимула.

На втором этапе исследования методом семантической интерпретации (Стернин, Рудакова 2011) были проанализированы ассоциаты каждого поля и выполнено психолингвистическое описание семантики трех слов.

Представим результаты описания.

ДРАКОН

Ассоциативное поле

ДРАКОН 88: огонь 19; Китай 14; красный 5; Игра престолов 3, сказка 3, Шрек 3; башня 2, большой 2, Дейнерис 2, замок 2, зеленый 2, крылья 2, принцесса 2, чешуя 2; Беззубик, богатый, большое существо, восторг, Горыныч, Дейнерис Таргариен, замок средневековый, зеленый дракон в башне, злой, змей, китайская культура, красивое мифическое животное, красота, кот в сапогах, магия, меч, монстр, мощь, огненные языки, огоньки китайские, огромный, Осел, пещера, пламя, принцесса и рыцарь, сильный, сказки, Таргариены, тату, фантазия, фантастика, Фиона, храбрость, хвост, шипы, яйцо, Япония, ярость 1; отказ 0.

Психолингвистическое значение

Сказочный 0,05 (*сказка 3, сказки 1*), мифический 0,05 (*красивое мифическое животное 1, фантастика 1, фантазия 1, магия 1*) змей 0,01 (*змей 1*), сильный 0,02 (*сильный 1, мощь 1*) большой 0,05 (*большой 2, большое существо 1, огромный 1*), извергает пламя 0,25 (*огонь 19, огоньки китайские 1, огненные языки 1, пламя 1*), имеет крылья 0,02 (*крылья 2*), чешую 0,02 (*чешуя 2*), хвост 0,01 (*хвост 1*) и шипы 0,01 (*шипы 1*), зеленого 0,03 (*зеленый 2, зеленый дракон в башне 1*) или красного цвета 0,06 (*красный 5*), злой 0,02 (*злой 1, ярость 1*), храбрый 0,01 (*храбрый 1*), красивый 0,01 (*красота 1*); обитает в пещере 0,01 (*пещера 1*), вылупляется из яйца 0,01 (*яйцо 1*), охраняет средневековую башню 0,07 (*башня 2, замок 2, замок средневековый 1, зеленый дракон в башне 1*) с заточенной в ней принцессой 0,03 (*принцесса 2; принцесса и рыцарь 1*), терпит поражение в схватке рыцарем 0,02 (*принцесса и рыцарь 1, меч 1*); является символом Китая 0,18 (*Китай 14, китайская культура 1, огоньки китайские 1*) или Японии 0,01 (*Япония 1*), является символом богатства 0,01 (*богатый 1*); вызывает страх 0,01 (*монстр 1*), вызывает восторг 0,01 (*восторг 1*), часто изображается на татуировках 0,01 (*тату 1*).

СИЯ 0,99

Прецедентные семы 0,17: герой мультфильма «Шрек» 0,07 (*Шрек 3, Кот в сапогах 1, Осёл 1, Фиона 1*), герои сериала «Игра престолов» 0,08 (*Игра престолов 3; Дейнерис 2; Дейнерис Таргариен 1, Таргариены 1*), герой мультфильма «Как приручить дракона» – Беззубик 0,01 (*Беззубик 1*), герой русских народных сказок – Горыныч 0,01 (*Горыныч 1*)

Неинтерпретированные реакции 0

Не актуально (отказ 0): 0

Комментарий

В ходе психолингвистического опроса у слова-стимула ДРАКОН было выделено одно значение – «мифологический змей». Второе (лексикографическое) значение слова-стимула ДРАКОН – «род летающих ящериц» – в экспериментальном материале не представлено. В природе существуют летучие драконы – род ящериц из семейства агамовых.

Наименование связано с их физиологической схожестью с мифологическими драконами: крылья, хвост, змеевидное тело.

Наиболее частотны семы «извергает пламя» 0,25 и «является символом Китая» 0,18. Средней частотности (от 0,05 до 0,08) семы «сказочный», «мифический», «большой», «красного цвета», «охраняет средневековую башню», а также прецедентные семы «герой мультфильма «Шрек» и «герои сериала «Игра престолов». Остальные семы находят отражение преимущественно в 1–2 реакциях.

Следует отметить, что значительное количество сем строятся на основе европейского фольклора/литературы. Образ дракона традиционно связывают с образами принцессы, принца и замка. По классическому сюжету дракон заточает принцессу в башне, а принц должен освободить возлюбленную, одержав победу в схватке с драконом.

Отказов не представлено, что свидетельствует о прочном закреплении образа дракона в языковом сознании.

ЗМЕЯ

Ассоциативное поле

ЗМЕЯ 88: зеленый 9; яд 6; гадюка 4, зеленая 4; медицина 3, опасная 3, шипение 3; Горыныч 2, зеленый цвет 2, коварство 2, опасность 2, укус 2, черная 2, чешуя 2; агрессия, акула, аптека, болото, быстрая, василиск, Горгона, Гарри Поттер, гибкость, год, дача, длинная, женщина, земная кожа, злая, змея, золото, изгиб, извивается, изящность, Индия, искуситель, кадуцей, китайский Новый год, клыки, кобра, кожаный руль, кольцо, красивая, кролик, лес, Маленький принц, Олег, палка, питомец, подколотная, поле, ползет, полоса, прищур глаз, свекровь, скользкая, советский мультит «Рикки-Тикки-Тави», страшно, страх, татуировка, уж, хитрость, хитрый, холодная, чешуйки, шипит, шипящая, ядовитая, ядовитая 1; отказ 0.

Психолингвистическое значение

1. [Пресмыкающееся], например, гадюка 0,01 (*гадюка 1*), кобра 0,01 (*кобра 1*), уж 0,01 (*уж 1*), василиск 0,01 (*василиск 1*); ядовитое 0,08 (*яд 6; ядовитая 1*), опасное 0,06 (*опасная 3; опасность 2*), агрессивное 0,01 (*агрессия 1*); зеленого 0,17 (*зеленый 9; зеленая 4, зеленый цвет 2*) или черного цвета 0,02 (*черная 2*), обитает в болоте 0,01 (*болото 1*), в лесу 0,01 (*лес 1*), в поле 0,01 (*поле 1*), на даче 0,01 (*дача 1*); имеет чешую 0,06 (*чешуя 2, чешуйки 1, земная кожа 1, кожаный руль 1*), длинное тело 0,03 (*длинная 1, полоса 1, палка 1*), язык 0,01 (*язык 1*), клыки 0,01 (*клыки 1*), глаза 0,01 (*прищур глаз 1*), гибкое 0,03 (*гибкость 1, изгиб 1*), на ощупь скользкое 0,01 (*скользкая 1*), холодное 0,01 (*холодная 1*); питается кроликами 0,01 (*кролик 1*); бывает домашним питомцем 0,01 (*питомец 1*), извивается 0,01 (*извивается 1*), сворачивается в кольцо (*кольцо 1*), ползает 0,01 (*ползет 1*), шипит 0,06 (*шипение 3; шипит 1, шипящая 1*), кусает 0,02 (*укус 2*); быстрое

0,01 (*быстрая 1*), красивое 0,01 (*красивая 1*), изящное 0,01 (*изящность 1*); символ медицины 0,06 (*медицина 3; аптека 1, кадуцей 1*); священное животное в Индии 0,01 (*Индия 1*); изображается на татуировках 0,01 (*татуировка 1*); вызывает страх 0,02 (*страшно 1, страх 1*).

СИЯ 0,84

2. Злой 0,01 (*злая 1*), коварный 0,02 (*коварство 2*), хитрый 0,02 (*хитрость 1, хитрый 1*) [человек], женщина 0,01 (*женщина 1*), например, свекровь 0,01 (*свекровь 1*), Олег 0,01 (*Олег 1*).

СИЯ 0,08

Прецедентные семы 0,06: герой русских народных сказок – Горыныч 0,02 (*Горыныч 2*), часть образа героини древнегреческих мифов – Горгоны 0,01 (*Горгона 1*), герой серии фильмов/книг «Гарри Поттер» 0,01 (*Гарри Поттер 1*), герой мультфильма «Рикки-Тикки-Тави» 0,01 (*советский мультит Рикки-Тикки-Тави 1*), герой повести «Маленький принц» 0,01 (*Маленький принц 1*)

Устойчивые сочетания 0,04: Год Змеи 0,02 (*год 1, китайский Новый год 1*), змея подколотная 0,01 (*подколотная 1*), змий-искуситель 0,01 (*искуситель 1*)

Неинтерпретируемые реакции 3: акула, золото, змея

Не актуально (отказ 0): 0

Комментарий

У данного стимула в эксперименте вербализовано два значения. Первая семема «Пресмыкающееся» имеет СИЯ 0,84 и встречается в большинстве реакций. Среди выделенных сем у данной семемы наиболее частотной (15 реакций) является сема «зеленого цвета» 0,17. Чаше других (5-7 реакций) также употребляются семы «ядовитое» 0,08, «опасное» 0,06, «имеет чешую» 0,06, «шипит» 0,06, «является символом медицины» 0,06. Остальные семы вербализуются в единичных реакциях.

Вторая семема «Злой человек» встречается в меньшем количестве реакций (в сравнении с первой семемой), имеет СИЯ 0,08. Слово-стимул «змея», несмотря на грамматическую отнесенность к женскому роду и наличию слова-аналога «змей», может указывать как на «злую», «коварную», «хитрую» женщину, так и на мужчину, обладающего теми же качествами (*Олег 1, свекровь 1, женщина 1*).

Прецедентные семы составляют незначительную часть от общего количества сем, однако отмеченные прецедентные тексты довольно разнообразны. Так, змею рассматривают как героя русских народных сказок, героя серии книг «Гарри Поттер», героя мультфильма «Рикки-Тикки-Тави», героя сказки «Маленький принц» и др.

В языковом сознании студентов выделяются устойчивые сочетания, связанные с образом змеи: Год Змеи, змея подколотная, змий-искуситель.

ВАСИЛИСК

Ассоциативное поле

ВАСИЛИСК 88: Гарри Поттер 24; змей 6; змея 5; город 4; миф 3; Гарри Поттер и тайная комната 2, змея из Гарри Поттера 2, мифология 2, цветок 2; алмазы, аспид, Волан де Морт, Гора самоцветов, дракон, дракончик, древнее, змей из Гарри Поттера, золото, камень, колдун, легенды, мистика, обелиск, остров, острый, огромный, питомец Воландеморта, Пушкин, синий, страх, тайна, тайная комната, Три богатыря, это что?, чудище, шипение, яд 1; отказ 12.

Психолингвистическое значение

Древнее 0,01 (*древнее 1*) мифологическое 0,08 (*миф 3; мифология 2; легенды 1, мистика 1*) чудище 0,01 (*чудище 1*), змей 0,16 (*змей 6; змея 5; змея из Гарри Поттера 2; змей из Гарри Поттера 1*) больших размеров 0,01 (*огромный 1*), синего цвета 0,01 (*синий 1*), ядовитый 0,01 (*яд 1*), имеет хвост с шипами 0,01 (*острый 1*); шипит 0,01 (*шипение 1*); взглядом превращает в камень 0,01 (*камень 1*); похож на дракона 0,02 (*дракон 1, дракончик 1*), в европейских сказках охраняет богатство 0,02 (*алмазы 1, золото 1*), является питомцем колдуна 0,01 (*колдун 1*); вызывает страх 0,01 (*страх 1*).

СИЯ 0,38

Прецедентные семы 0,48: герой серии фильмов «Гарри Поттер» 0,38 (*Гарри Поттер 24; Гарри Поттер и тайная комната 2, змея из Гарри Поттера 2; Волан-де-Морт 1, змей из Гарри Поттера 1, питомец Воландеморта 1, тайна 1, тайная комната 1*), чудовища из сериала «Игра престолов» 0,06 (*город 4; остров 1*), герой из произведений Пушкина 0,01 (*Пушкин 1*), герой из мультсериала «Гора самоцветов» 0,01 (*Гора самоцветов 1*), герой из мультфильмов «Три богатыря» 0,01 (*Три богатыря 1*), герой русских народных сказок 0,01 (*колдун 1*).

Неинтерпретированные реакции 1: *это что?*

Не актуально (отказ 12): 0,14

Комментарий

В ходе анализа данных, полученных в ходе психологического эксперимента, было выявлено одно психолингвистическое значение – семема «Мифическое существо». Наиболее частотной является прецедентная семема «герой серии фильмов «Гарри Поттер» 0,38. Следующей по частотности является реакция, отражающая сему «змей» 0,16. Менее частотны прецедентная семема «чудовище из сериала “Игра престолов”» 0,06 и семема «мифологический» 0,08. Остальные семантические признаки представлены единичными реакциями.

Встречаются реакции, интерпретация которых затруднена. Так, реакция *Три богатыря* может свидетельствовать как о фонетической схожести слов «василиск» и «Василевс» (Василевс – герой мультфильма), так и о совпадении образов Змея Горыныча и Василиска в языковом

сознании опрашиваемого (в мультфильме представлен герой Змей Горыныч, а не Василиск).

Реакция *аспид* также не поддается однозначной трактовке. Связь аспиды и василиска прослеживается в библейской традиции, в мифологии, а также на уровне устойчивых сочетаний (напр., аспиды-василиски). Связь этих образов обусловлена тем, что и аспид, и василиск символизируют зло и являются опасными змееподобными существами.

К фонетическим реакциям, предположительно, относятся реакции *цветок* и *обелиск*. Реакция *цветок* отсылает к фонетической схожести слов «василиск» и «василистник»/«василёк». Реакция *обелиск* отсылает к фонетической схожести, рифмованности со словом «василиск».

Среди опрашиваемых зафиксировано 12 отказов (14% от общего количества опрошенных), что свидетельствует о невысоком уровне актуальности данного слова у студентов.

Анализ психолингвистических значений слов «дракон», «змея» и «василиск» показывает, что все три образа тесно связаны в языковом сознании студентов от 17 лет до 21 года. Данные лексемы в качестве стимулов входят в ассоциативные поля других стимулов. Есть достаточно высокая доля пересечений соответствующих семантических признаков, вербализованных ассоциатами (составные части существа – чешуя, хвост; цвет чешуи – зеленый, красный, черный, синий; типичные действия – шипит, ползет, кусает и др.). Отмечена доминирующая эмоция, которую вызывают дракон, змея и василиск, – чувство страха. Во всех ассоциативных полях велика доля вербализованных прецедентных текстов (в некоторых случаях даже превышающая значение слова-стимула).

Литература

Стернин И. А., Рудакова А.В Психолингвистическое значение слова и его описание: монография. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

Дискурсивные исследования

Л.М. Борисова (Воронеж)

Особенности номинации в художественном дискурсе

Аннотация: В статье анализируются особенности и прагматический потенциал окказиональных авторских номинаций, репрезентирующих метафору в романе А. Битова «Пушкинский дом»

Ключевые слова: художественный дискурс, метафора, окказиональная сочетаемость.

Abstract: The paper analyzes the peculiarities and pragmatic potential of occasional author's nominations representing metaphors in A. Bitov's novel «Pushkin House».

Key words: artistic discourse, metaphor, occasional combinability.

Художественный дискурс репрезентирует замысел и коммуникативные интенции автора произведения. Коммуникативная прагматика дискурса и коммуникативные стратегии реализуются в коммуникативном поведении повествователя и героев романа. При этом важно учитывать, что «художественный текст является отражением языковой личности автора и репрезентирует индивидуально-авторскую модель мира» (Чарыкова 2000, с. 170). Данная индивидуальная модель мира автора, специфика видения им мира «находит свое отражение на всех уровнях организационной структуры текста и обуславливает отбор именно таких элементов, которые по своим языковым свойствам являются наиболее действенными для отражения авторского понимания действительности, а также для реализации прагматических установок текста» (Там же).

В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира – например, ... национально- специфические концепты (Попова, Стернин 2007, с. 8). При этом особое внимание следует уделить тому факту, «что художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» (Там же). Картина мира в художественном тексте отражает, таким образом, как указано выше, «индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается: в отборе элементов содержания художественного произведения; в отборе используемых языковых средств...; в индивидуальном использовании образных средств, к которым относятся «национально-специфическая образность, метафорика, направления развития переносных значений... (Попова, Стернин 2007, с. 7).

Нас интересуют метафорические средства вербализации автором событий, явлений, состояний, фрагментов экстралингвистической

действительности. Данные номинации способствуют изучению национально-культурной специфики языкового сознания и речевой деятельности. Речь идет о структурировании фрагментов национальной языковой картины мира посредством ... знаний, образов, представлений (Бороздина 2011, с. 64). На то, что метафоричность является важнейшей чертой художественного текста и что авторская образная метафора является основой создания художественного мира, указывает Е.С. Богданова (Богданова 2016).

В романе А. Битова можно выделить метафоры, характеризующие природные явления и создающие определенное настроение восприятия определенных событий (в данном случае – демонстрация 7 ноября и последующий день) у читателя:

Тот ледяной небесный взор, что смотрел в упор и не мигая седьмого ноября на вышедшие на улицы толпы (Битов, с. 9).

(...утро восьмого ноября 196...) Оно размывалось над вымершим городом и аморфно оплывало тяжкими языками старых петербургских домов, словно дома эти были написаны разбавленными чернилами, бледнеющими по мере рассвета (Битов, с. 9).

И пока утро дописывало это письмо... – на город упал ветер (Битов, с. 9).

Он упал так плоско и сверху, словно скатившись по некой плавной небесной кривизне, разогнавшись необыкновенно и легко и пришедши к земле в касание. Он упал, как тот самый самолет, налетавши ... Словно самолет тот разросся, разбух, вчера летая, пожрал всех птиц, впитал в себя все прочие эскадрильи и, ожирев металлом и цветом неба, рухнул на землю, еще пытаясь спланировать и сесть, рухнул в касание... Так он утюжил город, а следом за ним, по лужам мчался тяжелый курьерский дождь (Битов, с. 9-10).

И вдруг свет взорвался в окне, выросла пальма холодного бенгальского огня и осыпалась... (Битов, с. 320).

Изредка он (Лева) приходил в себя. Тогда отмечал он над собой холодный укол звезды, мелькнувшей меж стремительных облак, подбитых лунным мехом (Битов, с. 321).

Метафорическому переосмыслению подлежат и описание определенных действий, явлений в повседневной жизни, приобретающее особый колорит в результате употребления окказиональных сочетаний:

– Я вру, – сказал Митишатъев. – Погаси-ка свет! – Зачем – свет?.. – опешил Лева. – Слушай, что я говорю! Погаси... Лева щелкнул выключателем. Вспухла темнота (Битов, с. 320).

Раздался стон, скрип, авторский скрежет... Пространство скосбочилось за плечами автора. Потеряло равновесие, пошатнулось (Битов, с. 354).

Автор бросился подхватить – поздно – **посыпался звон** стекла. Шкаф еще **фанерно подпрыгнул**, треснул и поскрипел, для окончательности. Лева же лежал неподвижно, ничком, как упал (Битов, с. 354).

... и в зал, по одному, смущаясь, **деревеня и топорщась, как крабы** стали проходить пожарники, волоча на сапогах **музейные трупы тапок**. ... у него у одного была такая каска – у остальных были одинаковые серо-зеленые из какого-то **тухлого металла** ... (Битов, с. 398).

Особую роль играют метафоры для раскрытия и понимания эмоционального состояния героев, их внутреннего мира, а также для характеристики поведения и внешности персонажей:

В этот раз пожаловался, что бедствует, и она тут же предложила **взаймы**. И, почувствовав себя скверно, **уронив взгляд**, Лева – воспользовался (Битов, с. 170).

Митишатьев нарочито не сопротивлялся, **остужая Леву** прозрачным безразличным взором (Битов, с. 339).

И он (Лева) откинулся, прикрыв глаза. **Тошнота слизнула его первой же волной прибоя** и потащила, потащила внутрь, в темноту (Битов, с. 344).

Притягивало и пугало его и **выражение глаз** Фаины в зеркале, когда она занималась всем этим, – отсутствующее, холодное, прицеленное, **снайперское какое-то** (Битов, с. 171).

Митишатьев **укатился в уголок, всхлипывая как баян** (Битов, с. 345).

Безумно и бледно горело длинное Левино лицо... Он (Лева) был безумен – это то слово. Широко расставились его глаза и **плыли по бокам лица, как две холодные рыбы** (Битов, с. 351).

Лева открывался легко, как **спичечный коробок...** – Я как раз все время сомневаюсь... – тут же стал оправдываться он (Битов, с. 341).

...и Лева **спускался безнадежно на дно погоды**, становившейся все более ужасной (Битов, с. 368).

Зачем он сам, добровольно – никто его за руку не теребил – **соскреб весь свой день в кучу** (получилось много) и хотел унести? Он не мог стронуть с места эту **ношу жизни** сегодняшнего дня (Битов, с. 95).

Да что ты все переспрашиваешь! – **вскипел Митишатьев** (Битов, с. 342).

Нравственно-этические аспекты поведения людей и осмысление героями определенных историко-социальных и культурно-национальных аспектов, релевантных для национального сознания (в частности: период репрессий) репрезентируют метафоры в следующих примерах:

Большая удача и счастливый случай, потому хотя бы, что деда Левушкина **«взяли»** еще в год свадьбы родителей, почти десять лет тому, а их вот все эти годы **«не трогали»** (А то, что деда **взяли** еще тогда, –

это деду тоже «повезло», потому что – «вовремя», позже с ним бы «не так обошлись», а так перекочевал из ссылки в ссылку, и только...) (Битов, с. 18).

Лева прошел сквозь строй.

*Это – фактически, а метафорически было вот что. По неловкому поведению родителей, по тому, что при нем несколько раз обмолвились, словно случайно, выдавая себя внезапным в Левину сторону взглядом, люди и вовсе малознакомые, получалось, что в драме с дедом определенную и неблагоприятную роль сыграл его сын, Левин отец: в юности – отказавшись от него, а через 20 лет, заработав себе его кафедру критикой его школы, – так что кафедра была еще «тепленькая». Это словечко и услышал краем уха Лева: **какая же тепленькая, если двадцать лет остывала?..** что дед, – шептало вокруг, – почти тридцать лет... что видеть сына не захотел, или даже руки не подал, или даже плюнул и ногой растер, при народе... – приходилось сглатывать (Битов, с. 48).*

*... он быстровато заговорил о нем (об отце. – Л.Б.) ... О том, как он узнал, как отнесся, что узнал и как поступил, – и тут было все больше неправды и наговора: **он раздвигал, отлеплял себя от отца как бы специальной лопаточкой, отдирал, отковыривал, подравнивал края разрыва...** И они с отцом становились уже всегда, с самого рождения, противоположны (Битов, с. 94-95).*

*Эта преданность была преданностью себе, чем она и выше, скажем, собачьей. В каком-то смысле дядю Диккенса съела, употребила своей любовью, заодно воспользовавшись до конца и его любовью, – семья Одоевцевых. А у него, как мы уже говорили, всего было немного, но зато это было – все. **Так он и пошел, цементом, в их гнездо** (Битов, с. 104).*

Особую группу составляют авторские окказиональные метафоры, тематизирующие лексическую единицу слово и речевое поведение героев, их отношение к речи и их восприятие слов, их ассоциаций и понятий:

*Они сидели на этом дурацком коврикe, как на плоту, и плыли в этой тесной праздничной **ночи**, просто так, раз уж оказались на нем, **мимо остывших реликвий русского слова...** (Битов, с. 347).*

*Леве вдруг не по себе. Он ловит себя на слове. ...Тошнотворное чувство овладевает им. Словно все произнесенные здесь хором слова **никуда не делись, не оттрепетали в воздухе, а застряли в нем, запрудив его душу и томят, как грех** (Битов, с. 313).*

Слово «отец» пролетело по комнате, и Лева судорожно схватил его на лету, сжал в кулаке, как муху... (Битов, с. 94).

*И, подцепив из воздуха черное и фрачное, как муха, слово «отец», он быстровато заговорил о нем, **извиваясь по мере этой быстроватости**, и все сильнее чувствуя это свое извивание... (Битов, с. 94).*

Митишатъев задумчиво парил. И упал камнем: – Откуда такая убежденность, что все так, как ты думаешь? (Битов, с. 341).

Тот (Левин дед. – Л.Б.) сел на стул, все еще чему-то не веря, обнял кружку обеими руками и приник... Пил он долго, вникал, захлебываясь, всасывая, впитывая, вдыхая, погружаясь, весь уходя в кружку, он копошился над ней, как имель над цветком, и, когда отвалился со счастливым вздохом, Лева с ужасом заметил, что пива, собственно, не убавилось в кружке – столько же и осталось. Слово «жажда» как бы написалось перед ним в воздухе, во всей своей полноте, со всем своим жабым жуужжанием, и надолго потом, навсегда, связалась эта никак, при таких-то трудах и страсти, никак не отпитая кружка с образом Жажды, понятием Жажды как таковой... (Битов, с. 64).

Но покой этот был выражением глубочайшего возмущения и гнева, при котором так и трепыхались и вились, как ленточки на ветру, слова, многочисленные и произнесенные (Битов, с. 315).

Разговора, впрочем, Лева тоже почти не помнил, словно где-то когда-то читал такое – и все. Так вдруг испарился смысл... Смысл сопротивлялся воспоминанию упруго и решительно (Битов, с. 340).

Лева выслушал путаную и невнятную, опять какую-то трясущуюся речь отца, полную расслабленных напутствий, не придавать значения и не понимать буквально... (Битов, с. 48).

Голос его прорезал всю эту уютную тишину и темноту и показался самому Лева неприятным (Битов, с. 49).

Исследование позволило сделать следующие выводы: использование окказиональных метафор, эксплицирующих 1) употребление глагольных лексем с левосторонним или правосторонним актантом, 2) деепричастие + существительное, 3) прилагательное + существительное, репрезентируют индивидуальную творческую картину мира автора.

В рамках художественного дискурса создаются таким образом «индивидуально-авторские пропозиции, в которых нарушается изосемия лексических и синтаксических параметров предложения, устанавливаются специфические связи между концептами, не сопрягаемыми с точки зрения обыденного сознания, что приводит к возникновению метафоры» (Чарыкова 2000, 172).

Видение экстралингвистической ситуации и коммуникативно-прагматическая интенция манифестировать свой замысел в диалоге с потенциальным читателем достигается не только прямой номинацией и оценочностью, но прежде всего огромным потенциалом метафорического иносказания, что позволяет автору делать акцент на наиболее значимых, релевантных ситуациях повествования, добиваясь соответствующего интенции автора восприятия описываемых событий потенциальным читателем. Нестандартная, окказиональная сочетаемость, эксплицированная в данном художественном дискурсе с репрезентативной

частотностью и функционально-прагматическим потенциалом «обуславливает своеобразие идиостиля и отражает специфику индивидуальной картины мира художника слова» (Чарыкова 2000, с. 98).

Литература

- Битов А.Г. Пушкинский дом: роман. Москва: Вагриус, 2007.
- Богданова Е.С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-hudozhestvennom-tekste-funktsii-voSPIriyatIE-interpretatsiya> (дата обращения: 30.10.2025).
- Бороздина И.С. Лингвокогнитивное моделирование пространственных отношений и объектов: экспериментальное исследование. Курск, 2011.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Изд. 3., перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007.
- Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Воронеж: Истоки, 2000.

Л.В. Дорохова (Воронеж)

Процессуальные и организационные маркеры речи в англоязычном судебном дискурсе

Аннотация: Статья посвящена анализу процессуальных и организационных маркеров речи в англоязычном судебном дискурсе. Рассматриваются устойчивые вербальные конструкции, структурирующие судебный процесс, регулирующие очередность речевых ходов и манифестирующие институциональную иерархию участников. Особое внимание уделяется церемониальным формулам, директивным конструкциям судьи и маркерам агонального взаимодействия сторон в состязательном судопроизводстве.

Ключевые слова: судебный дискурс, институциональное общение, процессуальные маркеры, статусно-ролевая иерархия, речевое взаимодействие, агональность, перформативные клише.

Abstract: The paper analyzes procedural and organizational speech markers in English courtroom discourse. It examines stable verbal constructions that structure court proceedings, regulate turn-taking, and manifest the institutional hierarchy of participants. Special attention is paid to ceremonial formulas, judge's directive constructions, and markers of agonal interaction between parties in adversarial proceedings.

Key words: courtroom discourse, institutional communication, procedural markers, status-role hierarchy, speech interaction, agonality, performative clichés.

Англоязычный судебный дискурс как форма институционального общения характеризуется высокой степенью ритуализации и процессуальной регламентации речевого взаимодействия. Институциональность дискурса, понимаемая как его принадлежность к системе правосудия и подчинение устойчивым формальным и

неформальным нормам и правилам, проявляется в наличии специализированных языковых формул, маркирующих как структуру судебного процесса, так и статусно-ролевую организацию коммуникативного взаимодействия (Карасик 2000, с. 23-24).

Процессуальные и организационные маркеры речи представляют собой устойчивые вербальные конструкции, выполняющие функции структурирования судебного заседания, регулирования очередности речевых ходов и манифестации институциональной иерархии участников. Как отмечает Т.В. Дубровская, весь процесс судебного разбирательства структурируется через фиксированную последовательность обязательных речевых жанров, отклонение от которой недопустимо в рамках процессуальных норм. Данная жанровая нормативность обеспечивает предсказуемость коммуникативного взаимодействия и поддерживает легитимность судебного процесса как формы институционального разрешения правовых конфликтов (Дубровская 2010, с. 14).

Особую значимость процессуальные маркеры приобретают в англоязычном состязательном судопроизводстве, где строгая регламентация речевой деятельности выступает необходимым условием обеспечения процессуального равенства сторон и соблюдения прав всех участников процесса.

Судебный процесс представляет собой коммуникативную среду с жестко регламентированными ролевыми и нормативными предписаниями, где участники подчиняются не только правовым нормам, регулирующим их физическое поведение, но и определенным ограничениям на их речевую деятельность (Cotterill 2003, с. 92). Статусно-ролевая иерархия находит свое непосредственное выражение в системе обращений, церемониальных формулах и специализированных речевых клише.

Центральное место в системе организационных маркеров занимают почтительные формы обращения, которые эксплицируют институциональную иерархию участников. Обращение к судье «*Your Honor*» в американском судопроизводстве выступает обязательным элементом любого речевого хода, направленного к суду, независимо от его содержания. Данная формула не просто маркирует адресата высказывания, но и подтверждает признание говорящим институционального авторитета судьи как верховного арбитра процесса.

Судья обладает наибольшей степенью лингвистической свободы, соответствующей его статусу, как в отношении собственных речевых ходов, так и в плане контроля над речевыми ходами других коммуникантов в зале суда. Судья ответственен за управление текущим ходом судебного разбирательства и имеет право обращаться ко всем членам судебного сообщества, а также ограничивать речевые ходы других участников (Cotterill 2003, с. 92-93).

Конструкции церемониального характера выполняют функцию ритуализации ключевых моментов судебного процесса. Формула «*All rise*» при входе судьи в зал заседания маркирует начало официальной части процесса и физически манифестирует подчинение всех присутствующих институциональной власти суда. Аналогичную функцию выполняет формула «*Court is now in session*», произносимая секретарем суда и знаменующая переход от неформального общения к строго регламентированному институциональному взаимодействию.

Процедура принесения присяги институционализирует требования к речевому поведению свидетелей через ритуальную формулу «*Do you solemnly swear to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth, so help you God?*». Данная формула, как отмечает Э. Мерц, выполняет функцию сакрализации судебного процесса и подчеркивает особую природу слов, произносимых в зале суда (Mertz 1994, с. 454). Трехчастная структура присяги эксплицирует требования к свидетельским показаниям: «*truth*» соотносится с максимой качества, «*whole truth*» – с максимой количества, «*nothing but the truth*» – с максимой релевантности по Грайсу.

Судья как модератор речевой продукции использует специализированные директивные формулы, регулирующие речевую активность участников. Центральное место в этой системе занимают перформативные клише возражений и их разрешения: «*Objection*», «*Sustained*», «*Overruled*». Данные формулы представляют собой институциональные речевые акты, где произнесение формулы судьей непосредственно изменяет процессуальную ситуацию – разрешает или запрещает определенный тип высказывания.

Как подчеркивает В.В. Богомазова, перформативные клише агонального взаимодействия включают устойчивые словосочетания типа «*I object*», «*Objection, Your Honor*», за которыми следует указание основания возражения: «*Objection, leading*», «*Objection, assumes facts not in evidence*», «*Objection, calls for speculation*» (Богомазова 2015, с. 14-15). Эти формулы одновременно выполняют две функции: процессуальную (прерывание речевого хода оппонента) и аргументативную (указание на нарушение процессуальных норм).

Директивные конструкции судьи маркируют его абсолютный контроль над речевой деятельностью других участников: «*Answer the question*» – требование релевантного ответа от свидетеля; «*The witness will confine their answer to...*» – ограничение тематических рамок ответа; «*Counsel will approach the bench*» – регулирование пространственного и речевого поведения адвокатов; «*The jury is instructed to disregard ...*» – директива, направленная на контроль когнитивной обработки информации присяжными.

Маркеры запроса разрешения эксплицируют подчиненное положение адвокатов в институциональной иерархии. Любое отклонение от

стандартного процессуального сценария требует вербального запроса разрешения: «*May I approach the witness, Your Honor?*»; «*Permission to treat the witness as hostile?*»; «*May counsel approach?*» Данные формулы демонстрируют, что даже профессиональные участники процесса, адвокаты, которые занимают второе место в интеракционной иерархии судопроизводства и обладают значительной степенью контроля над непрофессиональными участниками (Cotterill 2003, с. 101), тем не менее, подчиняются судье как в правовом, так и в лингвистическом отношении.

Переход между этапами судебного разбирательства маркируется специализированными формулами смены процессуальных фаз. К. Хеффер описывает современный суд присяжных как взаимодействие трех составляющих элементов: процедурного, состязательного и постановляющего, каждый из которых актуализируется на определенных этапах судебного процесса (Heffer 2005, с. 66-67). Переход между этими фазами эксплицируется через процессуальные маркеры:

Маркеры открытия/закрытия этапов:

«*The court calls ...*» – открытие слушания конкретного дела,

«*Does the prosecution/defense wish to make an opening statement?*» – переход к фазе вступительных заявлений,

«*The prosecution/defense rests*» – завершение представления доказательств стороной,

«*The court will take a recess*» – маркер временной приостановки процесса.

Маркеры инициации речевых жанров:

«*You may proceed with your opening statement*» – разрешение на начало вступительного слова,

«*Call your first witness*» – инициация допроса свидетелей,

«*You may cross-examine*» – передача права на перекрестный допрос,

«*Does counsel wish to redirect?*» – предложение права на повторный допрос.

Данные формулы не только структурируют последовательность процессуальных действий, но и распределяют коммуникативные роли между участниками на каждом этапе.

Состязательный характер англоязычного судопроизводства находит отражение в системе вербальных маркеров противостояния сторон. Как отмечает О.А. Крапивкина, агональность судебных дискурсивных практик характеризуется противоборствующими сторонами, взаимоотношениями соперничества, разногласия, стремления к победе (Крапивкина 2018, с. 17).

Номинации сторон процесса функционируют как маркеры агонального противопоставления: *prosecution – defense, the People – the defendant, plaintiff – respondent* (в гражданском процессе), *opposing counsel* – эксплицитное указание на оппозицию.

Формулы процессуального противодействия включают: «*I move to strike that testimony*» – требование исключения показаний из протокола; «*I renew my objection*» – повторное возражение после отклонения, «*Objection noted for the record*» – фиксация несогласия в протоколе.

Маркеры завершения агонального взаимодействия: «*No further questions*» – завершение допроса, «*The defense/prosecution rests*» – завершение представления доказательств стороной, «*We find the defendant guilty/not guilty*» – финальный вердикт как результат агонального процесса.

Таким образом, процессуальные и организационные маркеры речи в англоязычном судебном дискурсе представляют собой систему устойчивых вербальных формул, выполняющих функции структурирования судебного процесса, манифестации институциональной иерархии и регулирования речевого взаимодействия участников. Данные маркеры обеспечивают предсказуемость коммуникативного взаимодействия, поддерживают легитимность процессуальных действий и эксплицируют распределение коммуникативных возможностей в соответствии со статусно-ролевыми позициями участников.

Высокая степень стереотипизации процессуальных формул отражает институциональную природу судебного дискурса и выполняет важную функцию поддержания стабильности правовой системы. Нарушение конвенциональных формул воспринимается не просто как коммуникативная неудача, но как процессуальное нарушение, что подчеркивает тесную взаимосвязь между лингвистическими и правовыми аспектами судебного дискурса.

Литература

Богомазова В. В. Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015.

Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). Москва: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010.

Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. 2000. №2000. С. 19-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-tipy-institutsionalnogo-diskursa> (дата обращения: 01.12.2025).

Крапивкина О.А. Агональность как прототипический признак судебных дискурсивных практик // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15, № 4. С. 15-20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnost-kak-prototipicheskiy-priznak-sudebnyh-diskursivnyh-praktik> (дата обращения: 03.07.2025)

Палашевская И.В. Судебный дискурс: монография. Москва: Гнозис, 2023.

Cotterill J. Language and Power in Court: a linguistic analysis of the O.J. Simpson trial. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2003.

Heffer C. The Language of Jury Trial: a corpus-aided analysis of legal-lay discourse. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Mertz E. Legal Language: Pragmatics, Poetics, and Social Power. Annual Review of Anthropology, 1994, vol. 23. Pp. 435-455. URL: <http://www.jstor.org/stable/2156021> (дата обращения: 10.09.2025).

С.А. Кириллов (Воронеж)

Языковая и речевая системность текста «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова». Герменевтика текста

Аннотация: В статье приводится анализ языковой и речевой системности русского и английского текстов «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова» в соответствии с герменевтикой текста как стратегией его анализа и типологией смыслов текста как тактикой его анализа. Привлечение данных теории языка, теории речи и теории стиля позволяет выявить важные смыслы текста, их различие и способы трансляции.

Ключевые слова: теория речи, герменевтика текста, типология смыслов, теория текста.

Abstract: The paper provides an analysis of the language and speech systematics of Russian and English texts of the "Second Conciliar Epistle of the Apostle John the Theologian" in accordance with the hermeneutics of the text as a strategy for its analysis and the typology of the meanings of the text as a tactic for its analysis. The use of data from the theory of language, theory of speech and theory of style makes it possible to identify important meanings of the text, their differences and ways of translation.

Key words: speech theory, text hermeneutics, typology of meanings, text theory.

Современный этап развития филологического знания предполагает анализ текста в следующих стратегиях: герменевтика текста (и типология смыслов как ее тактика), лингвистика текста (и типология пространственных и временных значений как ее тактика), стилистика текста (и типология стилей текста как ее тактика), а также речевая системность текста (и типология факторов и принципов системности текста как ее тактика) (Припадчев 2004, 2023).

В данной работе рассматриваются тексты «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова» на русском и английском языках. Русский текст послания взят из синодального перевода Библии (1876 г., в современной орфографии). Источником английского текста послужила Библия короля Якова (1611 г., в современной орфографии). Данные тексты в связи с их сходной значимостью в цивилизационных процессах позволяют выявить специфику тексто-опосредованной межкультурной коммуникации для данной пары лингвокультур.

В настоящем исследовании тексты жанра «апостольское послание» рассматриваются в аспекте герменевтики текста с выходом в теорию речи (Припадчев 2023), а также с учетом полифункциональности, то есть множественной значимости (Соссюр 1977) единиц текста и взаимодействия системы языка, системы речи и системы стиля. При этом речевые серии синтаксем и синтагм выделяются по теории множеств (Кантор 1985, с. 184), а объем серии определяется в соответствии с теорией вероятностей (Яглом 1957, с. 18).

Энциклопедический смысл (тема всего произведения) русского текста определяется как «сохранение веры». Во многом прямым маркером доминантного смысла «любовь» является серия синтаксем и синтагм: *избранной – в любви – радость была полна*. В английском тексте видим иной смысл «утверждение христианского учения» с доминантой «предостережение от неблагополучия». Его маркером выступает серия синтаксем и синтагм: *walk after commandments /ходить по заповедям– lose not /не потерять – bid God speed /желать божьей помощи*.

В этом отношении важен фактор центрации речевого смыслового пространства, который проявляется в том, что множество смыслов текста объединяются единым смысловым «фокусом», то есть доминантным смыслом. Также на данном примере можно проследить сущность принципа нейтрализации разных смыслов единым содержательным мотивом, который обеспечивает речевую нейтрализацию различной денотативной отнесенности слов названных речевых серий текста.

В анализе текста важно учитывать, что в составе серии энциклопедического и других смыслов, во-первых, выступают факты языка, и они выражают различительное означивание денотатов в плане лексической семантики, категориальных значений, синтаксемных признаков и синтаксических функций; во-вторых, входя в текст, синтаксеммы в результате нейтрализации погашают роль средств языкового различения денотатов; в-третьих, на основе речевого отождествления микросмыслов денотатов синтаксеммы получают роль сходного означивания речевого доминантного смысла.

В состав серии энциклопедического смысла входят синтаксеммы и синтагмы, различающиеся по множеству признаков: по лексической семантике, категориальному значению, синтаксемным признакам и синтаксической функции. Согласно принципу нейтрализации языкового различительного означивания языковых значимостей сходным речевым, речевые значимости как совокупность отождествляющих принципов уподобляют одно значение другому.

Под влиянием текста языковое различительное означивание денотатов нейтрализуется, то есть отводится на второй план. В результате синтаксеммы и синтагмы русского текста получают речевую функцию сходного означивания доминантного смысла «любовь». В речевых сериях с другими смыслами доминантный смысл конкретизируется. Первый компонент смысловой сигнификативной модели текста – «благословение». Во многом прямыми маркерами выступают синтагмы: *избранной госпоже – будет с нами вовек – да будет с вами благодать*. Второй компонент – «любовь». Его прямые маркеры – синтаксеммы: *люблю – в любви – любовь*. Третий компонент – «назидание». Его косвенные маркеры – синтагмы: *прошу тебя – вы слышали – наблюдайте за собою*. Таким образом, смысловая сигнификативная модель вертикального развертывания текста

выглядит так: «благословение» – «любовь» – «назидание». По своему типу модель является логоцентрической, то есть она образована отношениями причинности между ее компонентами.

В английском тексте доминантный смысл «предостережение» интегрирует иные компоненты вертикального развертывания текста: «правда» (*in the truth /no правде – have known the truth /узнали правду – for the truth's sake /правды ради – in truth and love / в правде и любви – walking in truth /ходя в правде*) – «заповеди» (*received a commandment /получили заповедь – not as though I wrote a new commandment /не как если бы я написал новую заповедь – walk after commandments /ходить по заповедям*) – «исполнение учения» (*should walk in it /должны ходить в них – transgresseth, and abideth / пресупаюм и не соблюдают – abideth in the doctrine / не соблюдают учение*). Смысловая сигнификативная модель английского текста, будучи также логоцентрической по своему типу, образуется уже отношениями следования, а не причинности.

В аспекте теории речи важен фактор формирования смыслового «разреза» (смысловой вертикали, смысловой модели): При вертикальном развертывании текста доминантный смысл многократно актуализируется в отношении одного и того же денотата «старец» (*the elder*), с которым соотносимы обнаружения смысловой сигнификативной модели текста.

Речевая серия текста реальна как знаковая основа коммуникативной функции речи. Суть этой функции речи заключается в трансляции смысловой модели: «благословение» – «любовь» – «назидание» или «правда» – «заповеди» – «исполнение учения».

Контекстуальный смысл (микротема текста) русского текста – «утверждение заповеди». Во многом прямыми маркерами данного смысла выступает серия синтагм: *получили заповедь – которую имеем от начала – чтобы поступали по ней*. Здесь реализуется принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями, то есть текст нейтрализует языковое значение слов «получили – имеем – поступали» речевым релятивным смыслом «утверждение». Требуется внимания и то, что слово в речи полифункционально и может быть связано с выражением разных смыслов.

В английском тексте контекстуальный смысл «необходимость исполнения заповеди» выражен серией синтагм: *should walk in it / должны ходить в ней – lose not / не потерять – neither bid God speed / ни божьего споспешествования – partaker of his evil deeds / участник в его злых делах*.

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации) – «назидательное приветствие». В коммуникативной ситуации участвуют три лица: субъект речи (*старец*), адресат речи (*избранной госпоже и детям ее*), а также трансцендентное лицо, обнаруживаемое в тексте номинирующими такое лицо синтаксемами (*от Бога Отца – от Господа Иисуса Христа*). Следует при этом отметить, что, согласно фактору

невекторности речевого времени, смыслы денотата «*старец*» не отнесены к прошлому, настоящему или будущему: они распределены в последовательности «благословение» – «любовь» – «назидание».

В английском тексте ситуативный смысл значительно конкретизируется: «предостережение от неблагоприятия как следствия наказания». Это происходит вследствие более значимого присутствия мнимых участников ситуации, обнаруживаемых серией синтаксем: *deceivers / обманщики – confess not / не верят – antichrist / антихрист – lose not / не потерять – of evil deeds / злых дел*.

В анализе текста важно учитывать историческую последовательность в освоении носителями языка категорий пространства и времени. В этой связи следует учитывать пропорцию форм косвенных падежей и именительного падежа. В русском тексте это соотношение составляет 30 обнаружений номинатива как падежа предмета-лица, действующего во времени, к 67 обнаружениям косвенности, то есть лица в пространстве. О роли категории времени в русском тексте говорит и серия глаголов со значением настоящего вневременного (сейчас – всегда): *люблю – пребывает – имеем – состоит – не имеет – имеет – участвует*. Они указывают на реализацию не столько языкового трехвекторного времени с признаками: длительность, непрерывность, необратимость; сколько речевого многовекторного времени с признаками: протяженность, прерывность, обратимость.

В случае английского текста имеем соотношение форм падежных значений 31 к 73, отражающее незначительное усиление предметности. При этом преобладающим в отношении категории времени является перфектное значение (здесь – сейчас): *have known / узнали – rejoiced / востолдовался – wrote / написал – had / имел – have heard / слышал – are entered / пришли – is come / пришел – have wrought / сделали*. Названная серия глаголов указывает на реализацию не столько речевого многовекторного времени с признаками: протяженность, прерывность, обратимость; сколько языкового трехвекторного времени с признаками: длительность, непрерывность, необратимость.

В анализе текста следует разграничивать прагматику в широком и узком смысле слова. В широком смысле прагматична функция, то есть языковая функция синтаксем прогнозирует различение денотатов, речевая функция синтаксем прогнозирует отождествление денотатов и смыслов денотатов, а стилистическая функция прогнозирует вторичное номинирование образных смыслов.

Прагматичен жанр, то есть жанр апостольского послания прогнозирует назидательное обращение к адресату с целью укрепления его в вере. В русском тексте это проявляется в модели: «благословение» (призыв Божьей помощи) – «любовь» (основание для укрепления в вере) – «назидание» (укрепляющее обращение к адресату); а в английском тексте

в модели: «правда» (наличие Божьей воли) – «заповеди» (основание для ее исполнения) – «исполнение учения» (призыв к адресату избежать наказания).

Прагматичен стиль языка как наджанровая величина: он прогнозирует художественную картину мира с гармоничной структурой образа автора в его целеполагании: «благословение» (*да будет с вами вовек*) – «любовь» (*чтобы любили друг друга*) – «назидание» (*наблюдайте за собой*). В аспекте теории речи здесь важен фактор тема-рематической модификации синтагм. Названные обнаружения русского текста, соотносимые с субъектом речи (*старец*), находятся в теме синтагм (которая по своей сути темпоральна и абстрактна), а потому модель «благословение» – «любовь» – «назидание» определяется абстрактными смыслами.

В английском же тексте соотносимые с субъектом речи обнаружения структуры образа автора («правда» (*truth / правда*) – «заповеди» (*a commandment / заповедь*) – «исполнение учения» (*walk after commandments / ходить по заповедям*)) находятся в реме синтагм (которая локальна и конкретна), а потому модель «правда» – «заповеди» – «исполнение учения» определяется конкретными смыслами.

Прагматичен стиль речи как внутрижанровая величина. Он показывает, какую семантическую модель с ее доминантными значениями прогнозирует апостольское послание. Темпоцентрическая модель русского текста организуется доминантным значением времени с модусом «сейчас – всегда» (*люблю – пребывает – имеем – состоит – не имеет – имеет – участвует*), которая во многом выходит в вертикаль текста. Также весома дополняющая модель с модусом «сейчас – всегда», обнаруживаемая глагольными синтаксемами императива и сослагательного наклонения (*да будет (благодать) – (чтобы) любили – (чтобы) поступали – (чтобы) не потерять – (чтобы) получить – (чтобы) была полна*). Слабо представлена жанрово обусловленная темпоцентрическая модель из синтаксем глаголов с аористным значением (*получили – слышали – вошли*). В аспекте теории речи здесь действует принцип нейтрализации локальных значений слов темпоральными смыслами: конкретность пространственного значения лица, соотнесённого с глагольными синтаксемами, нейтрализуется абстрактностью темпорально организованных смыслов.

Теоцентрическая модель обнаруживается синтаксемами с семантикой трансцендентного лица (*от Бога Отца – от Господа Иисуса Христа – Сына Отчего – от Отца – Его – Иисуса Христа – Христово – Бога – Христовом – Отца – Сына*).

Антропоцентрическая модель организуется доминантным значением лица. Строгая расподобленность модели по лицам адресанта (*старец – я – я – я*) и адресата (*госпоже – детям ее – с вами – детей твоих – тебя – тебе – вы – вам – к вам – ваша – тебе – твоей*) нейтрализуется

логическим отношением включения «я – все – мы» в серии (*все – в нас – с нами – мы – мы – мы – нам – мы*). Поэтому значимо разделение лишь между названной выше серией со значением «мы» и серией со значением «они, некоторые» (*обольстители – человек – всякий – кто – того – его – его – его*).

Одной из ведущих моделей текста является логоцентрическая модель с тремя типами отношений: альтернации (*да будет (благодать) – (чтобы) любили – (чтобы) поступали – (чтобы) не потерять – (чтобы) получить – (чтобы) была полна*), противоположности (*не (как новую)..., но (ту) – не (потерять)..., но (получить) – не (пребывающий)..., (пребывающий) – не (хочу)..., а (надеюсь)*) и негации (*не исповедующие – антихрист – не имеет – не приносит – не принимайте – не приветствуйте*).

Сильна в семантической структуре текста аксиоцентрическая модель, обнаруживаемая двумя сериями синтаксем положительной (*благодать – милость – мир – в истине и любви – любовь – награду – радость*) и отрицательной оценки (*обольстители – обольститель – антихрист – в злых (делах)*).

Фактоцентрическая модель в русском тексте, явленная глагольными синтаксемами (*(я) обрадовался – (я) нашел – (вы) получили – (вы) слышали – (они) вошли*) не состоится вследствие отсутствия серийности из-за различной субъектной отнесенности синтаксем.

При общем сохранении структуры денотативных моделей английский текст послания отражает значимые содержательные различия. Темпоцентрическая модель организуется доминантным значением времени с модусом «здесь – сейчас» (*have known / узнали – rejoiced / возрадовался – wrote / написал – had / имел – have heard / слышал – are entered / пришли – is come / пришел – have wrought / сделали*), которая значима для горизонтали текста. В частности, это указывает на важную роль фактоцентрации в семантической структуре текста. Ряд глагольных синтаксем с семантикой настоящего времени распадается по лицам на несколько отдельных серий, которые не поддерживаются вертикалью текста (*dwelleth / обитает; beseech / умоляю; transgresseth / преступает – abideth not / не придерживается – abideth / выполняет – bideth / терпит – hath / имеет – hath / имеет*).

Теоцентрация английского текста ослаблена по количеству обнаружений, а в антропоцентрической модели усиливается присутствие мнимых персонажей, обусловленное ментальной функцией текстового пространства (*deceivers / обманщики – a deceiver / обманщик – an antichrist / антихрист – partaker of evil deeds / участник злых дел*). Логоцентрическая модель представлена уже одной усиленной серией синтаксем с семантикой дополнения и негации, что вместе результирует семантикой уточнения (*and not I only / и не только я – and for ever / и навсегда – and now / а теперь – and abideth not / и не соблюдает – and*

bring not / и не приносит – and face to face / и лицом к лицу). Аксиоцентрическая модель английского текста показывает большее тяготение к выражению положительной оценки.

Прагматичен индивидуально-авторский стиль (уникальное в тексте). Он прогнозирует уникальную для автора смысловую сигнификативную модель: «благословение» – «любовь» – «назидание» для русского текста и «правда» – «заповеди» – «исполнение учения» для английского.

Прагматика в узком смысле – это цель-оценка. В тексте она не нейтральна. В русском тексте послания расподоблены серии синтаксем по объектам оценки. Это понятия созидательного характера, имеющие принадлежность к Богу (*благодать – милость – мир – в истине и любви – любовь – награду – радость*) и объекты, соотносимые с разрушением, (*обольстители – обольститель – антихрист – в злых (делах)*).

В английском тексте серии синтаксем оценки расподоблены по соотносительности с группами персонажей. В одном случае объектами оценки становятся понятия, соотносимые с реальными участниками коммуникативной ситуации (*love in the truth / любовь в правде – the truth / правда – grace, mercy and peace in truth and love / благодать, милосердие и мир в правде и любви – rejoiced greatly / сильно возрадовался – in truth / в правде – love / любовь – a reward / награда – God speed / божье споспешествование – God speed / божье споспешествование*). В другом случае это объекты, соотносимые с мнимыми участниками ситуации, чье присутствие обусловлено ментальной функцией текстового пространства (*deceivers / обманщики – confess not / не верят – antichrist / антихрист – lose not / не потерять – of evil deeds / злых дел*).

В анализе текста необходимо принимать во внимание понятие «картина мира» (Попова 2007, с. 35-40). К комплексному анализу текста приложимы многие картины мира. Для осмысления знания о тексте актуальны языковая картина мира как семантическое пространство языка и совокупность денотатов данного текста, речевая картина мира как смысловое пространство речи и совокупность сигнификатов данного текста, художественная картина мира как совокупность образных смыслов текста и когнитивная картина мира как ментальный образ действительности, запечатлѐнный через нейтрализацию микросмыслов (когнитивных признаков) синтаксем и синтагм в смысловой модели: «благословение» – «любовь» – «назидание» или «правда» – «заповеди» – «исполнение учения». Это и есть концепт текста.

Образные смыслы выражаются в гармоничной для своего цивилизационного процесса структуре образа в его вещной, ментальной и духовной составляющих. Образ автора создается серией синтаксем (*старец – ради истины – прошу*), что обнаруживает его добровольное созидательное целеполагание. В английском тексте серия синтаксем (*the elder / старец – for the truth's sake / правды ради – ye should walk in it / вы*

должны ходить в них) говорит о целеполагании в оправдании через убеждение адресата в необходимости исполнять заповеди.

Типология смыслов русского текста в проекции на теорию речи обнаруживает действие фактора сходного означивания, который проявляется в означивании смыслов денотата «*старец*»: «любовь» как основание для сохранения веры (энциклопедический смысл: *избранной – в любви – радость была полна*); «любовь» как причина утверждения заповеди (контекстуальный смысл: *получили заповедь – которую имеем от начала – чтобы поступали по ней*); «любовь» как образ назидательного действия (ситуативный смысл: *старец – избранной госпоже и детям ее – от Господа Иисуса Христа*).

Типология смыслов английского текста в теории речи также выявляет действие фактора сходного означивания, который проявляется в означивании смыслов денотата «*the elder / старец*»: «предостережение» как средство сохранения веры (энциклопедический смысл: *walk after commandments / ходить по заповедям – lose not / не потерять – bid God speed / пожелать божьей помощи*); «предостережение» как инструмент побуждения к исполнению заповеди (контекстуальный смысл: *should walk in it / должны ходить в них – lose not / не потерять – neither bid God speed / ни божьей помощи – partaker of his evil deeds / участник злых дел*); «предостережение» как способ избежать наказания (ситуативный смысл: *the elder / старец – unto the elect lady and her children / к избранной госпоже и ее детям – from God the Father / Бог отец – partaker of evil deeds / участник злых дел*).

Таким образом, речевые функции (значимости) текстообразующих средств жанра «апостольское послание» в данных смыслах следующие: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура (состав серий) текстообразующих средств русского текста жанра «апостольское послание» в данных смыслах: 1) серия синтаксем и синтагм: *избранной – в любви – радость была полна*; 2) серия синтаксем и синтагм: *получили заповедь – которую имеем от начала – чтобы поступали по ней*; 3) серия синтаксем и синтагм: *старец – избранной госпоже и детям ее – от Господа Иисуса Христа*; 4) серии синтаксем с выражением положительной оценки: *благодать – милость – мир – в истине и любви – любовь – награду – радость*; и отрицательной оценки: *обольстители – обольститель – антихрист – в злых (делах)*; 5) серия синтаксем: *старец – ради истины – прошу*.

Партитура текстообразующих средств английского текста жанра «апостольское послание» в данных смыслах: 1) серия синтаксем и синтагм: *walk after commandments / ходить по заповедям – lose not / не потерять – bid God speed / пожелать божьей помощи*; 2) серия синтаксем и синтагм:

should walk in it / должны ходить в них – lose not / не потерять – neither bid God speed / ни божьей помощи – partaker of his evil deeds / участник злых дел; 3) серия синтаксем и синтагм: the elder / старец – unto the elect lady and her children / к избранной госпоже и ее детям – from God the Father / Бог отец – partaker of evil deeds / участник злых дел; 4) серии синтаксем с выражением положительной оценки: love in the truth / любовь в правде – the truth / правда – grace, mercy and peace in truth and love / благодать, милосердие и мир в правде и любви – rejoiced greatly / сильно возрадовался – in truth / в правде – love / любовь – a reward / награда – God speed / божье споспешествование – God speed / божье споспешествование; и отрицательной оценки: (deceivers / обманщики – confess not / не верят – antichrist / антихрист – lose not / не потерять – of evil deeds / злых дел; 5) серия синтаксем: the elder / старец – for the truth's sake / правды ради – ye should walk in it / вы должны ходить в них.

Литература

- Кантор Г. Труды по теории множеств. Москва: Наука, 1985.
Новый завет: Второе послание Иоанна. URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/jn2/1> (дата обращения: 03.09.2025).
Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.
Припадчев А.А. Теория речи. Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2023.
Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича. Москва: Прогресс, 1977.
Яглом А.М. Вероятность и информация. Москва: Гостехиздат, 1957.
BibleGateway: 2 John 1 KJV. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=2%20John%201&version=KJV> (дата обращения: 03.09.2025).

Е.И. Клименко (Воронеж)

Общее и уникальное в языковой картине мира Эдгара Аллана По и Натаниэля Готорна сквозь призму маркем

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ маркем Эдгара Аллана По и Натаниэля Готорна, выделенных в текстах каждого автора. Установлены общая и уникальная проблематика творчества двух авторов.

Ключевые слова: сравнительный анализ, маркемный анализ, маркема, семантический блок, индекс текстуальной маркированности.

Abstract: The paper represents the results of a comparative analysis of Edgar Allan Poe and Nathaniel Hawthorne`markemes, highlighted in the texts of each author. The common and unique problems of their prose are revealed.

Key words: comparative analysis, markeme analysis, markeme, semantic block, index of thematic markedness.

Формально-содержательный анализ художественного текста, позволяя анализировать большой массив данных, открывает возможности для выявления лексических доминант (маркем) в творчестве отдельных авторов, группы авторов или отдельных литературных жанров и направлений. Используемый маркемологический подход к исследованию литературных, преимущественно художественных, текстов, разработанный А.А. Кретовым, позволяет формализовать процедуру их выделения посредством установления «авторского» веса слова (Кретов 2010, с. 138-153).

Применение метода маркемного анализа – базового метода маркемологии – позволяет ставить и решать множество разнообразных задач, одной из которых является исследование художественного мира автора (Артемова, Кретов 2022; Артемова, Богданова, Макарова 2023; Артемова, Клименко 2023).

Маркемный анализ – это разновидность компьютерного анализа текста, для проведения которого все текстовые файлы произведений собираются в единый файл и обрабатываются созданной в ВГУ программой тематического анализа английской лексики «ProTemAl-Engl» (Гусельникова, Воронина, Кретов 2015). Указанная программа вычисляет *индекс текстуальной маркированности* (ИнТеМ) словоформ, на основе которого после выполнения ряда процедур формируется ранжированный маркемный список, состоящий из 50 маркем выделенных из произведений одного автора.

В качестве потенциальных маркем рассматриваются имена существительные как наиболее маркированная и ориентированная на внеязыковую действительность часть речи. К числу маркем относятся абстрактная лексика, базовые понятия и лексемы, обозначающие природные объекты и артефакты-символы.

После обработки собранных в единый файл текстов Эдгара По и Натаниэля Готорна были получены списки словоформ с установленным для каждой из них ИнТеМом. Для проведения сопоставительного маркемного анализа требуется провести нормирование ИнТеМов маркем каждого автора для обеспечения сопоставимости весов маркем (см. Таблица 1 – маркемный список Э. По; Таблица 2 – маркемный список Н. Готорна)

Таблица 1

Маркемный список Э. По

№	маркемы	Норм ИнТе М	№	маркемы	Норм ИнТе М	№	маркемы	Норм ИнТеМ
1	CONSIDER ATION	0,0356	18	EMBARRAS SMENT	0,0206	35	EXPERIEN CE	0,0154
2	CONTEMP LATION	0,0334	19	POSSIBILIT Y	0,0203	36	DELIBERA TION	0,0152
3	UNDERST ANDING	0,0320	20	DISTINCTN ESS	0,0203	37	INTERFER ENCE	0,0152
4	INCONVE NIENCE	0,0301	21	PRESERVA TION	0,0203	38	SUPERSTI TION	0,0152
5	ASTONISH MENT	0,0294	22	DIFFICULT Y(IES)	0,0201	39	INSENSIBI LITY	0,0149
6	CONSCIO USNESS	0,0291	23	APPREHEN SION	0,0189	40	MYSTIFIC ATION	0,0149
7	DISAPPOI NTMENT	0,0277	24	MAGNIFICE NCE	0,0180	41	IMPRESSI ON	0,0145
8	COMPREH ENSION	0,0269	25	DISSATISF ACTION	0,0179	42	HESITATI ON	0,0145
9	DETERMI NATION	0,0269	26	SUPPOSITI ON	0,0179	43	ASSISTAN CE	0,0143
10	RECOLLE CTION	0,0254	27	EXPECTATI ON	0,0176	44	UNEASINE SS	0,0143
11	IMPOSSIBI LITY	0,0247	28	PROBABILI TY	0,0173	45	INTELLIG ENCE	0,0139
12	SATISFAC TION	0,0246	29	EXCITEME NT	0,0169	46	CONCLUSI ON	0,0136
13	SELF- POSSESSI ON	0,0244	30	REFLECTIO N	0,0169	47	DISTURBA NCE	0,0134
14	SUSCEPTI BILITY	0,0244	31	DESTRUCTI ON	0,0167	48	KNOWLE DGE	0,0134
15	OPPORTU NITY	0,0233	32	PECULIARI TY	0,0167	49	EXISTENC E	0,0134
16	IMAGINA TION	0,0228	33	SPECULATI ON	0,0158	50	SUGGESTI ON	0,0133
17	OBSERVA TION	0,0224	34	ATTENTIO N	0,0155			0,02

Таблица 2

Маркемный список Н. Готорна

№	маркемы	Норм ИнТе М	№	маркемы	Норм ИнТе М	№	маркемы	Норм ИнТеМ
1	CONSCIOUSNESS	0,0359	18	SATISFACTION	0,0203	35	DISPOSITION	0,0164
2	CIRCUMSTANCES)	0,0319	19	SENSIBILITY	0,0199	36	PECULIARITY	0,0164
3	DISAPPOINTMENT	0,0305	20	COMPANIONSHIP	0,0198	37	IMMORTALITY	0,0162
4	ACCOMPLISHMENT	0,0290	21	CONVENTIONALISM	0,0193	38	WRETCHEDNESS	0,0158
5	CONTEMPLATION	0,0288	22	DISTINCTNESS	0,0191	39	CATASTROPHES	0,0156
6	INTELLIGENCE	0,0280	23	ATMOSPHERE	0,0190	40	COMPREHENSION	0,0155
7	CONSIDERATION	0,0273	24	UNDERSTANDING	0,0187	41	SELF-CONGRATULATION	0,0153
8	RESPONSIBILITY	0,0273	25	OBSERVATION	0,0184	42	IMPRESSION	0,0152
9	INDIVIDUALITY	0,0257	26	CONSCIENCE	0,0178	43	POSSESSION	0,0151
10	IMAGINATION	0,0244	27	DESTRUCTION	0,0178	44	SIMPLICITY	0,0151
11	ASTONISHMENT	0,0233	28	REMEMBRANCE	0,0178	45	BENEVOLENCE	0,0149
12	RECOLLECTION	0,0233	29	PROVIDENCE	0,0177	46	PERCEPTION	0,0149
13	RESPECTABILITY	0,0231	30	DEVELOPMENT	0,0175	47	TENDERNESS	0,0149
14	MAGNIFICENCE	0,0231	31	POSSIBILITY	0,0175	48	MISFORTUNE	0,0147
15	CHEERFULNESS	0,0214	32	EXPERIENCE	0,0173	49	IMPERFECTION	0,0144
16	ENTERTAINMENT	0,0207	33	EARNESTNESS	0,0171	50	HAPPINESS	0,0142
17	OPPORTUNITY	0,0204	34	INDISTINCTNESS	0,0165		среднее значение	0,0200

Стратификация маркем на основе среднего значения НормИнТеМа – 0,02 – позволила выделить ядро и периферию в маркемных списках двух авторов.

Маркемное ядро в произведениях Э. По составляет 22 маркемы, из которых в результате дополнительной стратификации выделены ядро ядра (ЯЯ) – 9 маркем (*consideration, contemplation, understanding, inconvenience,*

astonishment, consciousness, disappointment, comprehension, determination) и периферия ядра (ПЯ) – 13 маркем (*recollection, impossibility, satisfaction, self-possession, susceptibility, opportunity, imagination, observation, embarrassment, possibility, distinctness, preservation, difficult(y/ies)*).

Маркемная периферия (28) представлена следующим образом: ядро периферии (ЯП) – 11 маркем (*apprehension, magnificence, dissatisfaction, supposition, expectation, probability, excitement, reflection, destruction, peculiarity, speculation*), периферия периферии (ПП) – 17 маркем (*attention, experience, deliberation, interference, superstition, insensibility, mystification, impression, hesitation, assistance, uneasiness, intelligence, conclusion, disturbance, knowledge, existence, suggestion*).

Доминантой творчества Э. По является *consideration*, вице-доминантой – *contemplation*.

Маркемное ядро (18) текстов Н. Готорна включает ЯЯ – 8 маркем (*consciousness, circumstanc(e/es), disappointment, accomplishment, contemplation, intelligence, consideration, responsibility*), ПЯ – 10 маркем (*individuality, imagination, astonishment, recollection, respectability, magnificence, cheerfulness, entertainment, opportunity, satisfaction*).

Маркемная периферия разделилась поровну: ЯП – 16 маркем (*sensibility, companionship, conventionalism, distinctness, atmosphere, understanding, observation, conscience, destruction, remembrance, providence, development, possibility, experience, wilderness, earnestness*), ПП – 16 маркем (*indistinctness, disposition, peculiarity, immortality, wretchedness, catastrophe, comprehension, self-congratulation, impression, possession, simplicity, benevolence, perception, tenderness, misfortune, imperfection*).

Доминантой творчества Н. Готорна является *consciousness*, вице-доминантой – *circumstanc(e/es)*.

Семантическая структуризация маркем позволяет осуществить их содержательный анализ. В результате двухступенчатой семантической структуризации маркем, предложенной О.Г. Артемовой (Артемова 2020), маркемы Э. По и Н. Готорна были распределены в семь семантических блоков: ментально-перцептивных (МентМ), эмоциональных (ЭмоцМ), социальных (СоцМ), фундаментальных (ФундМ), качественных (КачМ), морально-этических (МорЭтМ) маркем, а также маркем, выражающих межличностные отношения (МежЛМ).

Все семь семантических блоков маркем выделены в текстах Н. Готорна. Среди маркем Э. По морально-этические маркемы не выявлены. Количественное распределение маркем двух авторов представлено на рисунке 1.

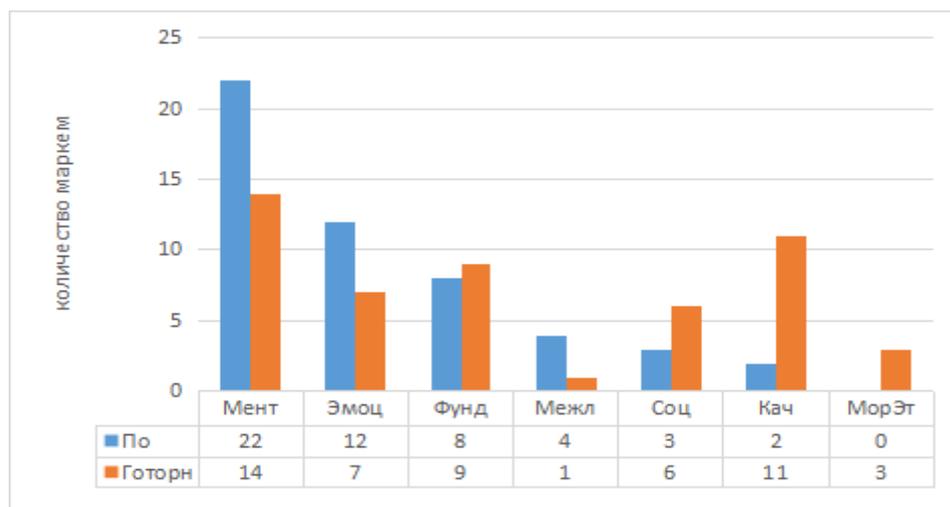

Рис. 1. Количественное распределение маркем по семантическим блокам

Анализ гистограммы свидетельствует о том, что, несмотря на доминирование ментально-перцептивных маркем в текстах двух авторов (По – 22, Готорн – 14), их доля среди маркем каждого автора отличается значительно. Среди маркем Э. По доля МентМ составляет 44 %, у Н. Готорна – 28 %. В маркемном списке Э. По вторым по количеству маркем является блок ЭмоцМ – 12, или 24 %. У Н. Готорна вторым по численности является блок КачМ – 11, или 22 %. Таким образом, в тексте Э. По ментально-перцептивные и эмоциональные маркемы составляют 68 % от общего числа маркем. У Н. Готорна доля ментально-перцептивных и качественных маркем составляет 50 % от общего числа маркем.

Сопоставимым в текстах двух авторов является количество фундаментальных маркем: Э. По – 8, Н. Готорн – 9. В два раза больше, по сравнению с Э. По, количество социальных маркем у Н. Готорна. Минимально в текстах Э. По присутствуют качественные маркемы – 2, у Н. Готорна – межличностные маркемы – 1. Обращает на себя внимание отсутствие морально-этических маркем в маркемном списке Э. По. В целом, тексты Э. По характеризуют маркемы семантических блоков МентМ, ЭмоцМ, МежЛМ, семантические блоки СоцМ, КачМ, МорЭтМ характеризуют тексты Н. Готорна. Семантический блок ФундМ можно считать равнозначным для текстов двух авторов.

Полученные выводы подтверждает анализ веса семантических блоков в текстах Э. По и Н. Готорна (рис. 2).

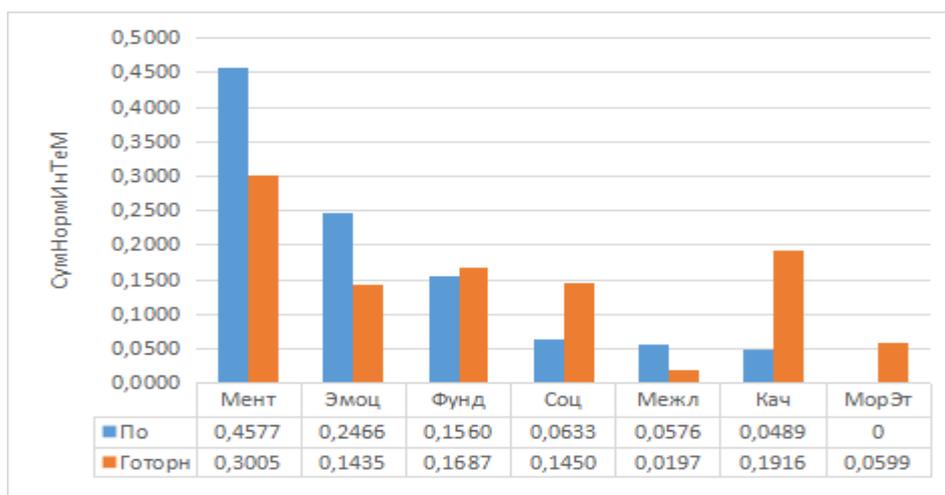

Рис. 2. Распределение семантических блоков по СумНормИнТеМу (суммарному нормированному индексу текстуальной маркированности)

Рисунок 2 показывает, что и по авторскому весу в текстах Э. По преобладают семантические блоки МентМ, ЭмоцМ и МежЛМ. Тексты Н. Готорна в первую очередь отличает семантический блок КачМ, а также СоцМ и МорЭтМ, отсутствующий среди маркем Э. По.

Сопоставительный анализ маркемных списков позволяет выделить общее и уникальное в исследуемых текстах двух авторов. Общими для авторов являются 20 маркем, или 40 % от общего количества маркем. Это – *opportunity, astonishment, intelligence, satisfaction, disappointment, understanding, consideration, imagination, experience, consciousness, contemplation, observation, recollection, destruction, magnificence, possibility, impression, comprehension, distinctness, peculiarity*. Анализ разности их НормИнТеМов позволил выяснить, какие из них в большей степени определяют специфику текстов каждого автора (положительная разность (с черной заливкой) указывает на маркемы, характеризующие тексты Э. По, отрицательная (со светлой узорной заливкой) – тексты Н. Готорна) (рис. 3).

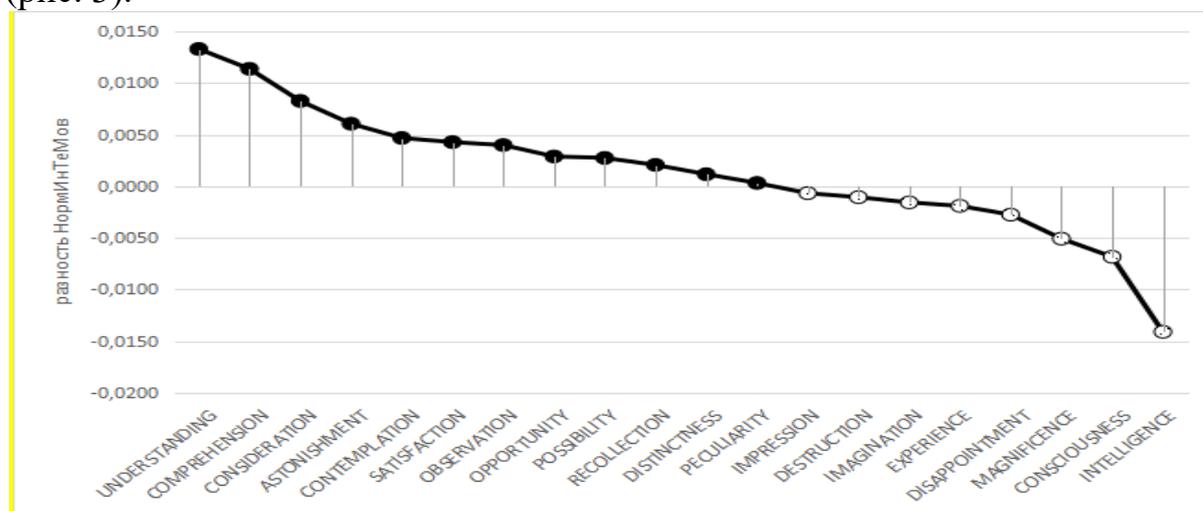

Рис. 3. Разность СумНормИнТеМов общих маркем Э. По и Н. Готорна

На рисунке 3 видно, что 12 маркем – *understanding, comprehension, consideration, astonishment, contemplation, satisfaction, observation, opportunity, possibility, recollection, distinctness, peculiarity* – характеризуют преимущественно тексты Э. По, а 8 маркем – *impression, destruction, imagination, experience, disappointment, magnificence, consciousness, intelligence* – тексты Н. Готорна. Стратификация общих маркем на основе среднего значения 0,0014 показывает, что маркемы с НормИнВесом в диапазоне |0,0133–0,0021, т.е. выше среднего значения по модулю, определяют специфику текстов Э. По и Н. Готорна. Так, специфику Э. По определяют *understanding, comprehension, consideration, astonishment, contemplation, satisfaction, observation, opportunity, possibility, recollection*. Специфику Н. Готорна, соответственно, определяют *imagination, experience, disappointment, magnificence, consciousness, intelligence*. Маркемы *distinctness, peculiarity, impression, destruction* признаются условно равнозначными и не определяющими специфику каждого автора.

Помимо общих маркем, специфику каждого автора максимально характеризуют его уникальные маркемы. Уникальными, т.е. специфичными исключительно для Н. Готорна, являются следующие 30 маркем – *circumstanc(e/es), entertainment, responsibility, accomplishment, conscience, disposition, companionship, catastrophe, earnestness, tenderness, happiness, benevolence, providence, respectability, atmosphere, remembrance, cheerfulness, development, indistinctness, misfortune, individuality, sensibility, conventionalism, immortality, wretchedness, self-congratulation, possession, simplicity, perception, imperfection*. Соответственно, специфичными для Э. По являются *apprehension, difficulty, dissatisfaction, expectation, attention, determination, self-possession, embarrassment, knowledge, inconvenience, deliberation, assistance, disturbance, reflection, superstition, existence, impossibility, susceptibility, preservation, supposition, probability, excitement, speculation, interference, insensibility, mystification, hesitation, uneasiness, conclusion, suggestion*.

Содержательный анализ специфичных маркем Э. По и Н. Готорна (рис. 4) показывает, что среди маркем Э. По преобладают ментально-перцептивные маркемы – 11. Вторыми по значимости являются эмоциональные маркемы (7), за которыми следуют маркемы, выражающие межличностные отношения (4). Среди специфичных маркем Н. Готорна доминируют качественные маркемы – 9, за которыми следуют социальные (5) и отсутствующие среди маркем Э. По морально-этические маркемы (3).

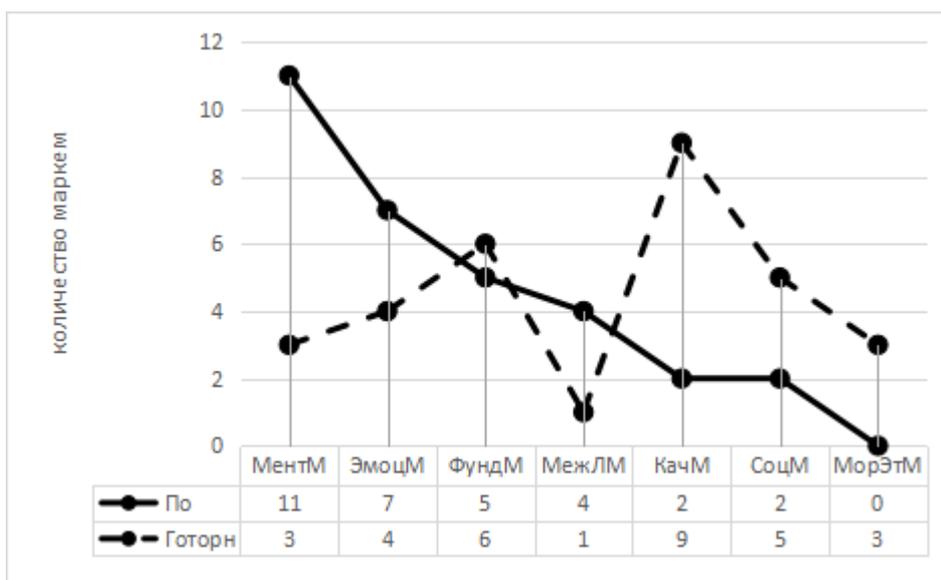

Рис. 4. Количественная динамика специфичных маркем Э. По и Н. Готорна

Эти выводы подтверждает и динамика специфичных маркем на основе их СумНормИнТеМа (рис. 5):

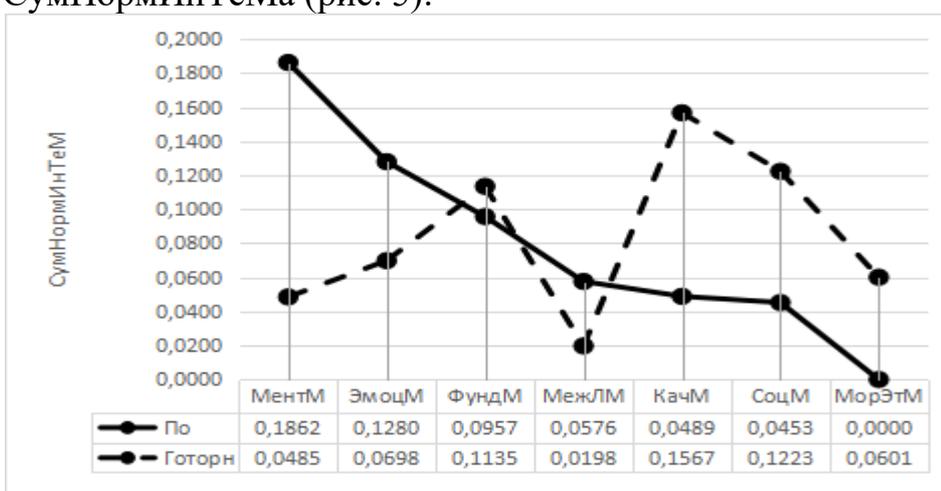

Рис. 5. Динамика СумНормИнТеМа специфичных маркем Э. По и Н. Готорна

Проведенное исследование показало, что в основе языковой картины мира Эдгара По находятся разные стороны мыслительного процесса и чувственного восприятия действительности. Особо значимыми являются также характеристика эмоционального состояния и различных сторон межличностного взаимодействия. Основу языковой картины мира Н. Готорна составляют вопросы, связанные с определенными личностными качествами человека, его морально-этическими ценностями, социальным взаимодействием и его условиями.

Литература

Артемова О.Г., Клименко Е.И. Маркемный анализ языка прозы Эдгара Аллана По // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №1. С. 86-96.

Артемова О.Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза. Воронеж: Наука–Юнипресс, 2020 (Серия: Библиотека Маркемологии. Т. 4).

Артемова О.Г., Богданова У.В., Макарова А.А. Маркемный анализ языка прозаических текстов Джонна Донна // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 2 (58). С. 55-69.

Артемова О.Г., Кретов А.А. Маркемный анализ творчества Ф.М. Достоевского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 109-122.

Гусельникова А.С., Воронина И.Е., Кретов А.А. Модуль настройки естественного языка для выделения тематически маркированной лексики в текстах // Информатика: проблемы, методология, технологии: сборник материалов XV Международной научно-методической конференции. Воронеж, 2015. С. 250-254.

Кретов А.А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования // Универсалии русской литературы: сборник научных работ / Под ред. А.А. Фаустова. Воронеж, 2010. С. 138-153.

О.А. Крупкина (Волгоград)

Комическое как отражение национального языкового сознания: анализ англоязычного комикса «Garfield» и его русского перевода

Аннотация: В статье рассматриваются особенности реализации комического в англоязычном комиксе «Garfield» и его русских переводах на материале стрипов 2020–2024 гг. Проводится анализ культурно-обусловленных различий и основных типов комических приемов оригинала и способов их передачи в переводе. Показано, что различия в создании комического отражают особенности английского и русского национального языкового сознания.

Ключевые слова: комическое, языковое сознание, культурные концепты, «Garfield», переводческие стратегии.

Abstract: The paper examines the comic techniques in the English comics «Garfield» and its Russian translations based on the strips from 2020 to 2024. The analysis of culturally determined differences and the main types of comic techniques of the original and the ways of their translation is carried out. Research shows, that differences in the creation of comic effects reflect cultural peculiarities of English and Russian national linguistic consciousness.

Key words: comic, linguistic consciousness, cultural concepts, «Garfield», translation strategies.

Актуальность изучения комического как отражения национального языкового сознания связана с растущим вниманием современной лингвистики к вопросам межкультурной коммуникации и перевода. Комическое имеет четко выраженные национальные особенности, которые зависят от норм восприятия шуток, культурных стереотипов, моделей поведения и ценностных установок в конкретном лингвокультурном сообществе (Попова, Стернин 2007).

В качестве материала исследования нами выбран англоязычный комикс «Garfield», так как в нем сочетаются как визуальные, так и словесные элементы в передаче комического. Комикс публикуется с 1978 года, является популярным в разных странах, его вербальная часть переводится на разные языки.

Целью данного исследования является анализ характерных языковых средств создания комического в оригинале «Garfield» и его перевода на русский язык и выявление различий в передаче комического в английском и русском национальном языковом сознании.

Сопоставительное исследование оригинала и его русскоязычных версий дает возможность проследить, как комическое содержание адаптируется к иной лингвокультурной среде с учетом языковых норм и культурных ожиданий реципиентов. Как подчеркивает В.Н. Комиссаров, переход текста в другую языковую и культурную систему неизбежно сопровождается трансформациями, поскольку полная тождественность оригинала и перевода недостижима. Переводчик выбирает, какие элементы исходного материала сохранить, чтобы обеспечить полноценную передачу наиболее значимых смыслов. Эквивалентность устанавливается на разных уровнях и предполагает не абсолютную идентичность, а адаптацию текста к условиям другой культуры и ее нормам восприятия (Комиссаров 1999, с. 113). Особую значимость приобретает анализ того, какие элементы комического сохраняются, трансформируются или полностью заменяются в процессе перевода и как эти изменения соотносятся с особенностями национального языкового сознания.

Методологическую базу исследования составляют фундаментальные положения лингвокультурологии о национальном языковом сознании, понимаемом как система коллективных представлений, ценностных ориентаций и культурных сценариев, объективированных в языке (Попова, Стернин 2007, с. 28). В рамках такого подхода язык служит хранилищем культурного опыта и типичного для народа взгляда на мир. Различия заметны даже в том, какие сочетания слов кажутся естественными, а какие вызывают комический эффект (Верещагин, Костомаров 2005, с. 507).

Комическое представляет собой сложный феномен, который проявляется в отдельных словах и в устоявшихся моделях речи. Особый интерес вызывает то, что происходит с этим феноменом «при пересечении языковых границ», ведь в переводе культурные различия становятся особенно очевидными.

К базовым языковым средствам создания комического эффекта в комиксе мы относим иронию и сарказм (косвенное выражение оценки), гиперболу (создание гротеска), каламбур (вербальная игра), оксюморон и неологизмы (средства языкового новаторства), визуализацию идиоматических выражений, повтор.

Мультимодальная природа комикса как жанра предоставляет дополнительные ресурсы для создания комического эффекта за счет использования пауз, графического выделения, визуальных метафор и других паралингвистических средств (Hatim, Munday 2019, p. 204). Сочетание вербальных и визуальных элементов создает особые трудности для переводчика и одновременно делает анализ перевода комиксов особенно актуальным для исследования национального языкового сознания.

Материалом исследования послужили 100 стрипов комикса «Garfield» за период 2020–2024 гг. Выбор временного фрагмента обусловлен тем, что современный этап развития комикса демонстрирует устойчивые переводческие практики, а охват нескольких лет позволяет выявить языковые тенденции, повторяющиеся решения, устойчивые нормы передачи комического, изменения в подходах к игре слов и культурно маркированным элементам. Сочетание разных семиотических систем делает комикс особенно ценным материалом для исследования комического, поскольку позволяет проанализировать взаимодействие этих систем при создании комического эффекта (напр. мимику, жесты героя). Таким образом, корпус дает возможность проследить, как трансформировались стратегии перевода комического в последние годы, не смешивая их с более ранними, не сопоставимыми по культурному контексту практиками. Анализ культурных аспектов перевода и оригинала комикса «Garfield» позволяет выявить глубокую связь между стратегиями передачи комического и особенностями национального языкового сознания.

На уровне культурных концептов особенно заметны различия в восприятии таких фундаментальных концептов, как «юмор», «сатира», «ирония» и «сарказм» (виды комического). Русская традиция тяготеет к самоиронии, в то время как американской культуре более свойственна эмоциональная экспрессия (Тер-Минасова 2008, с. 71-94). Это различие отражается, например, в переводе реплик Гарфилда там, где в оригинале используется мягкая ирония, в русском переводе часто появляется более резкая, категоричная формулировка (*You're too close to the tracks. – Нечего торчать посреди дороги!*).

На уровне языковой картины мира проявляются различия в концептуализации повседневной действительности (Warschauer 2020; Тер-Минасова 2008, с. 84). Например, отношение к еде, диете, работе имеет культурно-специфические особенности, которые требуют учета при переводе (*Работа не волк, в лес не убежит. – The work isn't going anywhere*).

На уровне коммуникативных норм наблюдаются различия в степени прямолинейности, эмоциональности, использования сарказма. То, что воспринимается как мягкая шутка в американском контексте, может быть

интерпретировано как грубость или чрезмерная резкость в русском, и наоборот. Особый интерес представляют случаи культурных лакун – элементов оригинальной культуры, не имеющих прямых аналогов в культуре перевода (Venuti 2018, pp. 101–104). Например, шутки, связанные с Хэллоуином, Днем благодарения или другими американскими праздниками, требуют особых стратегий перевода (адаптации к русским праздникам, описательного перевода и т.д.).

Сопоставление оригинальных текстов «Garfield» и их русскоязычных версий выявляет системные различия в подходе к созданию и восприятию комического в американской и русской лингвокультурах. В русской традиции доминируют гротеск, самоирония, элементы черного юмора, что проявляется в репликах героя, основанных на снижении пафоса и комизме повседневных ситуаций (*I could lie here as usual. Or do something radical, like getting up. – Работать? Спасибо, я полежу; I love Monday mornings. Because I don't have to go to work. – Обожаю понедельники. Проснулся. Передумал. Лег обратно*). Подобные выражения соответствуют нормам русского юмора, ориентированного на бытовую иронию и самокритичность. Американская версия комикса, напротив, демонстрирует преобладание сатиры, игры слов, сильного преувеличения и каламбуров. Комическое здесь чаще строится на вербальной игре, буквальности и намеренном гротеске (*I'm not lazy. I'm just energy efficient. – Я не ленивый. Я энергосберегающий!* или *I'm on a seafood diet: I see food – I eat it. – У меня диета вижуем. Вижу еду – ем*). Шутки часто основаны на фонетических совпадениях (*Oh doe! *sniff* I thig I hab a code. – О дем! *шмыг* Кажется, я подстудился*).

Эти различия находят непосредственное отражение в переводческих решениях. Например, там, где в оригинале используется тонкая ирония (*Bad mood, coming through*), в русском переводе появляется более прямолинейная и эмоционально окрашенная реплика (*Поберегись! Паршивое настроение!*). Шутки, основанные на сложной вербальной игре, либо адаптируются к возможностям русского языка, либо упрощаются для большей доступности (Davis 2019, pp. 14, 27).

Таким образом, перевод комиксов выступает инструментом выявления культурно обусловленных различий в механизмах создания и восприятия комического. Исследование показало, что англоязычный «Garfield» опирается на игру слов, интерпретацию выражений, фонетические приемы и гиперболу, тогда как русские переводы тяготеют к самоиронии, эмоциональному усилению и снижению пафоса. Обнаруженные закономерности демонстрируют, как национальное языковое сознание влияет на выбор переводческих решений и сохранение прагматического эффекта. Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса за счет включения других комиксов и проведением диахронического анализа, который позволит проследить, как

культурные модели комического менялись в переводе в течение более длительного периода.

Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Москва: Русский язык, 2005.
Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. Москва: ЭТС, 1999.
Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово, 2008.
Davis J. Garfield Treasury. New York: Ballantine Books, 2019.
Hatim B., Munday J. Translation: An Advanced Resource Book. Routledge, 2019.
Hockly N. Digital Literacies. Routledge, 2022.
Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. Routledge, 2018.
Warschauer M. Learning in the Cloud. Teachers College Press, 2020.

Г.Г. Швец (Минск, Беларусь)

**Англо- и русскоязычный патентный текст
в контексте правовой культуры: контрастивный аспект**

Аннотация: В статье представлены общие и национально-специфические характеристики англо- и русскоязычных патентных текстов в сфере инфокоммуникационных систем с учетом их связи с правовой культурой соответствующих лингвосообществ. Установлено, что англоязычные патенты ориентированы на презентацию технического решения и активную позицию автора, тогда как русскоязычные патентные тексты характеризуются соответствием административно-нормативным требованиям и элиминацией авторского я.

Ключевые слова: патентный текст, правовая культура, инфокоммуникационные системы, макроструктура, микроструктура, дискурс, англоязычные патенты, русскоязычные патенты.

Abstract: The paper presents common and national-specific characteristics of English and Russian patent texts in the field of information communication systems, taking into account their connection with the legal culture of the respective language communities. English patents are focused on the presentation of the technical solution and the active position of the author, while Russian patent texts are characterized by compliance with administrative and regulatory requirements and the elimination of the author's self.

Key words: patent text, legal culture, infocommunication systems, macrostructure, microstructure, discourse, English patents, Russian patents.

В эпоху глобализации технологического пространства патентный документ трансформировался из сугубо юридического инструмента в сложный лингвокультурный феномен. Особый интерес в этом отношении представляет сфера инфокоммуникационных систем, где виртуальная природа объектов интеллектуальной собственности обуславливает

значимость языкового выражения как элемента правовой защиты (Trosborg 1997, p. 61–69; Баженова 2013, с. 23–32) и необходимость его лингвистического анализа. Фактическим материалом для исследования послужили 18 патентов (9 англоязычных и 9 русскоязычных), сравнительно-сопоставительное исследование макро- и микроструктуры которых позволило установить общие и национально-специфические характеристики, отражающие различия в культурно-правовых системах сопоставляемых лингвосообществ.

Макроструктура патента представляет собой сложную иерархическую систему, где формальные требования патентных ведомств тесно переплетаются с культурно обусловленными моделями аргументации (Swales 1990; Шмелева 1997, с. 88–99). В номинативном блоке наблюдается принципиальное различие подходов: англоязычная традиция демонстрирует тяготение к лаконичным и функциональным формулировкам, как в патенте «*Semiconductor device*» (Patent US 10,903,226 B2, 2021), в то время как русскоязычные патенты характеризуются развернутыми номинациями с детализацией области применения: например, *Квазистатический способ управления потоками требований в инфокоммуникационной системе специального назначения* [Патент RU 2633191, 2017].

Реферативный компонент также отражает различные коммуникативные стратегии. Английские рефераты сфокусированы на презентации технического решения, как в примере: *Embodiments of the present invention relate to identifying and routing an emergency call for a user equipment to an Emergency center <...>* – Варианты осуществления настоящего изобретения относятся к идентификации и маршрутизации экстренного вызова для пользовательского оборудования в центр экстренной связи <...> [Patent US 10,382,933 B2, 2019]. Тогда как русскоязычные аналоги акцентируют соответствие административным требованиям: *Полезная модель относится к конструкциям подвесных волоконно-оптических кабелей связи, в частности, предназначенных для подвеса навивкой...* [Патент RU 2757927, 2021]. Особенно показательное различие в разделе описания уровня техники: англоязычные патенты строятся по принципу «problem – solution» (Bhatia 1993), в то время как русскоязычные документы используют описательный подход с ориентацией на государственные нормативные акты (Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 0-3 «О патентах на изобретения», в ред. от 20.07.2023).

Прагматическая организация патентного дискурса раскрывает глубинные различия в коммуникативных установках исследуемого жанра в сопоставляемых лингвокультурах. Англоязычная традиция реализует модель «стратег → конкурентная среда», где автор активно позиционирует себя через местоимения 1-го лица: *In the initial step 52, the Messages with*

Media (by which we mean portions of the time indexed media...) [Patent US 8,180,030 B2, 2012] – На начальном этапе 52 определяются сообщения с медиаданными (под которыми мы подразумеваем части медиаданных с временной индексацией). Напротив, русскоязычная практика следует модели «докладчик → инстанция», предполагающая элиминацию авторского «я» посредством использования безличных и пассивных конструкций, обобщенных формулировок: *В блоке 101 принимают через сеть множество мультимедийных потоков для события мультимедийной конференции* [Патент RU 2602667, 2016].

Выявленные выше прагматические установки получают свою манифестацию на микроуровне, формируемом лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами.

Лексический пласт англоязычных патентов характеризуется сохранением архаичных юридических формул (*thereof* ‘из этого’, *whereby* ‘посредством чего’), тогда как русскоязычные документы демонстрируют преобладание канцеляризмов (*В блоке 105 осуществляют выбор активной группы декодируемых мультимедийных потоков из общего количества декодируемых мультимедийных потоков для сопоставления с доступными фреймами отображения на основе речевой и/или двигательной активности* [Патент RU 2602667, 2016]) и отглагольных существительных (*Прием, декодирование множества мультимедийных потоков* [Патент RU 2602667, 2016]).

Грамматическая микроструктура англоязычного патента характеризуется наличием герундиальных оборотов (*method for providing* ‘метод предоставления’) и номинативных образований (*Modular network interfaces with options for load balancing...* [Patent US 2020/0358878 A1, 2020]) по сравнению с формами активного залога (*Спутниковая система функционирует следующим образом* [Патент RU 2660113, 2018]) и сложной синтаксической архитектоникой русскоязычного патентного текста (*Исходя из вышеизложенного, недостатком способа-прототипа является невозможность выбора члена активной группы декодируемых мультимедийных потоков в качестве активного кандидата на замену на основе двигательной активности, приводящая к уменьшению целостности выводимой информации, характеризующей полноту и точность отражения требуемых декодируемых мультимедийных потоков* [Патент RU 2602667, 2016].)

Установленные различия микроструктурной организации исследуемого жанра маркируют глубинные отличия правовых культур сопоставляемых лингвосообществ. Так, англосаксонская правовая традиция формирует патентный дискурс, ориентированный на защиту индивидуальных прав в условиях конкурентной среды (Портер 2020). В континентальной русскоязычной правовой культуре патентный дискурс

ориентирован на обеспечение соответствия государственным стандартам и нормативным требованиям.

Литература

Bhatia V. K. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London: Longman, 1993.

Graetz N. *Teaching EFL Students to Extract Structural Information from Abstracts, Reading for Professional Purposes*. Leuven: ACCO, 1985.

Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.

Patent US 10, 382, 933 B2. System and method for establishing an emergency call over a wireless lan network: №15 / 821, 491: filing date 22.11.2017: publ. date 13.08.2019/ A. Pawar, S. Mishra; applicant: RELIANCE JIO INFOCOMM Ltd.

Patent US 10,903,226 B2. Semiconductor device: № 16 / 844,064: filing date 09.04.2020: publ. date 26.01.2021 /Y. Shin, Y. Park, J. Lee; applicant SAMSUNG ELECTRONICS CO.

Patent US 2020/0358878 A1. Method and system for routing user data traffic from an edge device to a network entity: №16 / 862,421: filing date 29.04.2020: publ. date 12.11.2020/H. R. Bansal, A. Pawar, Mumbai; applicant: RELIANCE JIO INFOCOMM Ltd.

Patent US 8,180,030 B2. Telecommunication and multimedia management method and apparatus: №12/032,426: filing date 15.02.2008: publ. date 15.05.2012 / Thomas E. Katis, James T. Panttaja, Mary G. Panttaja, Matthew J. Ranney; applicant Voxer IP LLC.

Swales J.M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Trosborg A. Rhetorical strategies in legal language: Discourse analysis of statutes and contracts. *Hermes, Journal of Linguistics*, 1997.

Баженова Е.А. Лингвистические особенности текстов патентов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 60-64.

Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 0-3 «О патентах на изобретения» (в ред. от 20.07.2023) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь.

Патент RU 2602667 № Н04N21/431 (2011.01), №G06F3/00 (2006.01) Способ мультимедийного вывода: дата подачи заявки 21.04.2015: опубликовано 20.11.2016 бюл. №32; авторы: Басов Олег Олегович, Романюк Олег Викторович, Ронжин Андрей Леонидович, Сайтов Игорь Акрамович.

Патент RU 2633191 № Н04W72/00 Квазистатический способ управления потоками требований в инфокоммуникационной системе специального назначения: дата подачи заявки 24.03.2016: опубликовано 11.10.2017 бюл. №29; автор: Легков Константин Евгеньевич.

Патент RU 2660113 №Н04B7/185 Глобальная многофункциональная инфокоммуникационная спутниковая система: дата подачи заявки 26.09.2017: опубликовано 05.07.2018 бюл. №19; авторы Кузенков Алексей Николаевич, Наумов Сергей Аркадьевич, Скородумов Андрей Иванович, Ковалев Валерий Иванович, Баринов Алексей Владимирович, Назаров Николай Григорьевич, Матвеев Сергей Вячеславович.

Патент RU 2757927 № Н0419/00 Система управления защитой информации: дата подачи заявки 22.12.2020: опубликовано 25.10.2021 бюл. №30; авторы: Хворов Руслан Александрович, Дьяченко Валерий Александрович, Скрыль Сергей Васильевич, Хакимов Тимурхан Мусагитович, Федюнин Павел Александрович.

Портер М.Е. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов [пер. с англ. Ю. А. Лукиной и др.]. Москва: Альпина Паблишер, 2020.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. ст. / Отв. ред. В.Е. Гольдин. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997.

Коммуникативное сознание

*У.Дж. Камбаралиева
(Бишкек, Кыргызская Республика)*

Понятие поступка в коммуникативном сознании русских и киргизов

Аннотация: В статье рассматривается понятие «поступок» в языковом сознании носителей киргизского и русского языков. Выделяются категориальные признаки концепта «поступок». Представлены результаты психолингвистического эксперимента со словом «поступок», которые позволяют определить коммуникативные установки сознания представителей киргизской и русской лингвокультуры.

Ключевые слова: коммуникативное сознание, поступок, психолингвистический эксперимент, значение.

Abstract: The paper examines the concept of «action» in the linguistic consciousness of speakers of the Kyrgyz and Russian languages. The categorical features of the concept of «action» are highlighted. The results of a psycholinguistic experiment with the word «action» are presented, which allow determining the communicative attitudes of the consciousness of representatives of the Kyrgyz and Russian linguistic cultures.

Key words: communicative consciousness, action, psycholinguistic experiment, meaning.

Понятие поступка, связанное с морально-этическими основами существования человечества, является одним из важных объектов исследования нескольких областей науки, что отражает его многоаспектную сложную семантическую структуру. В разноплановых психологических, философских и лингвистических исследованиях предпринимались попытки сравнить поступок с действием, фактом или событием и выделить его проявления в отдельные категории, а также рассматривались функциональные особенности лексем, отражающих значения поступков.

Тем не менее, вне поля зрения исследователей оставались вопросы, имеющие отношение к восприятию поступка представителями разных культур и сохранению ими этого значения в концептуальной памяти. Данное положение имеет важное значение, поскольку информация из концептуальной памяти в виде концептов упорядочивается в коммуникативном сознании, дающем возможность поступить определенным образом в коммуникативной ситуации и сформировать основу для адекватного межличностного и межкультурного диалога представителей тех или иных народов.

Исходя из указанного, целью данной статьи является выявление особенностей восприятия понятия «поступок» представителями русской и киргизской коммуникативной культуры, а также сравнение результатов

психолингвистического описания лексемы «поступок» с лексикографическим толкованием.

В своих фундаментальных трудах И.А. Стернин отмечал о том, что коммуникативное поведение отражает коммуникативное сознание людей. Это явление определяется им как «устойчивая совокупность мыслительных механизмов, обеспечивающих коммуникативное поведение (нации, группы, личности), их коммуникативную деятельность. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации» (Стернин, Камбаралиева 2018, с. 24). Следовательно, опираясь на коммуникативные установки сознания, в которых комбинируются традиционные и индивидуальные правила поведения в социуме, индивид совершает тот или иной поступок.

«Поступок» по словарю С.И. Ожегова – это «совершенное кем-н. действие» (Ожегов 1986, с. 493). В русско-киргизском словаре К.К. Юдахина «поступок» – это «кылык-жорук, кылган иш, мамиле» (Юдахин 2000, с. 616). Первое слово этого определения на киргизском языке используется в таких значениях, как «поведение», «действие», «проделка», а следующие переводятся как «сделанная работа» и «отношение».

Как выявлено из определений русско-киргизских словарей, точного соответствия слову «поступок» в киргизском языке не было обнаружено, поэтому при выражении различных оттенков значения этого слова, на киргизском языке используются целые описания, имеющие ярко выраженные оценки социума. Как выяснилось, в киргизской речи в качестве эквивалента русского слова «поступок» наиболее часто используются: лексема «иш-аракет», которая переводится на русский как «действие» и словосочетание «кылган иш» («сделанная работа»).

В словарях различных гуманитарных наук можно найти множество дефиниций данного понятия. Например, в современной философии большинство ученых поступок классифицируют по его динамичности и статичности. Поступок, сопровождаемый действием и движением, может выступать формирующим фактором бытия, а признак статичности считается сущностью и ядром самого поступка (Стрельцова 2008, с. 46).

А психологи поступок рассматривают как личностную форму, как часть поведения, в которой человек может выбрать цель и способы поведения, не всегда совпадающие с общепринятыми нормами (Выготский 1999). Такая позиция психологов в определении поступка близка к пониманию педагогов. В социологии поступок принято классифицировать как социально-психологическое, субъективно-индивидуализированное явление, поскольку, как нам представляется, поступок следует понимать как проявление воли человека, отличающее его от других. И любой поступок осуществляется в обществе, поэтому он априори социален.

Определения поступка, указанные разными науками, в лингвистике эксплицируются лексемами, в семантической структуре которых «действие» дается как основное значение. Это можно увидеть в дефинициях таких слов, как «шаг», «подвиг», «проделка», и др. (ТСРЯ 2013, с. 604; 655). Но «поступок» и «действие» – не равнозначные единицы, потому что поступок в отличие от действия всегда оценивается в социуме в зависимости от определенных факторов, и это можно считать его главным признаком.

Как показали языковые, лексикографические факты и ответы участников ассоциативного эксперимента, именно оцениваемость послужила важной причиной невербализованности на киргизском языке одной лексической единицей значений различных действий, относящихся в русской лингвокультуре к поступку. Этот случай показывает, что какое-либо действие, совершенное человеком, только после получения положительной или отрицательной оценки от членов общества может приобрести коммуникативную ценность (термин И.А. Стернина), и только после этого оно может быть воспринято в качестве положительного или отрицательного поступка в сообществе.

Именно морально-этическое содержание любого действия, выполненного сознательно, дает основание считать его поступком и отличает его от обычного действия, осуществленного неосознанно. Например, толкнуть кого-либо случайно – расценивается как обычное действие в коммуникативной ситуации, которое может быть завершено словом «извините», а толкнуть кого-либо с агрессией или чтобы спасти его от мчащейся машины – это поступок, получающий оценку в соответствии с бытующими в социуме нравственными параметрами. С этой позиции сказанное слово также может быть охарактеризовано как нединамический поступок, поэтому вслед за учеными-философами в содержании поступков целесообразно учитывать динамическое, а также статическое начало, которое может стать ядром, отправной точкой динамического поступка.

На основе значений, существующих в коммуникативном сознании представителей обеих культур, можно определить, что поступок как коммуникативный факт репрезентируется в качестве категории с тремя содержаниями: 1) поступок с положительной оценкой социума, 2) с отрицательной оценкой и 3) с переходной оценкой (когда через определенный отрезок времени многие поступки переоцениваются и получают противоположную оценку).

Для определения психолингвистического значения слова «поступок» нами были использованы ассоциативные эксперименты, направленные на анализ как языкового, так и коммуникативного сознания представителей киргизской и русской лингвокультур. Методика проведения такого эксперимента была изложена И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой в их труде (Стернин, Рудакова 2011, с. 127).

В первом эксперименте приняли участие 56 испытуемых киргизской национальности в возрасте 18–25 лет, студенты вуза, хорошо владеющие родным – киргизским языком, а также русским и английским языками на продвинутом уровне (это дало нам возможность не объяснять значения нескольких киргизских слов, функционально эквивалентных русскому слову «поступок»). На вопрос: «Что такое поступок?» в результате анализа субъективных дефиниций были получены следующие ответы, эксплицирующие компоненты концепта «поступок» в киргизской национальной картине мира и дающие возможность определить коммуникативные установки сознания представителей киргизской лингвокультуры:

1) «целенаправленное действие отдельного человека или группы людей в коротком отрезке времени, которое оценивается другими людьми в обществе положительно или отрицательно» (19 чел.);

2) «спонтанное действие, которое человек выполняет в соответствии со своими принципами и воспитанием и как бы под своим контролем» (10 чел.);

3) «какое-то действие / дело в непредвиденных ситуациях, которое показывает человека со всех сторон» (8 чел.);

4) «шаг, который может сыграть огромную роль в жизни не только выполняющего человека, но и многих» (7 чел.);

5) «приказ, порыв души; состояние, которое проявляется в критических ситуациях» (5 чел.);

6) «деяния человека по чувству долга, отличающие его от толпы» (4 чел.);

7) «осознанное действие человека, предпринятое в случае чего-то, как проверка других “на вшивость”» (3 чел.).

На основе обработки ответов испытуемых можно выделить следующие основные признаки поступка: действие; деятельность; результат; показатель; дело; шаг; приказ; порыв; состояние; деяние; мерило; проверка.

В некоторых ответах участниками эксперимента были даны также дополнительные сведения о том, что некоторые поступки, совершаемые согласно киргизским традициям как ответ поступкам других, утратили свою первоначальную коммуникативную ценность, и их описания сегодня остались только в исторических памятниках. Например, такие поступки, как кровная месть, добровольное принятие наказания главой – аксакалом племени за провинившегося члена этого рода, принятие наказания родителями за их сына – преступника и др.

Во втором эксперименте, в котором участвовали представители русской национальности, испытуемых было 50 (учащиеся выпускных классов школ и студенты вузов 16–25 лет).

Их ответы выглядели следующим образом:

- 1) «осознанное действие человека, управляемое его волей» (16 чел.);
- 2) «целенаправленное действие человека, совершаемое в соответствии с его принципами и оцениваемое обществом» (10 чел.);
- 3) «действие, которое раскрывает внутренний мир человека» (7 чел.);
- 4) «деятельность с определенным моральным содержанием» (6 чел.);
- 5) «преднамеренное действие человека, акт, оцениваемый обществом» (5 чел.);
- 6) «шаг, который совершается за короткое время и требует большой внутренней силы» (4 чел.);
- 7) «эмоциональный всплеск, вследствие которого человек осуществляет какое-то действие» (1 чел.);
- 8) «действие, которое привлекает внимание других и становится параметром для оценки» (1 чел.).

По результатам этого эксперимента в коммуникативном сознании представителей русской лингвокультуры выявлены следующие признаки поступка: действие; деятельность; акт; шаг; всплеск, параметр.

Как было выявлено, в обеих коммуникативных культурах поступок человека создает определенное мнение в социуме и оценивается членами общества по степени его положительного или отрицательного восприятия. Почти одинаковая характеристика поступка, данная представителями русской и киргизской коммуникативных культур, объясняется морально-этическим содержанием данного явления, которое имеет отношение к наднациональным, общечеловеческим ценностям.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что психолингвистическое значение лексемы «поступок» в коммуникативном сознании представителей обеих культур намного шире и разнообразнее лексикографического толкования. По результатам экспериментов можно сформулировать несколько признаков поступка, общих для коммуникативного сознания представителей обеих культур:

- 1) поступок связан с категориями морали и нравственности;
- 2) он является осознанным и рациональным действием человека, проявлением его воли;
- 3) он совершается в определенных условиях общества, как реакция на события, факты;
- 4) поступок совершается на основе убеждений человека как реализация его мотивов;
- 5) поступок вызывает общественный резонанс;
- 6) поступок вызывает у членов общества определенную реакцию в виде положительной или отрицательной оценки;
- 7) по поступкам человеку дают нравственную характеристику в социуме, которая закрепляется за ним надолго;
- 8) поступок обобщенно следует рассматривать как ценностную характеристику.

В заключение следует отметить, что результаты теоретического осмысления и анализа элементов коммуникативного поведения народов в контрастивном аспекте, в том числе и анализ категории поступка в коммуникативном сознании русских и киргизов, относятся к важным проблемам современной науки, требующих более глубоких исследований, поскольку они дают возможность определить пути развития межличностных и межгосударственных отношений и взаимообогащения культур, а также воспитать толерантных членов будущего человеческого сообщества.

Литература

Выготский Л.С. Мышление и речь. Москва: Педагогика, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/vygotsky/1934/thinking-speech.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение: монография. Воронеж: Истоки, 2021.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Рус.яз., 1986.

Русско-киргизский словарь / Под ред. К.К. Юдахина. Бишкек: «Шам», 2000.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011.

Стрельцова В.М. Человеческий поступок как предмет философской онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2008. №309. С. 45-47.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: «ЛадКом», 2013.

*А.С. Куркина (Воронеж),
Ю.А. Аллакулиева (Туркмения)*

Откровенность в коммуникативном поведении М.И. Цветаевой

Аннотация: В статье описываются отдельные признаки коммуникативного поведения М.И. Цветаевой и их динамика в рамках параметра «Откровенность».

Ключевые слова: коммуникативное поведение, М.И. Цветаева, откровенность.

Abstract: The paper describes certain signs of M.I. Tsvetaeva's communicative behavior and their dynamics within the framework of the «Frankness» parameter.

Key words: communicative behavior, M.I. Tsvetaeva, frankness.

Исследования особенностей проявлений личности в процессе коммуникации по-прежнему актуальны. Большой интерес в этом контексте вызывают личности великих русских писателей и поэтов, живших в другую эпоху. Объектом нашего исследования является коммуникативное

поведение М.И. Цветаевой в рамках параметра «Откровенность», его предметом – отдельные коммуникативные признаки указанного параметра.

Теоретической базой работы стали исследования Воронежской филологической школы, в частности, И.А. Стернина – основателя теории коммуникативного поведения (Стернин, Камбаралиева 2018).

Материалом нашего исследования являются письма М.И. Цветаевой с 1905 по 1916 г. Всего было исследовано 141 письмо. В письмах данного периода обнаружено большое количество откровенных высказываний поэта (93 примера).

Нужно отметить, что в ходе анализа материала писем М.И. Цветаевой мы столкнулись с некоторыми сложностями, вызванными необходимостью уточнения определения понятия *откровенность* (*откровенный*) и отделения его от близкого понятия *искренность*.

М.М. Наумова в своем диссертационном исследовании «Откровенность в межличностной коммуникации» (Наумова 2015), проделав на материале словарей дефиниционный анализ и проведя анкетирование среди носителей языка, отделила понятие *откровенность* от понятия *искренность* следующим образом. По мнению ученого, «основу понятия искренности составляет готовность человека к правдивому и открытому общению, правдивость сообщаемого. Откровенность, в отличие от искренности, ситуативно обусловлена, представляет собой одну из форм осознанного проявления искренности, открытости другому лично значимой информации, выполняет катартическую функцию» (Наумова 2015, с. 561).

Н.Д. Арутюнова говорит о «правде откровенности» как о виде адресованной правды и полагает, что «ее содержанием является новая для адресата информация, и касается она большей частью самого говорящего, той сферы его жизни, сообщение о которой не входит в норму повседневной коммуникации. “Правда откровенности” открывает сокровенное» (Арутюнова 1999, с. 599).

Опираясь на определения понятия *откровенность* Н.Д. Арутюновой и М.М. Наумовой, мы выявили в письмах М.И. Цветаевой откровенные высказывания, которые отвечали двум основным критериям:

- открывать адресату такую лично значимую информацию об адресанте, которую не принято сообщать в повседневной коммуникации;
- выполнять катарсическую функцию, то есть освобождать душу адресанта от сильных переживаний и чувств.

Было выявлено 10 признаков коммуникативного поведения в рамках параметра «Откровенность».

В данной статье рассмотрим два коммуникативных признака этого параметра с иллюстрирующими их примерами и развернутыми комментариями.

1. Стремление к откровенности в общении с собеседником

В целом письма М.И. Цветаевой свидетельствуют о стремлении адресанта к откровенности в общении с собеседником. Данный признак коммуникативного поведения М.И. Цветаевой подтверждается не только высокой частотностью ее откровенных высказываний (93 примера), но и ее прямыми заявлениями своим собеседникам, что откровенная беседа ей жизненно необходима: **«Я задыхаюсь при мысли, что не выскажу всего, всего!»** (М.А. Волошину, Москва, 1–14 октября 1911 г.).

В представлении М.И. Цветаевой общение подобно обмену душами:

«Милый Петя,

Я очень рада, что Вы меня вспомнили. **Человеческая беседа – одно из самых глубоких и тонких наслаждений в жизни: отдаешь самое лучшее – душу, берешь то же взамен**, и всё это легко, без трудности и требовательности любви» (П.И. Юркевичу, Москва, 21 июля 1916 г.).

Письма М.И. Цветаевой свидетельствуют о том, что она быстро привязывается к симпатичным ей людям и испытывает потребность в сближении с ними и взаимном доверии. Примечательно, что даже недолгое знакомство с симпатичным ей адресатом не мешает поэту стремиться к обоюдной откровенности в общении:

«Хочу Вам писать откровенно и не знаю, что из этого получится, – по всей вероятности ерунда. **Я к Вам приручилась за эти несколько дней и чувствую к Вам доверие, не знаю почему.** <...> Вы вчера меня спросили, о чем писать мне. Пишите обо всем, что придет в голову. Право, только такие письма и можно ценить. **Впрочем, если неохота писать откровенно – лучше не пишите»** (П.И. Юркевичу, Таруса, 22 июля 1908 г.);

«Вот странно, я Вас так мало знаю и говорю с Вами так откровенно, как с немногими» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.).

М.И. Цветаева не боится максимальной открытости и уязвимости, а наоборот, в них нуждается. Для нее адресат – это исповедник:

«Надо было начать вот с чего! У меня к Вам есть одно предложение, которое Вы вольны отклонить и которым я же первая, может быть, не воспользуюсь, – предложение безо всякого обязательства. Поскольку Вы любитель человеческих душ и поскольку моя душа, как мне кажется, прямо-таки создана для таких любителей, – **я предлагаю Вам стать моим исповедником, – очаровательным и очарованным исповедником**, но таким же верным, как если бы ему были доверены государственные тайны» (М.С. Фельдштейну, Ялта, 20 сентября 1913 г.).

Примечательно, что М.И. Цветаева осознает свойственные ей крайности: если она близка с собеседником, то откровенна с ним до конца, если же не близка с адресатом, то официальна с ним до холодности:

«Мои интимные письма – слишком интимны, официальные – слишком официальны» (Е.А. и М.С. Фельдштейн, Москва, октябрь 1916 г.).

В ходе исследования была рассмотрена динамика проявления данного коммуникативного признака. Она рассчитывалась с учетом письменной активности М.И. Цветаевой.

Самая высокая ее письменная активность наблюдается в 1911 г. (36 писем) и 1913 г. (26 писем). Самая низкая активность – с 1905 по 1907 г. (1905 г. – 2 письма; 1906 г. – 1 письмо; 1907 г. – 1 письмо). В указанный период в письмах юной Цветаевой нет откровенных высказываний.

Проявление данного признака коммуникативного поведения М.И. Цветаевой в процентном соотношении к ее письменной активности проявляется следующим образом:

– самый высокий процент писем с откровенными высказываниями – в 1908 г. (на 16 писем приходится 15 писем с откровениями) и в 1909 г. (на 3 письма – 2 письма с откровенными высказываниями);

– средний процент: в 1910 г. – 40%, в 1911 г. – 39%, в 1913 г. – 27%, в 1914 г. – 40%, в 1915 г. – 33%, в 1916 г. – 38 %;

– самый низкий процент писем с откровенными высказываниями – в 1912 г. (на 12 писем 1 письмо с откровениями).

2. Допустимость подробных откровенных сообщений адресату о своем негативном душевном состоянии

Данный признак ярче всего проявляется у ранней Цветаевой (1908 г.) в письмах П.И. Юркевичу (Понтику). Из 16 писем, написанных этому адресату, в 10 письмах М.И. Цветаева с высокой степенью откровенности рассказывает о своем состоянии одиночества и уверяет, что тоска – это ее обычное состояние:

«Вы вот вчера удивились, что и у меня бывает тоска. Мне в первую минуту захотелось все обратить в шутку – не люблю я, когда рожется в моей душе. А теперь скажу: да, бывает, всегда есть» (П.И. Юркевичу, Таруса, 22 июля 1908 г.);

«Повторяю Вам, что тоска – мое обычное состояние, из которого я на время вышла, благодаря Вам» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.).

При этом, сообщая почти в каждом письме адресату о своем негативном душевном состоянии, М.И. Цветаева осознает, что ее откровенность часто бывает излишней, и у собеседника может сложиться впечатление, что она косвенно просит его об участии и сочувствии. Встречаются письма, в которых Марина Цветаева даже извиняется перед собеседником «за длинные сердечные излияния» или досадует на излишнюю откровенность:

«В одном из Ваших писем, Понтик, Вы спрашиваете, откуда я беру данные для пессимистического мировоззрения. Ну, хотя бы из

такой хандры, которая иногда длится несколько дней подряд. Из гордости не лезу к людям за участием («а ко мне лезешь» дополните Вы), а сами приласкать не догадаются. <...> Конечно, глупо обвинять мир в том, что мне скверно, да я и не обвиняю, но невольно общие выводы окрашиваются в черный цвет, или в серый, это верней» (П.И. Юркевичу, 1908 г.);

«Извиняюсь за те длинные сердечные излияния, которыми утруждала Вас, жалею, что Вы с самого начала нашего знакомства не «указали мне мое место» (П.И. Юркевичу, Таруса, не позднее 31 июля 1908 г.);

«У меня сейчас настроение досады на себя. Мне кажется, что я веду с людьми себя непростительно-искренно и глупо» (П.И. Юркевичу, Москва, осень 1908 г.).

В письмах 1908 г. П.И. Юркевичу встречаются следующие типичные фразы, характеризующие «обычное» состояние М.И. Цветаевой: *мне стало так грустно; мне грустно-грустно; время уходит без радости; у меня тоска; у меня тоскливое чувство одиночества; какая у меня сейчас отчаянная тоска; мне страшно; боюсь одиночества и своей тоски; сейчас особенно темно на душе; со дна всплывает что-то темное; иногда, очень часто даже, хочется уйти из жизни; хочется выть; как тяжело жить одной; я как останусь одна – так сейчас грусть; я никак не могу найти себе места; это начало сумасшествия; бывают у меня минуты, когда мне хочется, чтобы меня пожалели.*

В письмах этому адресату М.И. Цветаева нередко передает внутренний диалог с самой собой, что является доказательством наивысшей степени откровенности. Главный вопрос, которым она мучается и на который пытается ответить, это вопрос о причине одиночества. М.И. Цветаева видит причину одиночества людей в их отчуждении от природы, а значит, и друг от друга:

«Я думала над тем, почему люди так одиноки. Ведь это ужас, подумайте, это проклятие. И ведь никогда люди, даже самые, самые близкие, не могут знать, что происходит в душе друг у друга. Счастлив тот, кто не гонится затем, чтобы понять. <...> Ну вот, я думала так и медленно шла, глядя на тоскливую даль. <Зачеркнуто две строки> И как-то сразу сделалось холодно и захотелось домой. Небо совсем померкло, а при свете луны поля сделались какие-то странные, грезящие, холодные. Вся оторванность человека от природы вдруг ярко стала мне понятна. И вышло так: люди – чужие, природа – чужая, далекая. И грустно-грустно было возвращаться по лесу домой, где кроме химии и алгебры никто не ждет» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.).

С точки зрения Марины Цветаевой, чем больше человек пытается понять суть вещей, тем меньше он счастлив. Она осознает, что излишняя рефлексия вызывает хандру, «выключает» из реальности:

«Бывают дни, когда ходишь как во сне, мало замечая то, что происходит» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.).

В то же время юная Цветаева не может просто жить и не задумываться, зачем живет:

«Унизительно жить, не зная зачем» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.);

«Внешние неудачи, домашние скандалы, разные сплетни – ерунда, вот уж что меня не огорчает, а «вопросы» разные – мое горе. Хочется понять жизнь» (П.И. Юркевичу, Москва, между 18 и 24 августа 1908 г.).

Свое состояние одиночества М.И. Цветаева объясняет сама себе и адресату и другой субъективной причиной: она быстро очаровывается людьми и также быстро в них разочаровывается:

«Пришлось нехотя признаться в том, что каждое «очарование» влекло за собой неминуемое “разочарование”. А сколько их было!» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.).

Ей свойственно «прислушиваться» к своему внутреннему состоянию, наблюдать его динамику, выявлять его причины, предполагать, каким будет следствие, при этом обязательно делиться своими переживаниями с собеседником.

М.И. Цветаева признается, что грусть и тоска у нее нередко возникают осенью. Это время года она ассоциирует с конечностью бытия, с чем-то безвозвратно уходящим. Триггером тоски для нее могут быть слуховые или визуальные образы: колокольный звон, отправляющийся поезд, далекие звуки игры на балалайке; чуть мерцающие огоньки, звезды, свет луны, закат, сумерки, темнота:

«Какая у меня сейчас отчаянная тоска, Понтик! Осень, колокольный звон, сознание, что лучшее время уходит без радости» (П.И. Юркевичу, 31 июля 1908 г.);

«Никогда не забуду того тоскливого чувства одиночества, которое охватило меня, когда поезд двинулся» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.);

«Я почти всю ночь простояла у окна. Звезды, темнота, кое-где чуть мерцающие огоньки деревень, – мне стало так грустно. Где-то недалеко играли на балалайках, и эта игра, смягченная расстоянием, еще более усиливала мою тоску» (П.И. Юркевичу, Таруса, 22 июля 1908 г.);

«Сейчас вечер. В комнатах ясный сумрак. Небо желто-розовое, светлое, звонят колокола. В такие вечера я никак не могу найти себе места» (П.И. Юркевичу, Москва, не ранее второй половины сентября 1908 г.).

Большинство цветаевских описаний грусти и тоски имеют лирический характер: их отличает задушевность, эмоциональная окрашенность и поэтическая взволнованность:

«Вчера вечером я вышла побродить в поле. У нас полей мало, всё больше лес. Ну вот бродила я меж желтой рожью *так!*, **садились солнце – и край неба был огненнокрасный, переходящий в золотой. Приближающаяся темнота, бледный месяц, голубоватая даль – всё это настраивало к грусти**» (П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.).

М.И. Цветаева откровенно признается собеседнику, что спасение от одиночества и тоски она видит в «бегстве» к людям, книгам и иногда к выпивке, хотя и понимает, что это часто не помогает, ведь от себя не убежишь, и тогда у нее появляется желание расстаться с жизнью:

«Вы вот вчера удивились, что и у меня бывает тоска. ... **От нее я бегу к людям, к книгам, даже к выпивке, из-за нее завожу новые знакомства. Но когда тоска «от перемены мест не меняется» (мне это напоминает алгебру «от перемены мест множителей произведение не меняется») – дело дрянное, так как выходит, что тоска зависит от себя, а не от окружающего. Иногда, очень часто даже, совсем хочется уйти из жизни – ведь всё то же самое. <...> Вчера в поезде очень хотелось выть, но не стоит давать себе волю. Вы согласны?» (П.И. Юркевичу, Таруса, 22 июля 1908 г.);**

«Сейчас особенно темно на душе. <...> **Порой мне бывает страшно и откуда-то со дна всплывает что-то темное. Мне кажется, что это начало сумасшествия.** Впрочем, это шаблонно – все так говорят, и никто не сходит с ума. Прочтите это письмо еще раз вечером, если хотите меня понять. **О, Петя, как тяжело жить одной. Я боюсь одиночества и своей тоски. Бегу ко всем, лишь бы забыться**» (П.И. Юркевичу, 22 июля 1908 г.).

Иногда Цветаева описывает свое негативное душевное состояние адресату в стихах, где поэтизирует смерть:

«Не смущайтесь, люди, исканьями правды напрасными,
Будьте дети, идите к тому, что вас манит и радует,
**Только в смерти должны мы печальными быть и прекрасными,
Как те грустные листья, что падают, падают, падают...»**
(П.И. Юркевичу, 28 июля 1908 г.).

В письмах 1909–1912 гг. М.И. Цветаева больше не сообщает адресатам о своем негативном душевном состоянии, а в 1913 г. пишет письмо М.С. Фельдштейну, в котором опять возвращается к теме тоски и смерти:

«...Там **очень грустно, почти невыносимо жить.** Все кажется прошлым и сном. Главное я забыла: чудные часы со штраусовскими вальсами. **Это уже почти смерть, такая острая и сладкая тоска, такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, уплываешь. В этих часах – весь романтизм, вся боль обожания, вся жажда смерти, – вся моя душа**» (М.С. Фельдштейну, Коктебель, 28 мая 1913 г.).

Она описывает свое внутреннее негативное состояние с тем же лиризмом и той же интимной тональностью, с которой писала о похожих чувствах в 1908 году, однако теперь ее описания приобретают еще больше поэтической взволнованности и метафоричности. Ей по-прежнему могут навевать тоску какие-либо ассоциации и визуальные образы, например, образ часов со штраусовскими вальсами. Он становится метафорой для описания внутреннего состояния М.И. Цветаевой, которое в 1913 году приобретает двойственный характер: с одной стороны, *ей очень грустно; такая острая тоска; такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, уплываешь; почти смерть*, а с другой стороны, *сладкая тоска, боль обожания, вся жажда смерти*.

Высокая эмоциональность М.И. Цветаевой передается при помощи слов, указывающих на высшую степень состояния (*очень, невыносимо, весь, вся*), а также перечислительных конструкций и приема градации (*Это уже почти смерть, такая острая и сладкая тоска, такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, уплываешь; В этих часах – весь романтизм, вся боль обожания, вся жажда смерти, – вся моя душа*). Последний пример реализуется в речевом акте признания.

В письмах с 1914 по 1916 год включительно мы больше не встречаем высказываний М.И. Цветаевой о своем негативном душевном состоянии.

Таким образом, рассмотренный признак проявлялся в коммуникативном поведении М.И. Цветаевой с наибольшей степенью интенсивности в 1908 г., что свидетельствует о сильной потребности шестнадцатилетней Цветаевой в откровенном общении. По мере взросления адресанта данный признак в ее коммуникативном поведении ослабевает и затем исчезает.

В заключение отметим, что большое количество откровенных высказываний М.И. Цветаевой позволило предположить, что параметр «Откровенность» является одним из самых ярких в структуре коммуникативной личности поэта.

В общении с адресатами, которым она доверяет и симпатизирует, ей свойственны открытость, исповедальность и прямолинейность. Откровенное общение для М.И. Цветаевой – это не только способ снять эмоциональное напряжение и разрешить внутренний конфликт, это ее способ решения экзистенциальных вопросов, способ познания мира через узнавание правды о себе самой, о своем «глубинном я», которое неразрывно связано с этим миром.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999.
Наумова М.М. Откровенность в межличностной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015.

Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 20-34.

Цветаева М.И. Письма 1905–1923 / сост., подгот. текста Л.А. Мнухина. Москва: Эллис Лак. 2012. 792 с. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonfiction/1101914-marina-cvetaeva-marina-cvetaeva-pisma-1905-1923.html> (дата обращения 30.11.25).

О.В. Мякушкина (Воронеж)

Стратегии речевого воздействия в проповедническом дискурсе англиканского епископата: конструирование коллективной идентичности

Аннотация: В статье рассматривается проповеднический дискурс современного англиканского епископата в качестве ключевого инструмента речевого воздействия, целью которого является формирование и поддержание коллективной религиозной и культурной идентичности. На материале современных проповедей и публичных выступлений епископов Церкви Англии и Шотландской епископальной церкви анализируются стратегии речевого воздействия и их тактическая реализация. Делается вывод о том, что современный проповеднический дискурс адаптирует классические риторические модели для создания гибкой идентичности, выступая медиатором между религиозной традицией и вызовами современного общества.

Ключевые слова: проповеднический дискурс, речевое воздействие, коммуникативная стратегия, коллективная идентичность.

Abstract: The paper examines the preaching discourse of the modern Anglican episcopate as a key tool of speech influence aimed at forming and maintaining a collective religious and cultural identity. Based on the material of contemporary sermons and public addresses by bishops of the Church of England and the Scottish Episcopal Church, strategies of speech influence and their tactical implementation are analyzed. The conclusion is drawn that modern preaching discourse adapts classical rhetorical models to create a flexible identity, acting as a mediator between religious tradition and the challenges of modern society.

Key words: preaching discourse, speech influence, communicative strategy, collective identity.

Публичный дискурс религиозных лидеров в современных обществах, переживающих процессы глубокой секуляризации и роста культурного многообразия, представляет собой значимый объект лингвистического и социокультурного анализа (Карасик 2002, с. 45). В контексте Великобритании и Северной Ирландии, где англиканские церкви, обладая историческим статусом, сталкиваются с феноменом «верую, но не принадлежу» (Davie 1994, с. 15), а также с кризисом традиционных форм религиозной общности (Brown 2009, с. 112), проповедь архипастырей выходит за сугубо литургические рамки. Она становится важнейшей

площадкой для дискурсивного конструирования и поддержания коллективной идентичности (Wodak et al. 2009, с. 78).

Целью данного исследования является выявление и комплексный анализ стратегий речевого воздействия в проповедническом дискурсе англиканских епископов, ориентированных на формирование чувства коллективной «мы-идентичности».

Теоретической базой послужили фундаментальные труды по теории дискурса и критическому дискурсу-анализу (Макаров 2003; Fairclough 1992), исследования по конструированию национальной и коллективной идентичности (Андерсон 2016; Wodak et al. 2009), работы по лингвопрагматике (Иссерс 2008), а также социологические исследования современной религиозности (Davie 1994; Brown 2009).

С лингвистической точки зрения проповедь архипастыря представляет собой канонический жанр институционального дискурса, чья специфика определяется иерархической структурой коммуникации и сверхзадачей духовно-нравственного воздействия (Карасик 2000, с. 16). Проповедь, произносимая в национальных соборах и транслируемая через цифровые медиа, выступает одним из таких мощных механизмов «воображения» сообщества, основанного на разделяемой истории, этических принципах и символическом языке (Wodak et al. 2009, с. 28). Таким образом, современная проповедь функционирует в точке пересечения трех векторов: выполнения традиционной религиозной функции, ответа на вызов секуляризации и прагматической задачи по дискурсивному «сплетению» распадающегося социального тела в новое воображаемое целое.

Для перехода от теории к анализу конкретных текстов проповедей необходимо уточнить, что понимается под стратегией речевого воздействия в данном контексте. В лингвопрагматике стратегия определяется как комплексный, сознательный план достижения коммуникативной цели говорящим, реализуемый через набор более мелких речевых ходов – тактик (Иссерс 2008, с. 88). В случае проповеднического дискурса архипастырей глобальной прагматической целью является не просто информирование, а изменение или укрепление мировоззрения и поведения аудитории, а именно консолидация ее в сплоченное сообщество с общей идентичностью. Следовательно, стратегии речевого воздействия здесь – это устойчивые модели речевого поведения, направленные на создание, актуализацию и укрепление чувства «мы». Переход к анализу конкретных проповедей заключается в выявлении этих моделей в реальных текстах через их формальные маркеры: лексический выбор, синтаксические конструкции, стилистические приемы и прагматические формулы.

Анализ современных проповедей и обращений англиканских епископов, взятых с официальных сайтов, позволяет вычленить несколько

взаимосвязанных стратегий, работающих на конструирование коллективного «мы». Центральной является стратегия консолидации и инклюзии, направленная на построение границ сообщества. Ее основная тактика – систематическое использование инклюзивного местоимения «мы» («we», «us», «our») и его производных. Например, в обращении, посвященном хиротонии новых диаконов в Лондонской епархии, епископ Сара Муллалли использует расширительное «мы», чтобы объединить епископат, новопоставленных служителей и всю паству: *«Today, we are not simply admitting new deacons to our ranks – we are strengthening the fabric of our common calling that threads through every parish, from the heart of London to its furthest edges»* (Bishop of London 2023). Это высказывание демонстрирует, как местоимение «we» стирает внутренние иерархии, создавая образ единой «ткани призвания» (fabric of our common calling), что является яркой метафорой коллективной идентичности. Данная тактика напрямую работает на создание «воображаемого сообщества», где географическая разбросанность преодолевается риторикой общего дела.

Важной является стратегия укоренения в традиции и апелляции к авторитету, которая придает легитимность и историческую глубину конструируемой идентичности. Архипастыри апеллируют к двойному авторитету: сакральному (Библия) и историко-институциональному. В публичном выступлении архиепископа Шотландской епископальной церкви Марка Стрэнджа по случаю дня Святого Андрея подчеркивается преемственность: *«Our faith is not a new invention. It is the ancient faith of Ninian and Columba, carried through reformation and renewal, calling us today to witness with courage and grace»* (Scottish Episcopal Church 2023). В этой фразе современная община («our faith») представлена как наследница древней кельтской традиции (святые Ниниан и Колумба) и последующих исторических трансформаций («reformation and renewal»). Тактика создания нарратива преемственности служит мощным инструментом легитимации и придает коллективной идентичности ощущение укорененности и устойчивости.

Еще одной ключевой стратегией выступает стратегия эмоционального вовлечения и персонализации, призванная преодолеть абстрактность догматов через апелляцию к личному опыту. Тактика использования риторических вопросов и оценочной лексики направлена на создание чувства личной сопричастности. В пасхальном послании епископа Дублина и Глендалоха Майкла Бёрроуза пишет: *«Have you ever felt the dawn of a new hope after a long night of despair? That is the Easter promise – not a distant doctrine, but the pulse of new life for you, for me, for us all, right here in our city»* (United Dioceses of Dublin & Glendalough 2024). Обращение к универсальному эмоциональному опыту («long night of despair») выступает как прагматический механизм, облегчающий присвоение и личностное осмысление религиозного понятия («Easter promise»), которое

переопределяется как близкий, личный и коллективный одновременно («for you, for me, for us all»). Это трансформирует теологическую концепцию в элемент разделяемого эмоционального опыта, укрепляющий групповую сплоченность.

В условиях секуляризации особую значимость приобретает стратегия актуализации и интерпретации. Ее цель – перевод сакральных текстов и ценностей на язык современных социальных, технологических и экзистенциальных реалий. В проповеди, посвященной вопросам экологии, епископ выступает как интерпретатор, связывающий библейские заповеди с актуальными вызовами: «*The Genesis call to ‘till and keep’ the garden was never more urgent. Our ‘garden’ now is this fragile planet. Our Christian vocation is to be its healers, not its exploiters. This is our shared stewardship*» (Scottish Episcopal Church 2022). В данном примере библейская метафора («garden») переосмысливается и проецируется на глобальную экологическую проблематику. Ключевым приемом – переопределение понятий: «vocation» становится «healing», а идентичность христианина формулируется через концепт «shared stewardship» (совместное попечительство). Таким образом, стратегия актуализации не просто адаптирует традицию, но и формирует на ее основе новое, социально ориентированное содержание коллективной идентичности.

Наконец, можно выделить стратегию формирования общего будущего, которая направлена на проекцию коллективной идентичности вперед, задавая цели и вектор развития сообщества. Эта стратегия часто реализуется через использование модальных глаголов долженствования и совместного действия в будущем времени. В программном обращении, посвященном развитию церковной общины, используется риторика совместного движения: «*Together, we must build a church that is not just a refuge, but a launchpad for compassion. Our journey ahead is one of radical welcome and service. This is the future we are called to craft, hand in hand*» (United Dioceses of Dublin & Glendalough 2023). Грамматические конструкции («we must build», «our journey ahead», «we are called to craft») создают образ общего проекта, в реализации которого каждый член сообщества является соучастником. Это не только описывает желаемое будущее, но и активно конструирует групповую агентность – ощущение, что данное будущее зависит от совместных усилий «нас» как коллективного субъекта.

Таким образом, проповеднический дискурс англиканского епископата функционирует как адаптивная система речевого воздействия, ядро которой составляет прагматическая цель конструирования коллективной идентичности. Эта цель реализуется через комплекс стратегий, которые материализуются в конкретных лингвистических практиках. В результате создается образ сообщества, диалектически сочетающего преемственность традиции и социальную активность в современном контексте. Тем самым

язык проповеди выступает ключевым медиумом, связывающим религиозный и социальный опыт в условиях их фрагментации. Проведенный анализ демонстрирует, что лингвистические механизмы данного дискурса обеспечивают не столько статичное сохранение, сколько динамичное переосмысление коллективного сознания, отвечая на вызовы эпохи.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле, 2016.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: ЛКИ, 2008.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Brown C.G. The Death of Christian Britain: Understanding Secularisation, 1800–2000. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2009.

Davie G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging. Oxford: Blackwell, 1994.

Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.

Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity. 2nd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

Bishop of London. Ordination of Deacons, 1 July 2023 // Bishop of London. URL: <https://bishopoflondon.org/news/ordination-of-deacons-1-july-2023/> (дата обращения: 09.12.2025).

Scottish Episcopal Church. St Andrew's Day Message from the Primus, 30 November 2023 // Scottish Episcopal Church. URL: <https://www.scotland.anglican.org/news/st-andrews-day-message-from-the-primus-2023/> (дата обращения: 09.12.2025).

United Dioceses of Dublin & Glendalough. Easter Message 2024 from the Bishop of Dublin // United Dioceses of Dublin & Glendalough. URL: <https://dublin.anglican.org/news/easter-message-2024-from-the-bishop-of-dublin/> (дата обращения: 09.12.2025).

Scottish Episcopal Church. Creationtide 2022: A Message from Bishop Ian Paterson // Scottish Episcopal Church. URL: <https://www.scotland.anglican.org/news/creationtide-2022-a-message-from-bishop-ian-paterson/> (дата обращения: 09.12.2025).

United Dioceses of Dublin & Glendalough. Presidential Address to the Diocesan Synod, October 2023 // United Dioceses of Dublin & Glendalough. URL: <https://dublin.anglican.org/news/presidential-address-to-the-diocesan-synod-october-2023/> (дата обращения: 09.12.2025).

В.К. Харченко (Белгород)

Национальное сознание: поворот к настоящему времени

Аннотация: Рассматриваются ценности настоящего времени и его признаки: ускользание, преходящий характер, подробности, позитивизм, непреходящая яркость. Декларируется важность настоящего времени для национального сознания.

Ключевые слова: настоящее время, национальное сознание.

Abstract: The values of the present and its signs are considered: elusiveness, transitory character, details, positivism, and enduring brightness. The importance of the present for national consciousness is declared.

Key words: present, national consciousness.

До сих пор среди не выявленных аспектов национального сознания отмечаются аспекты, связанные с искусством жизни в трех временах, как учили еще во времена Средневековья. В своей статье «Время и вечность в “метафизике света”» С.В. Девяткин, цитируя Августина, подчеркивал: «Вопрос о необходимости личных усилий, о том, годится ли человек в своем современном виде для бессмертия, – вообще не ставится. Между тем получить в распоряжение жизнь вечную, самому не будучи преображенным, – сомнительное приобретение для современного человека. Только радикально измененный – “преображенный” – человек способен стать “вечным”, и только такому человеку вечность станет домом, а не пугающей бессмысленностью» (Девяткин 1997, с. 30). Так С.В. Девяткин развивает идею блаженного Августина о вечности как умении жить одновременно в прошедшем, настоящем и будущем, чему способствует достаточно интенсивное развитие памяти, внимания и воображения.

Жить одновременно в прошедшем, настоящем и будущем времени – задача нелегкая, хотя и чрезвычайно интересная, весомая, значительная, скажем так: краеугольная. Из трех временных пластов отложенными, временно оставленными являются настоящее время и отдаленное будущее, к которому готовиться можно сейчас, в настоящем времени. Что же касается прошедшего времени, то оно в XX–XXI веках претерпевает многочисленные изменения, повороты, что также является неоднозначным, весьма сложным феноменом. Сегодня мы остановимся только на настоящем времени и обсудим его ценность, его признаки и перспективы развития.

Настоящее время – это «золотая середина», но в чем его суть и почему для многих людей (и для нас тоже!) она всегда таинственная, скрытая, «никакая»?

Начнем с «легкого», с того, что на нас и перед нами: как мы выглядим, что на нас надето и как выглядит наше жилье. Да, перед приходом гостей и в честь праздников мы наряжаемся, но речь-то идет о непраздничном, сегодняшнем, настоящем времени. Наряжались, садясь работать, Чайковский, Гайдн, Блок, а какие произведения выходили из-под их пера! Окружающее нас пространство, тот же дом, тоже требует заботы «здесь и сейчас». Настоящее время ведет нас вперед, будем же ему соответствовать!

Ценность настоящего времени весьма высока. Живи так, будто это твой последний день. Многим известна мудрость: живи так, будто

текущий день – последний, а это поворачивает нас к настоящему времени, по идее заставляет ценить текущий момент. Об этом свидетельствуют, в частности, мысли буддийских монахов. «В процессе медитации и безмолвия исчезают как прошлое, так и будущее, остается лишь настоящее, и это приносит радость. Сделать эту радость законом жизни – значит освободиться, значит победить» (Сидоров 1982).

Признаков настоящего времени как минимум пять: 1) ускользание; 2) постоянно преходящий характер; 3) подробности, позволяющие забыть про первое и второе свойство; 4) позитивизм настоящего времени; 5) его непреходящая яркость. Первые два признака особенно заметны. Настоящее время – это всегда чуть-чуть сегодняшнего дня, которое тут же становится прошлым.

Настоящее время нам подвластно, хотя у него есть один существенный признак – быстрое, мгновенное, ежесекундное *ускользание*, ускользание как несомненное свойство, качество времени. Хорошо выразил это отношение О.Э. Мандельштам в стихотворении 1931 года «Полночь в Москве»: *Уж до чего шероховато время, / А все-таки люблю за хвост его ловить, / Ведь в беге собственном оно не виновато, / Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...* Именно к настоящему времени так подходят слова: *Уж до чего шероховато время.* Действительно, настоящее время у каждого человека шероховатое, даже жуликоватое: то одно всплывет нехорошее, то другое, и всё это надо переварить, справиться с этим и действовать вопреки его, времени, диктату. «Но он никогда не жаловался, говорил, что живет прекрасно, а загадывать ничего нельзя, все равно жизнь повернет не туда, надо учиться жить здесь и сейчас», – вспоминает Мераба Мамардашвили его последовательница Наталия Рязанцева (Рязанцева 2011, с. 47). Кстати, помогает жить не только процедура сбора материала, но и содержимое самого материала. Обилие метафор, сравнений, перифраз, гипербол в обычных будто бы репликах, где и когда меньше всего ждешь эстетики, а она есть, хорошо встряхивает сознание. Эмпирика означает внимание к настоящему: мы учимся быть здесь и сейчас, чувствовать это настоящее как главное, основополагающее, весомое, но вот проблема: мы все время соскальзываем либо в недавнее прошлое, еще не остывшее в нашем сознании, либо в будущее, за которое надо сейчас побороться. Не случайно философы Э. Кант, М. Мамардашвили так ратовали за настоящее, за текущее время, и их высказывания учат уважать этот значимый миг бытия.

Второй признак настоящего времени – его *постоянно преходящий характер*. «Промедлительность» настоящего мгновения нами, как правило, не осознается, но в ней таятся зародыши настоящих и будущих дел, и это важно учесть. Стоит сформулировать цель твоих усилий – и настоящее время при всей его промедлительности заиграет красками, оттенками, богатством. К сожалению, гуманитарные предметы сейчас не

очень ценятся, а мы отчетливо понимаем их роль. В конце концов, есть примеры, когда, скажем, спутники Сатурна или Марса сначала отыскала в своих сочинениях именно литература. Это парадоксальное предвидение состоялось в одном из английских романов. Таких примеров множество. Почитайте того же Хлебникова – вы ахнете, обнаружив у него, например, в поэме «Ладомир» довольно четкое описание Интернета, сотовой связи и пр.

Мы не осознаем эти свойства, благодаря подробностям, которыми преисполнено настоящее время. «Люди ведь живут подробно, – говорит Нина, – у мужа на работе женщины разговаривают так: “А ты, когда помидоры подвязываешь, веревочку вокруг колышка два или три раза обвиваешь?”» (Горланова 1999, с. 5). Таких замечательных подробностей настоящего времени мы не замечаем, хотя именно они составляют важнейшие показатели длящегося настоящего. В ряде произведений так прорисованы подробности настоящего момента, что это становится уроком для нас: убраться у себя дома, починить крышу... А внимание к региональным фактам: будни электростанции в Оренбургской области (ТВ, 6 канал, 6 февраля 2022 года), а работа над художественным стилем (Хемингуэй 37 раз переписывал страницу, где рассказывал о болезни возлюбленной), а подробности на перспективу, когда юная студентка Таня Митькина так прочитала отрывок из классического произведения, что он до сих пор звучит в моих ушах и в сознании?

Следующий признак настоящего времени – **позитивизм**. «Сегодня», «сейчас» – вот характеристики настоящего, характеристики настроения. Забота о хорошем настроении – забота о настоящем, сиюминутном, забота о жизни в момент ее бытия – не это ли главное? Гедонистическое отношение к настоящему – не здесь ли кроется эффект настоящего времени? Приведем пример из рассказа женщины, доцента, поехавшей за границу, в Италию. *«Я поняла, что вся наша история – это мифы! У меня два типа отдыха. Первый тип – просто лежишь, отдыхаешь. Хочу – пролежу целый день, хочу – прокупаюсь! А второй тип – это собирать впечатления и ощущения! Потрогать, попробовать, увидеть, услышать, почувствовать те же запахи...»* (06.09.2012).

Рассмотрим картину: «Купчиха за чаем» Бориса Михайловича Кустодиева, где изображена женщина, сидящая за столом, пьющая чай, а на столе чего только нет: и печеные сладости, и пироги, и арбуз, и фрукты... Писалось всё это в кромешный голодный год, а здесь такая радость от бытия продуктов, такое счастье! Что это, как не праздник возможного настоящего момента, праздник жизни!

Создание словарей – это тоже позитивное творчество. Приведем характерную заметку о французском словаре: *«Сартр с удовольствием вспоминал, как Ларус был для него всем. Он брал с полки любой его том и находил в нем и парящих бабочек, и цветы, людей и животных, которые*

представали перед ним как живые и в картинках, и в описаниях во всей полноте и совершенстве» (Девкин 2005, с. 17). Хотели ли вы иметь такой словарь? Безусловно, хотели.

Наконец, последний признак настоящего времени – это его **непреходящая яркость**. Представим у себя в руках раскрытый веер – какой множественный эффект он дает! А мы раскрытые веера соотносим или с прошлым, или с далеким будущим, а что же сейчас? Представим себе палитру возможностей, которую открывает настоящее время, именно палитру: яркую, эффектную, завораживающую, зовущую нас. Настоящее включает в себя, таким образом, возможное. Возможное – будто о будущем, да еще невоплощенном? И да, и нет. Возможное обладает даже более сильными свойствами по сравнению с уже случившимся. Оно на данный момент и есть, и нет, но оно может быть, почему и входит в момент настоящего. Оно украшает настоящее своей реальной мечтой, оно ждет своего воплощения. *«...Возможное – это не один-единственный путь, это всегда веер, и можно спорить, какой вектор вероятнее, и можно выбрать и осуществить менее вероятный путь. Возможное включает не только самое вероятное»* (Померанц 1991, с. 52).

Примеры из немецкоязычных и русскоязычных мессенджеров послужили импульсом к дискуссии о цифровом этикете в различных лингвокультурах. Приведем два своих примера:

«Дорогой мой человек, приветствую, приветствую Вас. Только что приехал с таежной вахты (там нет интернета и телефона даже – и замечательно, роскошно лично для меня) – письмо от Вас, и спешу с ответом. Рад, что Вы по-прежнему творчески, научно деятельны... <...> Обо всем буду писать, только бы чуть-чуть поутихла жизнь. Хотя без шума людского и движений я уже не могу чувствовать себя покойно. Еще поработаем с Вами вместе» (17 сентября 2025). *«Я сейчас на юбилейной конференции в Тамбовском университете. Болдыреву Николаю Николаевичу 70 лет. Много пленарных докладов – сегодня целый день слушали. Приехало много гостей. Приехал Демьянков Валерий Закиевич! Выступал Владимир Ильич Карасик онлайн, он сейчас находится в Индии. Такое воодушевление на конференции!»* (18 сентября 2025 г.). Как видим, здесь медиальность и концептуальность переплетены, соседствуют, образуя новое пространство. Первое письмо принадлежит писателю, второе – доктору филологических наук, профессору.

Отметим также важную роль монологов, которые учат нас более внимательно относиться к сегодняшнему дню. В монологе мысли бывают прошлые, но сам факт произнесения его, рождения, создания свидетельствует о настоящем моменте. Прекрасное качество – не бояться произносить монологи, сначала внутренние, про себя, монологи-размышления, а потом и внешние, озвученные. *«...Каждый человек должен в течение определенного времени быть предоставлен самому себе*

и находиться вне возбужденной толпы. Это время необходимо ему, чтобы подумать, обработать информацию, отключиться, перезарядиться и не обращать внимания ни на кого (не нести ответственности ни за кого), кроме себя» (Гордон 2010, с. 239).

Представим отрывок из монолога: *«Я подумал для себя, посмотрел: если мне поработать с текстами Льва Толстого и Фридриха Ницше? Взять эти две фигуры. Взять религиозный аспект этих тестов: и там и там хватает вопросов по религии. В принципе, в чем-то они схожи. В чем-то они очень разнятся, да? В какие-то моменты и Лев Николаевич очень нетерпим. Да, эти письма, которые он пишет, где-то вот он смягчается, а где-то опять, да? У Ницше, конечно, вообще тексты очень жесткие. Конечно же, разные ментальности у людей. Разные судьбы. Все-таки этот – граф. Этот больной с 25 лет, и то, что с базельской истории всё это пошло, да, когда это место дали. Конечно, по-разному они в силу разных причин пришли к этой критике» (30.05.2015).*

Мы изложили некоторые соображения по поводу типичного и идеального поведения людей в настоящем времени. Полагаем, что это как раз то, что имеет прямое отношение к совершенствованию национального сознания.

Литература

- Гордон Т. Курс эффективного преподавателя. Как раскрыть в школьниках самое лучшее. Москва: Ломоносовъ, 2010.
- Горланова Н. Любовь в резиновых перчатках. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 1999.
- Девкин В.Д. Немецкая лексикография. Москва: Высшая школа, 2005.
- Девяткин С.В. Время и вечность в «метафизике света» // Человек – сам себе непонятный: сборник статей. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1997. С. 29-34.
- Померанц Г. Диалектика ответственности // Знание – сила. 1991. № 3. С. 51-54.
- Сидоров В. Семь дней в Гималаях // Москва. 1982. № 8. С. 3-110.
- Рязанцева Н. Адреса и даты // Знамя. 2011. № 11. С. 45-72.

Хроника

М.А. Стернина (Воронеж)

Хроника деятельности научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания профессором Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина за 2025 г.

Январь

Опубликован **31** выпуск продолжающегося научного издания «**Язык и национальное сознание**» – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. – 214 с. Научные редакторы **А.В. Рудакова, М.А. Стернина**.

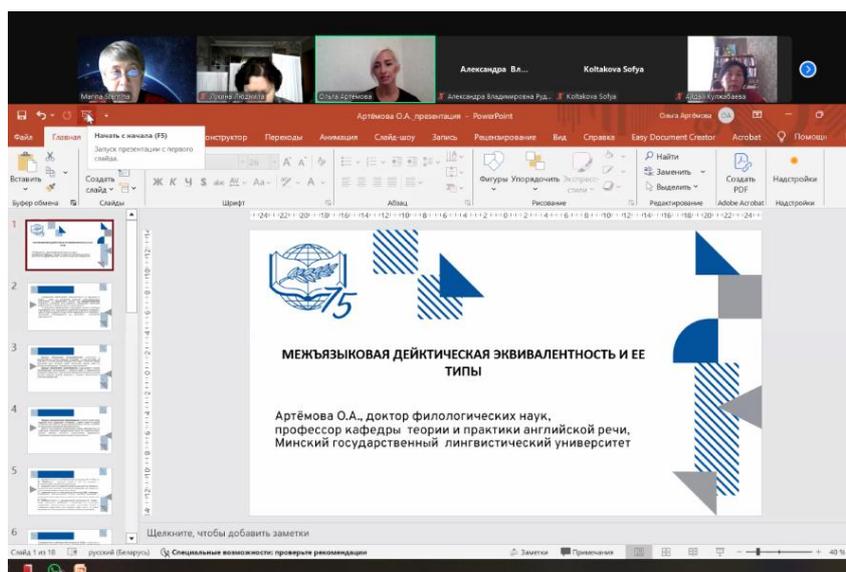
Сборник отражает результаты исследований в области теории и практики описания языкового и коммуникативного сознания носителей языка и включает статьи как Воронежских ученых, так и исследователей из вузов других российских городов и городов Республики Беларусь: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Севастополя, Твери, Саратова, Иркутска, Белгорода, Краснодара, Минска и Гродно, работающих в рамках проблематики и концепции Школы.

Февраль

4 февраля на платформе ZOOM состоялась **XI Всероссийская научная конференция с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление».**

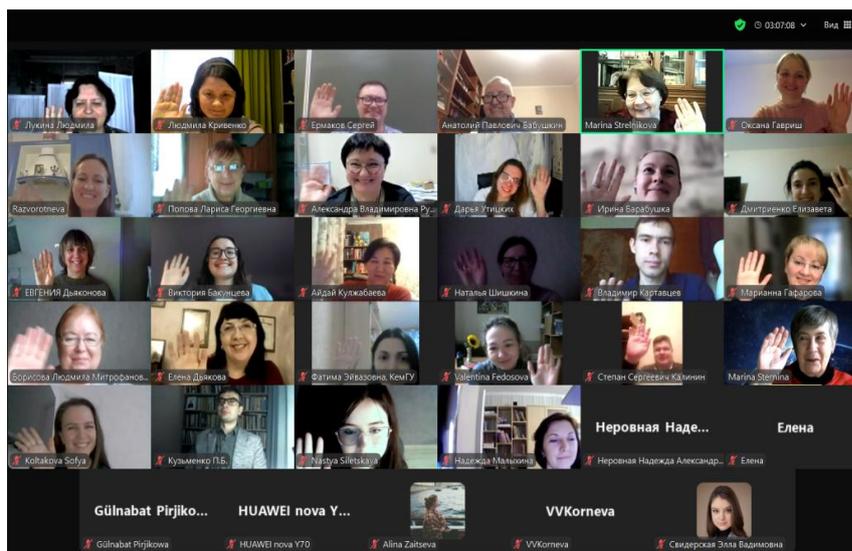
В работе конференции приняли участие представители вузов Воронежа, Москвы, Новосибирска, Кемерово, Санкт-Петербурга, Краснодара, Перми, а также Бишкека (Кыргызская Республика) и Минска (Республика Беларусь). На Пленарном заседании конференции с докладами выступили ученые Воронежского госуниверситета, Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), а также Минского государственного лингвистического университета (Республика Беларусь).

На трех секциях конференции было заслушано более 30 докладов, посвященных сопоставительным семантическим исследованиям, сопоставительным исследованиям в психолингвистике, сопоставительным исследованиям национальных концептосфер и коммуникативного поведения, сопоставительным исследованиям в области грамматики и текста, сопоставительным исследованиям и проблемам перевода.

Традиционно в конференции приняли участие не только маститые ученые, но и молодые исследователи, делающие первые шаги в науке. Двое из них – второкурсница Воронежского университета Анастасия Силецкая и второкурсница Московского городского педагогического университета Виктория Бакунцева получили от организаторов дипломы за научный дебют.

На заключительном заседании с обращением в стихах к участникам выступил постоянный участник конференции и ее стихотворный летописец профессор Анатолий Павлович Бабушкин.

Опубликован **22 выпуск** продолжающегося научного издания «Сопоставительные исследования 2025» – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2025. – 158 с. Научный редактор **М.А. Стернина**.

В сборнике представлены итоги работы по сопоставительной проблематике в 2024 году членов теоретико-лингвистической школы ВГУ в области общего и русского языкознания, а также материалы проведенной в рамках работы школы XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», состоявшейся 4 февраля 2025 г.

Научные редакторы коллективной монографии «Научная школа в области общего и русского языкознания профессоры Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина» (Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2024. – 360 с.) **М.А. Стернина** и **А.В. Рудакова** получили Дипломы первой степени на X Всероссийском конкурсе на лучший учебник, учебное пособие и монографию «Профессиональное мастерство 2024» за лучшую научную монографию по филологическим наукам.

Март

25 марта на базе МБОУ СОШ № 36 им. И.Ф. Артамонова прошел отборочный этап XXIV Регионального фестиваля риторики для школьников, который носит имя своего основателя – доктора филологических наук, профессора Иосифа Абрамовича Стеркина.

В конкурсе ораторского искусства приняли участие 115 школьников трех возрастных групп: младшей (1–4 классы), средней (5–8 классы) и старшей (9–11 классы) из 33 школ г. Воронежа и Воронежской области.

По результатам конкурсного отбора в финал конкурса прошли 26 школьников.

Апрель

В рамках работы Научной школы по коммуникативной проблематике 12 апреля был проведен финал XXIV Регионального фестиваля риторики для школьников.

Участники должны были за 2 минуты убедительно представить свою точку зрения на темы, связанные с 80-летием со Дня Победы и Годом защитника Отечества: *Есть ли место подвигу в настоящее время? Можно ли победить русский народ? У войны «неженское лицо»? Нужно ли участвовать в акции «Бессмертный полк»? Почему День Победы для многих людей – главный праздник в нашей стране? Нужны ли фильмы (книги) о войне? Можно ли сохранить человечность на войне?* и др.

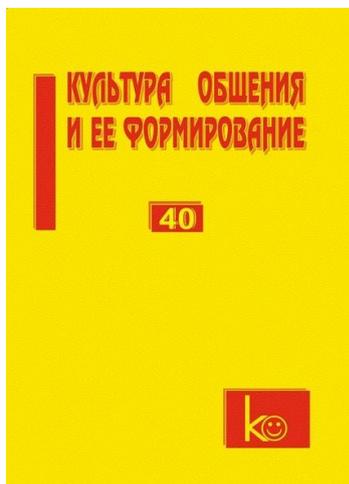
Жюри оценивало каждое выступление по трем критериям: содержание выступления, его презентация, культура и техника речи оратора.

Все победители и призеры получили дипломы и ценные подарки от Фонда Стерниных и Центра коммуникативных исследований – памятные кружки и книги, посвященные Великой Отечественной войне. Остальным участникам были вручены сладкие призы и дипломы лауреатов Фестиваля риторики. Учителя, подготовившие финалистов, получили благодарственные письма.

Май

Опубликован **40-й выпуск** продолжающегося научного издания «**Культура общения и ее формирование**» – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. – 224 с. Научный редактор – **А.В. Рудакова**.

Сборник включает материалы, отражающие результаты разработок в области культуры русской речи, культуры общения, речевого воздействия, коммуникативного поведения, риторики, современных тенденций развития русского языка и текста, языкового сознания, лингвистической экспертизы текста.

Наряду с исследованиями ученых вузов, в сборнике опубликованы также работы учителей и школьников г. Воронежа и Воронежской области.

Июнь

С 5 по 7 июня совместно с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Институтом славянских языков Харбинского педагогического университета (КНР), Донецким государственным университетом, Институтом лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова и Научно-образовательным центром межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева проведен XXI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации.

В ходе трех Пленарных заседаний и работы 10 секций был обсужден широкий круг проблем, связанных с изучением языковой личности, языкового и неязыкового сознания, речевого общения и речевого

воздействия, этнопсихолингвистики и аксиологии, межкультурной коммуникации, психолингвистическим анализом текста, новыми методами анализа речевых практик в условиях цифровой реальности, теоретическими, экспериментальными и методическими аспектами преподавания родного и иностранного языков.

К Симпозиуму был выпущен сборник «Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова (Воронеж, 5–7 июня 2025 г.) / редкол.: А.В. Рудакова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. – 318 с.

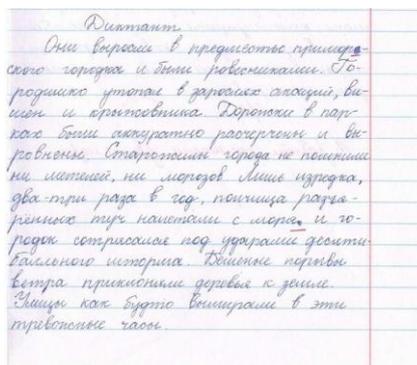
Сентябрь

С 8 по 30 сентября в рамках работы Научной школы по популяризации русского языка в Воронежском госуниверситете был организован и проведен Марафон грамотности, посвященный Международному дню грамотности, который отмечается 8 сентября. Организаторами выступили кафедра общего языкознания и стилистики и Центр коммуникативных исследований им. профессора И.А. Стернина.

Участниками Марафона грамотности – 2025 стали 1400 студентов вузов Воронежа и Воронежской области: 1074 студента 10 факультетов Воронежского государственного университета (юридического, экономического, филологического, физического, медико-биологического, философии и психологии, ПММ, ФКН, ГГиТ, РГФ), 100 студентов Борисоглебского филиала ВГУ (организаторы – к.ф.н., доценты Ираида Алексеевна Морозова, Вера Николаевна Пугач), 179 курсантов Воронежского института ФСИН России (организатор – к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков Ольга Леонидовна Никитина), 36 студентов Воронежского государственного педагогического университета (организатор – к.ф.н., старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Виктория Александровна Молчанова).

Участникам Марафона грамотности – 2025 был предложен достаточно трудный диктант, включавший основные орфограммы и пунктограммы школьного курса русского языка.

Победители и студенты, занявшие 2 и 3 места, получили дипломы и грамоты, а также памятные подарки. Студенческий Марафон грамотности был проведен при финансовой поддержке Фонда Стерниных.

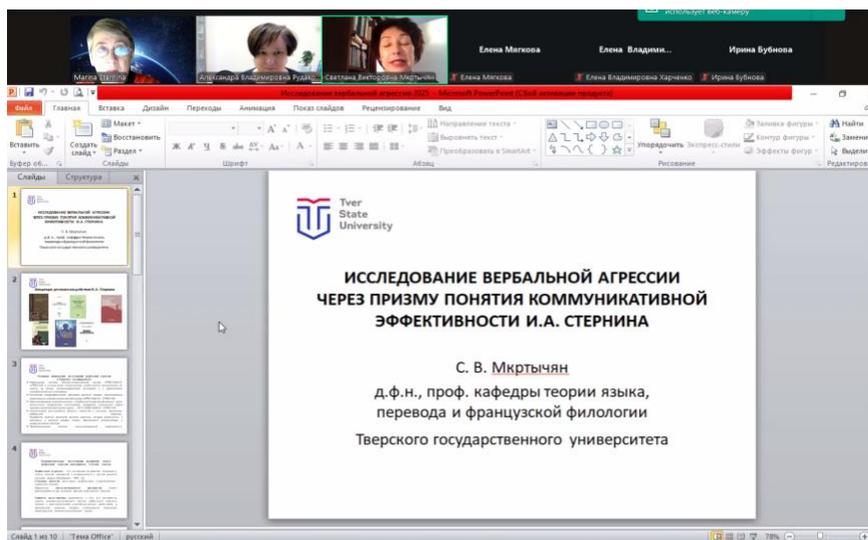

Октябрь

31 октября на платформе Zoom состоялась XI Всероссийская научная конференция с международным участием «**Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка**».

Участники конференции, представляющие вузы Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Тулы, Челябинска, Донецка, Ельца, Курска, Ярославля, Борисоглебска, Сургута, Омска, Брянска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Казани, Владимира, Перми, Краснодар, Иваново, а также Гродно (Республика Беларусь), заслушали 7 пленарных и 47 секционных докладов.

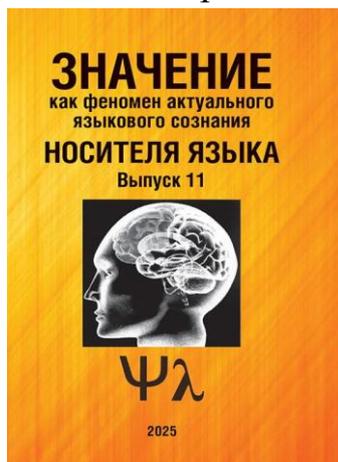

Среди выступавших, помимо профессоров и доцентов, были и начинающие исследователи – аспиранты, магистранты и студенты бакалавриата Воронежского, Брянского, Казанского, Московского, Тверского, Ярославского, Кубанского университетов, в том числе и иностранные обучающиеся из Узбекистана, Туркмении и Индии.

Опубликован **11 выпуск** продолжающегося научного издания «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2025. – Вып. 11. – 402 с. Научный редактор **А.В. Рудакова**.

Сборник включает статьи авторов, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного,

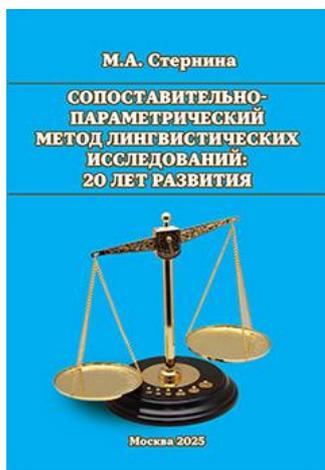
дискурсивного и когнитивного сознания носителей языка в рамках Теоретико-лингвистической научной школы в области общего и русского языкознания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина, а также статьи ученых других вузов, работающих в русле проблематики данной научной школы из Воронежа, Борисоглебска, Брянска, Владимира, Донецка, Елабуги, Ельца, Иваново, Казани, Краснодара, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Перми, Санкт-Петербурга,

Старого Оскола, Сургута, Твери, Тулы, Челябинска, Ярославля, а также вузов Беларуси, Сенегала, Туркмении.

В сборнике также представлены материалы докладов XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной кафедрой общего языкознания и стилистики и Центром коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина Воронежского государственного университета 31 октября 2025 г.

Декабрь

Опубликована монография со-руководителя Научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания профессором Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина – *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития – Москва: РИТМ, 2025. – 158 с.*

Монография подводит итоги 20-летнего развития сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, разрабатываемого в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы, и знакомит широкий круг лингвистов с возможностями и перспективами использования данного метода для сопоставительных, контрастивных и внутриязыковых семантических исследований, психолингвистических исследований, а также создания семантической типологии языков.

НАШИ АВТОРЫ

Аллакулиева Юлия Александровна – студентка, Воронежский государственный университет

Бабушкин Анатолий Павлович – д.ф.н., профессор, кафедра английского языка гуманитарных факультетов, Воронежский государственный университет

Борисова Людмила Митрофановна – к.ф.н., доцент, кафедра немецкой филологии, Воронежский государственный университет

Варнавская Елена Владимировна – к.ф.н., кафедра иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко

Гавриш Оксана Александровна – преподаватель, кафедра английского языка естественно-научных факультетов, Воронежский государственный университет

Гафарова Марианна Харисовна – преподаватель, кафедра английского языка естественно-научных факультетов, Воронежский государственный университет

Дорохова Людмила Владимировна – старший преподаватель, кафедра английского языка, Воронежский государственный педагогический университет

Дьюф Сейнабу – магистрант, Воронежский государственный университет

Дьяконова Евгения Александровна – к.ф.н., директор по научной работе, Центр обучения иностранным языкам COSHCO, Москва

Епринцева Юлия Николаевна – старший преподаватель, кафедра французской филологии, Воронежский государственный университет

Жихарев Николай Николаевич – преподаватель, Краснодарский государственный институт культуры

Камбаралиева Уулкан Джолдошбековна – д.ф.н., профессор, Американский университет Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика

Кириллов Сергей Александрович – аспирант, кафедра общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет

Клименко Екатерина Игоревна – старший преподаватель, кафедра английского языка естественно-научных факультетов, Воронежский государственный университет

Кривошеева Наталья Николаевна – старший преподаватель, кафедра теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации

Крупкина Олеся Алексеевна – магистрант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Курганова Эвелина Павловна – студентка 3 курса, Воронежский государственный университет

Куркина Алла Сергеевна – к.ф.н., кафедра русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук, Воронежский государственный университет

Масленникова Евгения Михайловна – к.ф.н., доцент, кафедра герменевтической лингводидактики и английской филологии, Тверской государственный университет

Меркулова Инна Александровна – д.ф.н., доцент, кафедра общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет

Мякушкина Ольга Владимировна – старший преподаватель, кафедра французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет

Николаева Ангелина Александровна – преподаватель, Краснодарский государственный институт культуры

Нурутдинова Аида Рустамовна – к. пед. н., доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Подшивалова Наталия Ильинична – к.ф.н., кафедра общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет

Разворотнева Ирина Николаевна – преподаватель, кафедра романской филологии, Воронежский государственный университет

Рудакова Александра Владимировна – д.ф.н., доцент, кафедра общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет

Савина Наталья Сергеевна – к.ф.н., доцент, кафедра иностранных языков, Саратовский военный Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации

Северина Екатерина Александровна – аспирант, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Слободянюк Татьяна Николаевна – преподаватель, Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Тверь

Степаненко Анастасия Александровна – студентка 3 курса, Воронежский государственный университет

Стернина Марина Абрамовна – д.ф.н., профессор, кафедра английского языка естественно-научных факультетов, Воронежский государственный университет

Стешина Дарья Александровна – студентка 3 курса, Воронежский государственный университет

Утицких Дарья Вячеславовна – преподаватель, кафедра английского языка естественно-научных факультетов, Воронежский государственный университет

Харченко Вера Константиновна – д.ф.н., профессор, кафедра филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Холина Алина Ивановна – студентка 3 курса, Воронежский государственный университет

Швец Галина Геннадьевна – преподаватель, Белорусская государственная академия связи; аспирант, Белорусский государственный университет иностранных языков

Яковенко Наталья Степановна – к.ф.н., кафедра английского языка естественно-научных факультетов, Воронежский государственный университет

Содержание

Языковое сознание

<i>Бабушкин А.П.</i> Факты «над-национального» сознания в русской и английской фразеологии	3
<i>Гафарова М.Х.</i> Развитие коннотативной полисемии сопоставимых лексем <i>сила</i> и <i>power</i> в русском и английском языках ...	6
<i>Дьяконова Е.А.</i> Субъектность участников коммуникации в английской лингвокультуре: когнитивный анализ конструкций «to speak to somebody» и «to listen to somebody»	12
<i>Епринцева Ю.Н.</i> Семантический потенциал французских фразеологизмов	15
<i>Кривошеева Н.Н.</i> Переключение кодов у билингвов и полилингвов в поле образовательного пространства	19
<i>Курганова Э.П.</i> Способы наименований жителей негородских поселений Воронежской области	24
<i>Масленникова Е.М.</i> Лингвокогнитивные характеристики русских паремий о солдате	28
<i>Меркулова И.А., Стешина Д.А.</i> Национально-специфичные элементы в лексике русинского языка	39
<i>Николаева А.А., Жихарев Н.Н.</i> Морфологические и лексико-семантические особенности музыкальной терминологии в английском и русском языках	42
<i>Нурутдинова А.Р.</i> Соматический код в паремиях как интертекстуальный маркер культурной памяти (на материале русского, английского и японского языков)	47
<i>Подшивалова Н.И., Дьюф С.</i> Особенности ассимиляции галлицизмов в русском языке в XX в.	54
<i>Разворотнева И.Н.</i> Вариативность форм именования топообъектов в испанских медиатекстах	59
<i>Савина Н.С.</i> Взаимодействие английской военной терминологии и других терминологических систем	64
<i>Северина Е.А.</i> Коллокации с единицами лексико-семантической группы «Сверхъестественные существа в религиозных культурах» в диахроническом аспекте	67
<i>Слободянюк Т.Н.</i> Компонентный анализ лексем, используемых для наименования помет негативной экспрессии (на материале толковых словарей XX – нач. XXI вв.)	73
<i>Степаненко А.А.</i> Универбаты в современном газетном тексте ...	81
<i>Яковенко Н.С., Варнавская Е.В.</i> Омоакронимия в современной медицинской терминологии: лингвистические и когнитивные детерминанты	87

Психолингвистические исследования

<i>Гавриш О.А., Рудакова А.В.</i> Психолингвистический анализ ассоциативных полей аббревиатур «ИИ» и «СММ»	95
<i>Утицких Д.В.</i> Структурная организация ассоциативных полей «Момент» и «Moment»	99
<i>Холина А.И., Рудакова А.В.</i> Психолингвистическое описание семантики слов «дракон», «змея», «василиск»	105

Дискурсивные исследования

<i>Борисова Л.М.</i> Особенности номинации в художественном дискурсе	111
<i>Дорохова Л.В.</i> Процессуальные и организационные маркеры речи в англоязычном судебном дискурсе	116
<i>Кириллов С.А.</i> Языковая и речевая системность текста «Второго соборного послания апостола Иоанна Богослова». Герменевтика текста	120
<i>Клименко Е.И.</i> Общее и уникальное в языковой картине мира Эдгара Аллана По и Натаниэля Готорна сквозь призму маркем	129
<i>Крупкина О.А.</i> Комическое как отражение национального языкового сознания: анализ англоязычного комикса «Garfield» и его русского перевода	138
<i>Швец Г.Г.</i> Англо- и русскоязычный патентный текст в контексте правовой культуры: контрастивный аспект	142

Коммуникативное сознание

<i>Камбаралиева У.Дж.</i> Понятие поступка в коммуникативном сознании русских и киргизов	146
<i>Куркина А.С., Аллакулиева Ю.А.</i> Откровенность в коммуникативном поведении М.И. Цветаевой	151
<i>Мякушкина О.В.</i> Стратегии речевого воздействия в проповедническом дискурсе англиканского епископата: конструирование коллективной идентичности	159
<i>Харченко В.К.</i> Национальное сознание: поворот к настоящему времени	163

Хроника

<i>Стернина М.А.</i> Хроника деятельности научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания профессором Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина за 2025 год	168
--	-----

Научное издание

Язык и национальное сознание

Выпуск 32

Научные редакторы: *А.В. Рудакова, М.А. Стернина*

Компьютерная верстка и оригинал-макет: *А.В. Рудакова*

Издание публикуется
в авторской редакции и авторском наборе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 27.01.2026. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5 Тираж 300 экз. Заказ № 406

Текст и иллюстрации предоставлены автором.

Текст печатается в авторской редакции.

119017, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 4/12 стр. 1, помещ. 2/п

Отпечатано в типографии ООО «РИТМ»